

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2022

ТОМ 7 № 1

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2022

ТОМ 7 №1

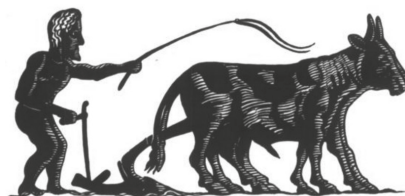
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Зимний вид» И.А. Айвазовский.1874.

Содержание

Теория

- Макаров Н. П.* Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства 6
- Сумида С.* Марксова теория мелкохозяйственного способа производства: переосмысление с позиций теории мелкого крестьянства 29

История

- Шарапов С. В.* Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны 52
- Нахимовский А. Д.* Свидетельства о войне и оккупации в воспоминаниях русских крестьян: две казачки под Сталинградом 69

Современность

- Петрик М.* Постсоветская трансформация сельского хозяйства: и все-таки успех? 103
- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я.* Отечественное фермерство: сигналы новизны. 131
- Гусаков Т. Ю.* Цыгане в постсоветском Крыму: вопросы миграции и интеграции 146

Интервью с исследователем

- Хлыстун В. Н., Никулин А. М.* «Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику» 171

Рецензии

- Кабытов П. С.* Рецензия на монографию: Мозохин О. Б. Дело «Трудовой Крестьянской партии». 220
- Троцюк И. В.* Новый взгляд на старые проблемы российской периферии. 228

Научная жизнь

- Овчинцева Л. А.* Дезурбанизация: за и против 239
- Лерман Ц.* К 80-летию юбилею Василия Якимовича Узуна 246

Russian peasant studies

Vol. 7. 2022. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues
and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Makarov N. P.* Russian economic thought on agricultural issues. 6
Sumida S. Rethinking Marx's theory of the small-scale mode
of production in the perspective of the small peasantry theory. 29

HISTORY

- Sharapov S. V.* Agriculture of the Novosibirsk Region under the state
agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War 52
Nakhimovsky A. D. Evidence of war and occupation in the memoirs
of Russian peasants: Two Cossack women near Stalingrad 69

THE PRESENT TIME

- Petrick M.* Post-Soviet transformation of agriculture: A success after all? . . . 103
Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. Farming and the rural world:
A generational change 131
Gusakov T. Yu. Gypsies in the post-Soviet Crimea: Migration
and integration 146

INTERVIEWS

- Khlystun V. N., Nikulin A. M.* "I have always considered it extremely
important to use science in agricultural practice" 171

REVIEWS

- Kabytov P. S.* Review of the book: Mozokhin O. B. *The Case of the
Labor Peasant Party* 220
Trotsuk I. V. A new look at the old problems of the Russian hinterland 228

SCIENTIFIC LIFE

- Ovchintseva L. A.* Deurbanization: pro et contra 239
Lerman Z. Anniversary of V. V. Uzun 246

Russian economic thought on agricultural issues¹

N. P. Makarov

Irina V. Trotsuk (translator), DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Alexander M. Nikulin (publisher), PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The author of this article, the remarkable Russian economist Nikolai Makarov (1886–1980), is one of the brightest representatives of Chayanov's organization-production school, who had a long and dramatic life. After graduating from the Faculty of Economics of the Moscow University, he conducted economic-statistical studies of the Russian peasantry and cooperation, and taught a number of agrarian-economic disciplines at the universities of Moscow and Voronezh. Makarov took an active part in the preparation of agrarian reforms during the 1917 Revolution. During the Civil War, he emigrated to the United States and wrote books about American agriculture. In 1924, at the invitation of Alexander Chayanov, Makarov returned to Soviet Russia — as a well-known professor and influential expert in the comparative studies of rural development in various regions of the world². The fruitful scientific work of Makarov and his colleagues from the organization-production school was stopped in 1930 — when Stalin accused Chayanov and Makarov of sabotaging collectivization and preparing a counter-revolutionary coup in the USSR. Makarov spent several years in prison, and in the mid-1930s, he was sent to work as an economist at the state farms of the Black-Earth region. In the late 1940s, he was allowed to return to research and teaching, and in old age, he published a number of books on the Soviet agricultural economy.

The article presents the emigrant period of Makarov's life, when he collaborated with the editorial board of the *Peasant Russia* journal published in Czechoslovakia in the 1920s. Makarov conducts a political-economic analysis of the main issues and topics in the Russian agrarian thought of the late 19th — early 20th centuries. First, he describes the features of the Narodnik and Marxist theoretical-methodological approaches to the study of the Russian rural evolution. Then, in the spirit of the Chayanov school, Makarov looks for a fruitful compromise between these two ideologies. He notes the

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

1. Макаров Н. П. (1923). Русская экономическая мысль в вопросах сельского хозяйства // Крестьянская Россия. Прага. Т. 4. С. 24-45. Reprinted in: *Historical-Economic Almanac*. Ed.-comp. by D. N. Platonov. Issue 2. Moscow: Academic Project; Gaudeamus, 2007. Pp. 422–456.
2. See, e.g.: Makarov N. P. (2019). At the great crossroads. The comparative analysis of the evolution of agriculture in China, the United States of North America, the USSR, and Western Europe. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 6-21.

important impact on Russian agrarians of the international, primarily German, studies of the agricultural organization and evolution. The final sections of the article explain Makarov's original classifications and typologies of the forms and directions of the agricultural evolution. Today, a hundred years later, this Makarov's work helps us to better understand the debatable roots of the Russian and global agrarian ideologies in the early 20th century.

Key words: agrarian question, Narodniks, Marxists, differentiation of peasantry, agricultural evolution

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-6-28

There are two main directions in the works and development of the Russian economic thought in the field of agriculture: the first direction focuses on social relations within agriculture; the second direction — on the organization of agriculture.

In the Russian economic thought, two directions have developed — social-economic and organization-production. The first direction considers primarily the issues of distribution and social-economic relations that develop on the basis of the appropriation of national income; the second direction emphasizes the issues of production in order to identify the principles of a reasonable organization of production.

The first direction developed earlier and enjoyed great attention and influence in the Russian educated society. The works of this direction and the wide interest in it were stimulated by the struggle of sentiments and ideologies of Slavophiles and Westerners, *narodniks* and Marxists, and by the ongoing social-political struggle in Russia.

The second direction developed later and received less attention of the wider public. It develops together with the Russian peasant economy which shows some signs of significant progress; it developed together with the social and state agronomy in Russia, and later with the agricultural cooperation. The works of the organization-production direction were stimulated by the technical-practical interest in agriculture, primarily in the peasant economy; this direction was nourished by the desire to help the peasant economy rationalize its production and to improve its market conditions. The most general and abstract questions posed and studied by the economic thought of the second direction were to finally ensure the success of these practical tasks.

The article aims at outlining the main features of the Russian economic thought of both directions in the formulation and solution of the questions on the evolution of agriculture and on the most important content of the challenges that agriculture faces in its development.

1. The study of social relations in agriculture

In the first period of the study of the rural social life, which started with the liberation of peasants from serfdom and continued until

the late 1880s, researchers focused on the question whether the village was poor or rich after the reform of 1861. Most researchers decided that the village was impoverished. The features of the land allotment to peasants, taxes and payments, land rent and state policy, etc., were considered as factors of the impoverishment of the Russian countryside.

Sometimes researchers studied life inside the village and found many 'poor' peasants and a few 'rich' ones. In such cases, researchers were interested not so much in social relations between the 'poor' and the 'rich' as in revealing the very fact of poverty or wealth and their quantitative measurements. Pessimism prevailed in both research approaches and results.

Only some aspects of the Russian rural life were considered optimistically, although due to the social philosophy of researchers rather than to the facts of life. Such optimism was determined by the Slavophile sentiments that were previously so strong in the aristocratic strata of the Russian intelligentsia: when searching for the true Slavic and true Russian features, Slavophiles 'discovered' the peasant land community that owned land and 12–15 years later redistributed it among its members. Members of the peasant community used arable and hay lands individually, while other lands (pasture, forest, etc.) were shared. The egalitarian land community was considered by Slavophiles as an inborn feature of the Russian people.

This attitude towards the peasant community remained in later generations of the Russian intelligentsia. The *narodnik* direction of the Russian thought argued that 'social truth is created in the peasant community'. When socialist sentiments intensified among the intelligentsia, it announced that the country would pass to socialism without the horrors of the Western-European capitalism, without 'boiling down in the pot of capitalism' — the peasant community with its justice and egalitarian land redistribution would lead the country directly to the socialist organization of society. When such an attitude towards the peasant community developed, social relations in the countryside became of particular interest, acuteness, and philosophical meaning.

In the 1890s, Marxist ideas entered Russia, deeply influenced the wider intelligentsia and quickly won positions with economists — researchers of the countryside. One of the central Marxist ideas was the idea of the class stratification of the contemporary society; Russian Marxists argued that capitalism was developing in Russia in the same way as in other countries, and that in the countryside, the peasant community was disintegrating, while a bourgeois class and a proletariat class were developing. In order to confirm their arguments, Marxists started to study proletarianization of the countryside.

The *narodnik* direction of the Russian economic thought, which originated with Slavophiles and later was reinforced by the methods and techniques of the German 'revisionists' (David and Bern-

stein), tried to prove that capitalism in Russia had little chance of success, that in the countryside, there was no growth of proletariat or bourgeoisie, but, on the contrary, the social leveling was obvious as the redistribution community was developing rather than disintegrating.

Already in the 1870s–1880s, *zemstvos* began statistical studies of peasant economies; when processing the huge statistical data, researchers got the opportunity to consider how agriculture was organized in different social groups. However, *zemstvos* had little interest in this issue and preferred to solve the riddle whether capitalization of the village was taking place.

Not only through statistical research, but also as a result of the preliminary theoretical work on the statistical data, the disputing parties began to come to increasingly similar conclusions (for example, the Marxist P. P. Maslov and the *narodnik* N. P. Oganovsky). The main conclusion was as follows: if the productivity of labor increases, the number of the well-to-do economies grows together with the general regrouping of all peasant economies on the basis of enrichment and enlargement. If the productivity of labor in agriculture declines, there is a general regrouping of all economies ‘downward’ — towards the lower social classes.

Marxists and some *narodniks* identified Russian regions with the differentiation of economies, i.e., with the growth of both extreme social groups due to the decline of the middle ones. This was usually typical for the land-rich areas with young grain farming and signs of relatively high labor productivity.

It is important to conclude by emphasizing that both disputing sides — *narodniks* and Marxists — recognized that there was no single way for the evolution of social relations: in different cases, evolution took different paths.

2. Types of economies and theories of the consumer economy

Under the above-described disputes about social relations in the countryside, many classifications of peasant economies were developed.

The techniques for statistical grouping of economies by social types were the most diverse and elaborate in the Russian agricultural statistics. At first simple, elementary groupings prevailed — by the number of working horses or by the area of land used by the economy. Later there were groupings by the size of the peasant family or by the number of workers in the family as an important feature for studying the labor family economy.

However, the most interesting groupings were introduced later — by the use of agricultural wage labor and by the tearing off one’s labor forces from one’s economy. These groupings allowed to identify

purely labor economies that did not use wageworkers and had sufficient income from agriculture; such economies did not have labor forces that left on seasonal, third-party earnings. Moreover, these groupings allowed to identify economies of a more capitalist type and economies of a more proletarianizing type, which did not involve all family labor forces.

Thus, the following social scale of economies was developed, which significantly resembles the well-known scale of the German agricultural economists:

I. Proletarianizing	II. Labor	III. Capitalist-labor	IV. Capitalist
Small economy. Working hands surplus. Leaving for seasonal, third-party earnings. Family consumption is partly based on the income from agriculture	Agriculture absorbs working hands of the peasant family. No or insignificant leaving on seasonal, third-party earnings. Family needs are satisfied by the income from agriculture	Agricultural needs surpass the labor force of the peasant family, but its members take part in agricultural works. Wage labor is used. The peasant economy accumulates wealth	Agriculture is so large that the economy owner acts as an organizer — the head of the economy. Most works are done by wage labor

Marxists and some other economists had as if a presupposition that the peasant economy was an acquisition economy in its spirit — it always strives to increase its income like any commercial economy; interests and needs of the family do not affect the life of the household and its motives; by striving for wealth, this economy becomes capitalist as soon as objective conditions permit.

Narodniks introduced a completely different interpretation of the peasant economy, which was later taken up by other agricultural economists and developed into an independent and fairly complete concept. At first, *narodniks* spoke of the labor economy in the objective perspective, i.e., they defined it as an economy in which all works were done by its family labor force. However, later they developed an understanding of the ‘consumer economy’ in almost the same sense in which in Germany W. Sombart developed the theory of the consumer craft economy for the Middle Ages. According to Sombart, ‘to live on income from one’s own hands’ was the economic motive of the medieval craftsman.

Farming as a source of income for the subsistence of the peasant family became the theoretical concept of many Russian agricultural economists, which led to a new, subjective interpretation of the peasant economy. This interpretation as if had an objective reflection in those redistributions of land within the peasant community, in which land was distributed among its members in proportion to

eaters; however, a significant share of peasant communities distributed land in proportion to work force. At the same time, researchers identified the trend that the more successful agriculture the more often land was redistributed in proportion to eaters, i.e., the consumer principle prevailed.

Thus, the consumer-labor family became the central point for understanding the peasant economy; family labor forces and consumer interests determined the life of the economy.

In the 1890s and later, statistical studies (very detailed) of incomes and expenditures of individual peasant economies developed tremendously. Economists were closely studying the consumption budget of the peasant economy; later they started to study its productivity with the budget analysis of individual economies.

As if the theoretical completion of these studies in the perspective of understanding the peasant economy as a consumer economy was the following statement (by A. V. Chayanov): the peasant economy is a consumer economy because its size, organization and labor efforts are determined by the family consumer needs. This statement was confirmed by the statistical analysis which showed that the growth of 'the worker's burden of eaters increases this worker's productivity'; and this was confirmed by the analysis of the worker's productivity in both monetary units and annual labor hours.

This dependence was tested on the Swiss (Lauer budgets) and German data and showed the same results. However, calculations on the income-expenditure data for workers' households and middle-class families (Germany) did not confirm this trend; therefore, the conclusion was made about the specific applicability of the 'consumer' understanding of the economy in agriculture. This understanding of the peasant economy as living for a 'consumptive motive' was used by many researchers.

It is hardly necessary to consider the 'consumer' and 'acquiring' interpretations as mutually exclusive; the consumer definition alone, without a description of the objective situation, is not sufficient. Only by combining this definition with the objective conditions in which the peasant economy exists as a labor economy, we get a complete picture of the 'consumer-labor economy' as an economy that provides the family labor force with enough work, does not use wage labor, and its organizational plans are determined by the family consumption motives. Such an understanding makes the consumer-labor economy one of the social types discussed above. People's needs are not only flexible but also can grow constantly; even for the peasant family, this growth does not have limits just like the incentive to expand the economy and increase its production. To a greater extent, this is a matter of objective conditions, and when such conditions exist, the accumulation of wealth overtakes the growth of needs and becomes an end in itself — the economy becomes capitalist, and in the intermediate state it is capitalist-labor. The overwhelming majority of Amer-

ican farms remain in this capitalist-labor state which is almost completely devoid of purely 'consumer' motives.

Thus, there is a synthesis of two conflicting theoretical approaches.

3. Systems and branches of agriculture

Let us leave social issues aside for the moment and consider completely different issues — organizational — in order to return to social issues later.

In Russia, the theory of the organization of agriculture was largely borrowed from Germany and partly from France and England. One of the central points in this theory was the concept 'economic system'.

The system of agriculture is determined by a combination of three main factors of production: labor, capital, and land. Various quantitative combinations of these factors create different systems of agriculture; extensive systems are based on low expenditures of labor and capital per land area, while intensive systems, on the contrary, — on large expenditures of labor and capital.

Intensification of the economy leads to an increase in gross income per unit of land. If the law of the diminishing productivity of the successively increasing expenditures of a factor is true, then intensification is to be accompanied by a decrease in the productivity of labor and capital. Many agricultural economists educated in the English political economy supported the law of diminishing productivity. This abstract idea of extensive and intensive agricultural systems was applied to the specific data from the history of agriculture. Researchers used such historical data and, when analyzing it in the perspective of the ratio of labor and capital expenditures per land area, calculated the intensity of specific economies.

In the 1890s, the practical difficulty of such an analysis together with the influence of the German historical school led to a different interpretation of the agricultural system. This system is determined by its specialization, i.e., by those branches that ensure the main part of the economy's income (thus, there is grain, meat, flax, potatoes, dairy production, etc.). The entire organization of the economy is considered through its production priority; all parts of the economy are considered not as independent but, on the contrary, as subordinate to the main branch or branches on which the economy as a whole depends.

As a ratio of three factors of production, the agricultural system as if contradicts the above-mentioned definition of the economic system through its specialization. However, this dispute was resolved by a synthesis of two approaches; in Russia, this synthesis was facilitated by the works of Aeroboe, Lauer and other researchers from Germany and Switzerland, who also came close to this synthesis.

Any specialization of agriculture is an indicator of the intensity of its organization. Any part of the economy can be assessed in terms of intensity, i.e., the ratio of labor and capital expenditures per land area.

Thus, the following features can be placed in order of increasing intensity:

Agricultural lands in order of increasing intensity	Methods for restoring soil fertility	Field crops in order of increasing intensity	Individual types of animal husbandry in order of increasing intensity
1. Pastures	1. Layland	1. Grains	1. Sheep
2. Hayfields	2. Fallow land	2. Cultivated herbs	2. Young horses in herds
3. Forests	3. Manure fertilizers	3. Sunflower, corn	3. Young small cattle
4. Arable land	4. Manure fertilizers + sowing nitrogen fixers	4. Potatoes, beets, cabbage, garden crops	4. Pigs
5. Farmstead	5. Manure fertilizers + purchased chemical fertilizers + crop rotation		5. Cows

Even without a quantitative estimate of each feature but with different combinations in order of their increasing intensity, researchers can conduct an in-depth analysis of the specialization intensity of a particular agricultural system.

The territorial expanses of Russia with a huge amplitude of agricultural forms — from the nomadic pastoral life to the highly intensive gardening near the capitals — allowed to consider these issues broadly — both statistically (A. Chelintsev) and theoretically (B. Brutskus). Even statistical methods for assessing the intensity factors for agricultural systems were developed.

Russia — both European and Asian — was analyzed by regions, and each region was considered as a stage in the evolution of agriculture; the geographical change of regions as if represents a historical evolutionary change of systems. To clarify this idea, we can make a list of agricultural systems in order of increasing intensity:

- 1) Nomadic pastoral economy –
 - a) sheep breeding dominates (the most extensive)
 - b) horse breeding dominates (transitional)
 - c) beef cattle husbandry (the most intensive)
- 2) Grain-virgin or fallow-land economy with beef cattle husbandry
- 3) Grain-out-of-crop economy with beef or dairy cattle husbandry
- 4) Out-of-crop-grain economy with sheep breeding (on fallow pastures)

- 5) Out-of-crop-grain economy with pig husbandry
- 6) Grain-root-tuber-crop economy with pig husbandry
- 7) Grass-root-tuber-crop economy with pig and dairy husbandry

These seven steps are arranged in order of increasing intensity; geographically, they are stretched across Russia, starting in Asia from the depths of the Kyrgyz steppes on the border with China, passing through Siberia and stretching across the entire Black-Earth strip of European Russia to the Kiev and Podolsk Provinces inclusive.

The specific changes and features of the agricultural system are determined by many factors; however, the important thing is that these changes exist and are observed with both historical and geographical methods. If the geographical method is not abused, it provides the agronomist-researcher and political economist with many practical instructions and inspires predictions of the coming evolution of every district according to the subsequent district of a more intensive stage of agriculture.

Thus, the synthesized understanding of the agricultural evolution as another way for expressing the system and, consequently, the intensity in the organization of agriculture, provides us with a valuable methodological tool for the analysis of reality.

4. Some special issues concerning agricultural systems

When speaking of agricultural systems, we separate their extensive and intensive types. Extensive types involve a lot of land and a small amount of labor and capital. Intensive types consist of inverse quantitative combinations and can be divided into two groups: a) labor-intensive — a lot of labor, a small amount of capital and land; b) capital-intensive — a lot of capital, a small amount of labor and land.

Certainly, these three types — extensive, capital-intensive and labor-intensive — do not exhaust all basic variations; there are other combinations in which two of three factors are needed in large quantities compared to small expenditures of the third one.

Furthermore, even these other types do not exhaust all logically thinkable combinations; there are many more of them, since each factor has a lot of quantitative options; and each new quantitative version of each factor can create a new combination of three factors. This is how we consider the diversity of life.

Nevertheless, theoretical thought, insofar as it is possible at all, by its nature is schematization and identification of patterns among all the options for combining the factors of agriculture. We have already mentioned one such basic generalization — the statement about the diminishing productivity of labor and capital inputs under an increase in intensity is widely recognized in the Russian agricultural works. Now this statement should be deepened and detailed.

Each factor, while remaining in the same qualitative form but being used in an ever-increasing quantity, loses its productivity. At the same time, every other factor presented in the smallest quantity will have the greatest productivity due to being used to the maximum. Therefore, the following regular relations can be identified:

1. The more extensive the agricultural system, the less productive a unit of land, but the higher an hour of labor and each ruble invested in the production capital is paid.
2. The more capital-intensive the agricultural system, the lower the productivity of each ruble spent in capital and the higher the payment for labor and land.
3. The more labor-intensive the agricultural system, the lower the productivity of one working hour and the higher the payment for capital and land.

It is obvious that intermediate, quantitative combinations of factors create transitional types of changes in their productivity.

All these patterns may not take place when the form and method of paying for and using a factor change; we agree to call these changes technical and qualitative rather than quantitative. Changes in technology are qualitative rather than quantitative, i.e., they as if suspend the 'law' of diminishing productivity for the factor spent in an increasing amount, and can also suspend the increasing productivity of the quantitatively least expended factor. One should not confuse with this the diversity of life, which sometimes occurs as if in contradiction with the regularities described.

Let us take for example field crops: wheat, clover, corn and potatoes. They are arranged in order of increasing labor intensity; at the same time, every next crop pays higher per a unit of land. However, if we consider the payment for one working hour spent on each crop, then in America we will find a completely different situation than in Russia or Western Europe: in America, potatoes often pay more for one hour of work than corn, and corn — more than wheat; in Russia or Western Europe, the opposite is often observed. The difference is determined by the fact that in America labor intensification is accompanied by capital intensification — by the use of fertilizers, machines and horses, while manual work dominates in Europe. And if capital intensification overtakes labor intensification, we get an increase in hourly wages for the more intensive crops.

Since there are many branches in agriculture, and every branch is a version of intensity, it is extremely difficult to follow and observe all the above-mentioned regularities in real life. However, it is important to recognize these relations in principle; they can be used as a working tool in the analysis of real life.

All that has been said sheds light on one more question — of the economic evaluation of both organization and results of the econo-

my. When two or more economies are compared and one is said to be better organized, the arguments are as follows: 'income from capital spent is higher', or 'income per unit of land is higher', or 'owners got a higher income from work'.

In Russian agricultural studies, we often see the assessment of the economy in terms of income per unit of land; in America, the assessment in terms of the so-called 'labor income' or income from capital prevails. Since the American 'labor income' is gross income without household expenditures, expenses for the maintenance of the family and the owner, wages of family members and interest on the capital invested, such a labor income is as if payment to the owner for his work and his 'entrepreneurial profit'.

Such a difference between Russian and American methods for estimating the economy and its income is partly determined by the fact that in Russia, the 'consumption-labor' type of agriculture prevails, while in the United States — 'capitalist-labor'; consequently, the motives of the economies are different, as was explained in Part 3.

There is another deeper explanation for this difference, which consists of economic considerations on the increasing and diminishing productivity of each factor under changes in their quantitative ratios. The owner assesses each factor, on the one hand, in terms of its availability, and, on the other hand, in terms of its relative productivity. For instance, in an extensive system, the owner will value each acre of land less, will easily start a careless and unreasoned use of land and even its partial plunder; at the same time, he will highly value labor and capital expended, which he has little compared to land; the evaluation of objects in terms of their redundancy and lack will guide the owner.

As if to meet this assessment, the owner estimates the same objects in terms of their productivity or usefulness for the economy; the owner as if makes each factor 'responsible' for a share in total income. We already know that more 'rare' factors are of higher productivity, and, on the contrary, quantitatively better represented factors are of lower productivity; the evaluation of each factor in terms of 'rarity' will correspond to its evaluation in terms of 'productivity'.

Thus, in an extensive economic system, the organization of the economy will be evaluated in terms of capital and labor expended; in an intensive economic system, on the contrary, the organization of the economy will be evaluated in terms of payment for land.

Since in the United States the land endowment of farms in the same agricultural areas as in Russia is much higher (3-6 times), certainly, in the United States, the organization of the economy is assessed in terms of wages or capital expended, while in Russia, the evaluation in terms of land used prevails. However, in the United States, in the areas of more intensive agriculture, for example, in New England, in addition to the evaluation of wages or capital expended, one can meet the evaluation in terms of payment per acre; and, accordingly, in Russia, in the land-rich regions (Siberia, South-

East), the assessment of the organization of the economy in terms of payment per *desiatina* does not help to understand the economy, and wages should be an important principle of such an assessment.

Thus, there is no single assessment of the qualitative perfection and rationality of the economic organization, even if we take for comparison only 'consumer-labor' or only 'capitalist-labor' economies; the system of the economy largely predetermines the choice of a factor for assessing its organization within the specific social type.

5. Systems of the economy and social evolution of the village

Our division of the main systems of agriculture into extensive, labor-intensive, and capital-intensive is very important for understanding the evolution of social relations in the countryside.

The agricultural organization varies by social types of the economy within the same region, which can be observed in Western Europe, Russia and America. However, it is obvious that larger economies are organized more extensively, smaller farms — more labor intensively, and the capital intensity is usually more typical for larger economies. The following example from America clearly illustrates this relation.

Groups of economies

Average acres per economy	Labor expended per acre in \$	Capital expended in production per acre in \$	Capital expended per \$100 of labor input in \$	Total income per acre in \$	Income per \$100 of capital in production (without the expended capital)	Income per \$100 of labor (without the costs of labor)
21	19.9	13.8	69	26.1	89	31
49	8.1	7.6	94	14.2	86	75
89	5.6	6.3	112	12.5	98	98
124	4.5	6.1	135	11.6	90	123
177	3.9	5.2	133	10.9	109	157
261	3.3	5.2	157	10.9	109	179

Economic groups differ in land availability; it turns out that the larger the farms, the less labor-intensive they are, and their capital-intensity also decreases but more slowly than labor-intensity; thereby, capital expenditures increase in comparison with labor inputs with the transition to larger economies. As a result of this difference in the economic organization, smaller economies receive higher pay-

ment per acre but lower payment per dollar invested in production capital, and especially lower payment for labor inputs; on the contrary, larger economies receive lower payment for land, higher payment for capital, and especially higher payment for labor.

This relationship between the size and organization of economies is not accidental; further, we will outline the main features of this relationship in the evolutionary context.

Schematically speaking, the evolution of agricultural systems consists of the transition from extensive to intensive forms. If this evolution is accompanied by an increase in labor intensity, then, as we already know, labor productivity decreases, which is enough to stop the development of the capitalist-labor type in the countryside, and, on the contrary, to determine the predominance of the consumer-labor type. Under the declining labor productivity, it becomes increasingly difficult for the owner to hire workers; he is forced to pay reduced wages to wageworkers; for the owner, such wage labor becomes less profitable. All this hinders the use of wage labor.

On the other hand, under labor intensification, wealth is accumulated more slowly; therefore, the quantitative growth of the capitalist-labor group (which requires primarily the concentration of wealth in such economies) should be curbed.

Finally, it should be noted that with the growth of labor intensity, the family economy (and the consumer-labor economy is a family economy) receives new benefits: in more labor-intensive systems, labor is often distributed evenly and is needed in larger quantities, i.e., such systems involve all the family labor force fully.

There is a completely different situation under the development of the capital-intensive system, because such a development requires an ever-increasing amount of capital that the capitalist-labor economies should provide. This, in turn, requires a preliminary accumulation of wealth, which accelerates with an increase in capital intensity — the productivity of labor grows, and the accumulation of wealth per capita accelerates. Thus, economies with a more capital-intensive system can benefit greatly from the use of both their labor force and wage labor, because labor becomes more productive; and even more than that — with the growth of capital intensity and, consequently, the growth of labor productivity, wages of agricultural wageworkers can be increased without slowing down the accumulation of wealth by households using wage labor.

It is clear that in other matters — such as struggles between economies for land by means of land rent, competition between economies by means of agricultural products prices, etc. — all this puts different social groups of economies in unequal positions depending on the organizational content of evolution.

These are two main paths of the evolution from extensive to intensive economic systems. It is obvious, that these two paths are rather two poles for all other intermediate evolutionary types.

Each branch of agriculture has its intensity coefficient $p = \frac{\text{labor} + \text{capital}}{\text{land}}$. Some branches were evolutionarily reconstructed into other; in real life, changes in the coefficients and types of intensity are infinitely diverse. Therefore, attempts to find a single trend in the evolution of social relations are unsuccessful — this evolution is determined by the conditions of the social order, on the one hand, and by the conditions of the technical order, on the other hand (the choice of a path for the economy in every place at each new level of intensity); there is an interaction between these conditions, which further confirms the impossibility of a single trend of evolution.

Indeed, in different regions and countries, and even in different social groups, the same branch of agriculture is organized differently: for instance, dairy animal husbandry in Western Europe and Russia is more labor-intensive than in America in which its capital intensity is somewhat more emphasized; however, within the same region in Europe and America, dairy farming is organized more capital-intensively in capitalist-labor groups and more labor-intensively in consumer-labor groups.

Thus, the above mentioned formula (Part 3) of the Russian agricultural economists, who studied the evolution of social relations, receives a more detailed and precise explanation, and we also see a synthesis of two approaches: it is impossible to understand the evolution of social relations without the evolution of agricultural systems; and, conversely, the evolution of agricultural systems cannot be understood without the evolution of social relations; these two evolutions, being synthesized, cannot exhaustively cover one another, because each meets only a part of the conditions given for the analysis and independent of the other.

We must finally give up faith in a single evolution of social relations already for the mere fact that it is impossible to identify a single type of change in agricultural branches or a single trend of change in the coefficients of agricultural systems; thereby, social relations manifested in the changes of branches and systems cannot have a single evolutionary scheme³.

-
3. Based on the data from the North American United States, let us consider an illustration of how different types of evolution can be identified at different times within the same national economy. When taking an average value for the whole country, we certainly make a big methodological mistake; we make another mistake by assuming that 'the population employed in agriculture' stands for the whole labor force in agriculture; and our third mistake is that we consider not all land of farms but only the cultivated land. Finally, the last assumption that reduces the qualitative value of our observations is that we consider capital invested in the economy by using its estimates for each new census. Nevertheless, due to keeping in mind the illustrative meaning of the further calculations and despite all the above-mentioned mistakes, we can identify the following interesting changes in the types of evolution in the US over the last 40 years. In the US, the period from 1870 to 1890 was a period of the extensive economic growth, but capital intensity grew faster than labor intensity; and, unfortunately, for this period, it is impossible to identify the nature of changes in social relations. This can be seen from the following data:

6. Factors of the evolution of branches, systems and social relations in agriculture

In this matter, we are under the changing influence of several theories from both Western Europe and Russia.

Basically, three main factors were identified at different times by different Russian economists: market, population density, and natural-historical conditions.

The well-known theory of the German economist Thünen presented in his book *Die isolierte Stadt* (*The Isolated State*) had a particular-

Annual Growth Percentage

Years	Cultivated land	Capital invested in live and dead stock	Number of employed in agriculture
From 1870 to 1880	5.1	5	3
From 1880 to 1890	2.6	2.2	1.9

This period of the extensive economic growth with the predominant growth of capital inputs over labor inputs ended and was replaced by the period of the general predominance of capital intensification, while the increase in labor inputs continued to lag behind the growth of 'cultivated land', i.e., labor extensification took place. This was a short period from 1890 to 1900, and it was replaced by a new period in which the ongoing capital intensification was supplemented by labor intensification; an increase in cultivated land lagged behind the growth of the number of agricultural workers and lagged even more behind the growth of capital expenditures. The quantitative characteristics of both periods can be seen in the following table:

Annual Growth Percentage

Years	Capital invested in live and dead stock	Cultivated land	Number of employed in agriculture	Number of wageworkers in agriculture
From 1890 to 1900	5.2	1.6	1.3	4.7
From 1900 to 1910	6.9	1.5	2.1	3.5

In the first period, the growth of capitalist relations particularly accelerated; the coefficient of the growth of the number of wageworkers was 3.6 times higher than the coefficient of the growth of the number of employed in agriculture; while in the second period, the first coefficient was only 1.7 times higher than the second. However, in the second period, the growth rate of the number of employed in agriculture increased, while the growth rate of the number of wageworkers in agriculture decreased. In the first period, capital intensification took place, and capitalist relations developed especially rapidly; in the second period, capital intensification was accompanied by labor intensification, and the pace of the capitalist relations development slowed down. Thus, such is the rough illustration of our evolutionary types on the American data.

ly great influence. Thünen's theory is based on the idea that the closer the economy to the market, the more intensively it is organized; according to intensity, the structure of the economy changes — starting from the intensive systems of agriculture near cities in the form of gardening and ending with the most extensive systems of cattle breeding and hunting in remote areas. The costs of transportation and the physical transportability of goods affect local prices, intensity and branches of the economy.

This understanding of the market influence is based on Ricardo's doctrine of land rent, which was widespread in Russia, and is supplemented by the Russian Marxists ideas about markets due to the disputes about the possibility of the development of capitalism in Russia.

We should also mention the influence of the Russian situation. In the 1880s–1890s, a significant part of the peasantry had to a large extent subsistence economy, i.e., without alienating products from their economy, despite the development of market relations — the sales of grain, flax, potatoes, milk, pigs, etc. At the same time, the government strengthened and accelerated the introduction of market relations in the countryside with the help of railway construction and taxes — for the purposes of industrial and especially financial policies (accumulation of gold reserves for the monetary reform, improvement of the state budget, etc.). All this attracted more attention of economists to the market as a condition for the evolution of agriculture.

The market (high prices, market demand, market capacity) played a significant role in the progressive restructuring of the peasant economy. Some economists began to pay exclusive attention to the market as the main factor in the evolution of agriculture. It even seemed that without changes in the market mass changes in the economy could not take place.

However, another approach developed, which insists that the organization of agriculture in the peasant economy depends on the density of rural population: an increase in the density of rural population leads to an increase in the intensity of agriculture. This position was established in the studies of the German historical school (Roscher, Schmoller) and was proved in the Russian conditions.

In 1890s, this position was introduced and developed with all possible efforts by the Professor A. N. Chelintsev, who used the density of rural population in different regions of Russia as the basis for the analysis of agriculture and as the principle of its research. When considering each branch of agriculture and its intensity, Chelintsev identified a relationship between the density of rural population and agricultural systems. However, in his first works, Chelintsev mentioned that the changes in the density of rural population may not coincide with the changes in the intensity of agriculture — density can grow faster or slower than intensity. The very possibility of a difference in the rate of evolution of population density and in the rate of evolution of agricultural intensity was recognized, which did not cancel the position that the density of rural population is the main factor in the organization of economy.

This position has deep grounds to be used in Russia. The Russian peasant economy was mainly a consumer-labor economy: when the population of such economies increased, its majority still had land to ensure a larger income for feeding a denser population. For the most part, the Russian peasant economy lived by preserving the land community with its periodic land redistributions; every new redistribution reduced the size of land per capita, which in a completely obvious form raised the question of intensification, and the peasantry searched for a decision as skillfully as it could and as the external conditions allowed.

At the same time, under an increase in population density, the number of agricultural workers grew, which allowed to increase labor intensity. Indeed, geographically the intensity of agriculture corresponded to the density of rural population.

However, separately neither the market nor density work as a factor that can resolve the issue; they do not provide a complete explanation of the evolution of the economy, while the combination of two factors moves us considerably forward, and this combination is far from being mechanical — for the most part it can be quite synthetic in the following way.

If we take a group of subsistence economies, the evolution of agricultural systems will be determined primarily by the growth of their population density. At a certain stage of this evolution, the economy cannot further intensify but maintains a harmonious relationship between its branches; the economy will have to choose some more intensive branches and specialize in them, for which it needs to sell products of these more intensive branches. Thus, although the economy seeks and needs a market, the initiative for evolution still belongs to the increasing density of rural population.

From the moment the connection between the economy and the market is established, the market can show initiative for evolution — by a demand for products of more intensive branches, the market allows the economy to specialize in them and to ensure income for the increased rural population. Subsequently, both the market and population density can act independently as initiating factors; in real life, the market often acts as an independent initiating factor, and America is rich in such examples.

Under certain concomitant conditions, an increase in population density leads to the creation of a local market for agricultural products due to both an increase in the share of non-rural population and the emergence of a market for agricultural products of rural population. In turn, markets create an opportunity for the rapid concentration of agricultural population near them, which is typical for the large cities' suburbs.

All this clearly proves that the market is a broader factor than population density; with the help of railways, the market penetrates into the most sparsely populated areas and sometimes makes a real agricultural revolution there, which, for instance, happened in Rus-

sia, in Siberia, after 1896 — when a railway was built in Siberia to connect it with the markets of European Russia and Western Europe.

The outlined synthesis in understanding the market and population density is only partial; the market as a factor of evolution should have an independent historical significance just like the density of rural population has an independent significance, especially in the early periods in the history of agriculture.

The high rural population density is associated with the creation of a local market and its impact on agriculture; while a non-local, distant market emerges and exists without a synthetic connection with the density of rural population in those remote areas on which the market extends its influence.

In addition to the above-mentioned two factors, a number of Russian economists (Professor Skvortsov in particular) consider the influence of natural conditions. They suggest the following idea: in the course of history, agriculture turns from natural and harmonious into market and specialized; the choice and placement of branches depend on local natural conditions; thereby, agriculture tends as if to reflect local natural conditions in its organization. Being an insufficiently validated theory as completely exhaustive and explaining everything, it still does not contradict but rather supports the previous two positions.

Thus, we fundamentally reject the monistic explanation of evolution: several factors together influence the evolution of agriculture; moreover, these factors can be and partly must be in a synthetic connection with each other. We can systematize these factors as follows:

I. Natural	II. Economic		III. Technical	IV. The rest. Social conditions
Climate (temperature and precipitations), soil, subsoil	Intrafarm	Interfarm	1) Plant selection and animal breeding 2) Soil cultivation techniques 3) Implements and machines 4) Fertilizers 5) Construction skills	1) Law (legal and common) 2) Ethics 3) Religion 4) Nation
	Provision of rural population with: a) land (price of land, population density), b) capital (price, amount), c) labor (price, quantity)	a) Availability of local markets for agricultural products, labor, and capital (general population density and a share of non- agricultural population) b) non-local markets for agricultural products, workers, and capital (capacity, price)		

In this scheme of evolution factors, we have not considered groups III and IV.

The evolution of technology has been a colossal factor in the evolution of agriculture; it affected not only the organization of the economy but also the evolution of social relations. Technology can be considered as a qualitative change in the organization of production, due to which less labor, capital or land is needed per unit of product. The development of technology determined the labor extensification — the same branch of agriculture of the same scale needs less labor inputs provided the increased capital inputs. The middle (corn) states of North America are a good example of this; some American researchers believe that this can explain the decline in the number of rural population in these states in the last two census periods.

The development of technology determines the growth of labor productivity accompanied by capital intensification, which leads to the accelerated accumulation of wealth, increased benefits from the use of wage labor and, consequently, changes in social relations in agriculture. In this respect, American agriculture differs from European agriculture to a large extent: technology as a factor has played a much more prominent role in America than in Europe; certainly, the emergence and significance of this factor are determined by other conditions mainly outside of agriculture.

We will not consider legal, ethical, religious, national and other factors of an indisputable importance. They have a profound historical influence on the evolution of agriculture and create those sharp deviations from the general evolutionary patterns that only historical reality can determine.

The multiplicity of factors is the reason why neither the evolution of agricultural organization nor the evolution of social relations in agriculture can be repeated at all times and in all countries. Various qualitative and quantitative combinations of historical factors create an infinite number of historical changes in agriculture.

Therefore, an absolutely complete synthesis of social and organizational approaches to agriculture is impossible — the same factors (especially non-economic) do not affect social and intra-economic organizational relations in the same way.

7. Types of agricultural evolution

Due to the fact that there is a whole system of evolution factors, the nature of changes in agriculture differs dramatically by country.

However, in both practical and theoretical thinking, we need schematizing generalizations in order to understand historical reality;

therefore, for agriculture, we have to typify historical processes in the same way as we typify factors of these processes and their impact. Such typological constructions may be quite far from reality, but they can serve as useful working schemes for a better understanding of reality.

Typification of historical processes can be based on various methods, but one of the main methods is typification by the changing rate of evolution of one or several factors. Such a typification allows to consider qualitative changes in factors, since they partly determine changes in rates. The rate or speed of evolutionary changes should be the basis for typifying historical processes. Let us clarify this idea.

The evolution of market relations, population density and technology influences the evolution of agriculture. Each of three factors can have its own rate of evolution. Suppose, for example, that market relations develop more slowly than the population density increases and technology changes; then it becomes clear what type of agricultural evolution will take place: the growing population will not find a way out in economic specialization for the sales of products on the market, and, consequently, in corresponding intensification. Intensification can take place either as an increase in the subsistence elements of the economy or as a preservation of its previous branch. Due to the backward technology, income of the economy will not keep up with the growth of population which will become poorer (wealth per capita); social relations will not be characterized by an intensified development of the 'capitalist-labor' group due to the lack of the corresponding situation. In the 1870s–1890s, the evolution of agriculture in the central agricultural zone of Russia was precisely of this type due to the slower growth of two factors (market and technology) and the accelerated growth of the third (population density).

Let us imagine the opposite: the density of rural population grows more slowly than market relations and technology develop. In such a case, the market provides the owner with favorable prices for agricultural products, thus, encouraging him to reorganize his economy in terms of both specialization and intensification. The development of technology and, consequently, the increasing productivity of labor and capital will determine the faster accumulation of wealth and capital-intensification of the economy; and we know that these changes lead to the development of capitalist-labor forms. American farming to a large extent represents this path of evolution — indeed, its ratio of rates in the evolution of individual factors corresponds to this type.

Finally, let us suppose that population density and technology develop more slowly than market relations; then the economy will develop towards either even intensification (of both capital and labor) or only labor intensification; the slow development of technolo-

gy tends to restrain the growth of capital intensity. Therefore, as we already know, the resulting conditions will contribute to the development of consumer-labor forms which tend to undergo mainly labor intensification.

We did not examine the impact of urban capitalism on social relations in the countryside under the growth of market relations — this factor would further complicate our analysis and would introduce new types into our system, which would describe mainly the limits of the development of capitalist-labor forms. The ratio of labor productivity, wages, working conditions, etc. in town and countryside to a large extent determines the limits of the development of rural capitalism. Given the brevity of this article, we can only emphasize the above-mentioned remark about the multiplication of the variants or types of agricultural evolution.

These are the first methods of typification: we did not consider statistical methods for identifying the rate of evolutionary processes; it is necessary to emphasize that, since the suggested typification of evolution is associated with the rate of evolutionary processes, quantitative measures become important at the second stage of this theoretical work.

When studying and introducing quantitative coefficients for the growth of population, market relations and even technology, and then for individual elements of the economy, we take a step closer to the quantitatively expressed types of evolution. The starting quantitative coefficients can be taken from reality, while the types of evolution can be constructed artificially (arithmetically-deductively) and be ‘ideal types’, i.e., they should be considered as any ‘ideal’ scale or measure (of length, weight, volume, etc.). Thus, we get only scales for historical processes, and the purpose of such scales is to be measuring instruments, to help us learn and assess historical processes in agriculture; and their work is finished as soon as the measurement or evaluation is completed. The issue considered in this part of the article is still brand new and raises many theoretical-methodological objections based on the non-repeatability and typification of historical processes; this issue is full of exceptional technical-statistical difficulties, but anyway it can and in the history of agricultural science perspective should be formulated in such a way.

Perhaps, after identifying the quantitatively expressed types of the agricultural evolution, we can turn to the revision of the theoretical-methodological ideas about the very possibility to typify historical processes.

Николай Павлович Макаров

Ирина Владимировна Троцук (переводчик), доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин (публикатор), к.э.н., руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Автор этой статьи замечательный российский экономист Николай Макаров (1886–1980) является одним из ярких представителей организационно-производственной школы Александра Чаянова.

Макаров прожил долгую и драматическую жизнь. По окончании экономического факультета Московского университета он занимался экономико-статистическими исследованиями крестьянства и кооперации в России, а также преподавал ряд аграрно-экономических дисциплин в университетах Москвы и Воронежа. Макаров принял активное участие в подготовке аграрных реформ в Русской революции 1917 года. Во время гражданской войны Макаров эмигрировал в США, где написал пару монографий об американском сельском хозяйстве. По приглашению Александра Чаянова Николай Макаров вернулся в советскую Россию в 1924-м году. К этому времени он уже являлся известным профессором, влиятельным экспертом в области исследований компаративистских стратегий сельского развития различных регионов мира.⁴

Плодотворная научная деятельность Макарова и его коллег по организационно-производственной школе была оборвана в 1930-м году, когда Сталин обвинил Чаянова и Макарова в саботаже политики коллективизации и подготовке контрреволюционного переворота в СССР.

Макаров провел несколько лет в тюрьме. В середине 1930-х годов он был выслан работать экономистом в совхозы Черноземья. В конце 1940-х годов Макаров получил разрешение вернуться к профессорской научной и преподавательской деятельности. Он уже в очень преклонном возрасте опубликовал ряд книг по экономике советского сельского хозяйства.

Представленная здесь статья относится к эмигрантскому периоду жизни Макарова, когда он активно сотрудничал с редколлегией журнала «Крестьянская Россия» издававшемся в Чехословакии в 1920-е годы. В этой статье Макаров стремится дать политэкономический анализ основных вопросов и тем аграрной мысли России конца XIX — начала XX века. Изначально он характеризует особенности теоретико-методологических подходов к изучению эволюции сельской России народников и марксистов, а затем стремится вполне в духе школы Чаянова найти пути для плодотворного компромисса этих двух идеологических мировоззрений. При этом Макаров отмечает важное воздействие на российских аграрников международного, прежде всего германского опыта изучения организации сельского

4. См. например: Makarov N. P. At the great crossroads. The comparative analysis of the evolution of agriculture in China, the United States of North America, the USSR, and Western Europe. *Russian Peasant Studies*, vol 4, no 1, pp. 6-21.

хозяйства и его эволюции. Заключительные разделы этой статьи посвящены обоснованию собственных макаровских оригинальных классификаций и типологизаций форм и направлений сельскохозяйственной эволюции. Спустя сто лет этот текст Макарова помогает нам глубже понять дискуссионные корни аграрных идеологий России и мира начала XX века.

Ключевые слова: аграрный вопрос, народники, марксисты, дифференциация крестьянства, сельскохозяйственная эволюция.

Марксова теория мелкохозяйственного способа производства: переосмысление с позиций теории мелкого крестьянства¹

С. Сумида

Соитиро Сумида, PhD (социология), приглашенный исследователь Ольденбургского университета им. Карла фон Осецкого и Берлинско-Бранденбургской академии наук. Германия, D-10117, Берлин, Ягерштрассе 22/23. E-mail: privdignity@gmail.com

Амгалан Сергеевич Санжеев (переводчик), аспирант Токийского университета международных исследований. Япония, 183-8534 Токио, 3-11-1, Асахи-чо, Фучу-ши. E-mail: sanzheyevamgalan@gmail.com

Владислав Олегович Афанасенков (редактор), специалист Чайновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук; младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Аннотация. Публикуемый перевод статьи японского историка социальной мысли и марксоведа Соитиро Сумиды посвящен проблеме понимания мелкохозяйственного способа производства К. Марксом.

Автор утверждает, что МЕГА облегчает объективную интерпретацию творчества Маркса, освобождая ее от любых примесей и искажений, основанных на идеологических убеждениях. С этой позиции, анализируя и сравнивая традиционные экономические теории Японии, выросшие и оформившиеся под влиянием Маркса, тексты самого Маркса, Сумида обращается к понятию «мелкого хозяйства».

По мнению автора, обращаясь в своих работах к мелкому крестьянству, предшествующие поколения исследователей ошибочно изучали тех, кого Маркс называл «мелкими земледельцами». Однако, по Марксу, «мелкий крестьянин» и «мелкий земледелец» — категории различные.

Ключевые слова: Карл Маркс, крестьянство, мелкое хозяйство, первоначальное накопление

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-29-51

1. Marukusu syōkeieiteki seisan yōshiki ron no saikentō: syōnō riron no shiza kara // Yuibutsuron kenkyū nenshi. 2014. № 19. P. 202–224. Перевод осуществлен с согласия редакции и издателя.

Публикуемый перевод статьи японского историка социальной мысли и марксоведа Соитиро Сумиды посвящен проблеме понимания мелкохозяйственного способа производства К. Марксом.

Сумида — участник японской группы в рамках международного проекта по подготовке к изданию полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (Marx-Engels Gesamtausgabe, или MEGA). Японская группа, в частности, занимается редакцией 17–19-го томов IV отдела (выписки, заметки и пометы в книгах), включающих тетради Маркса за 1863–1869 годы с текстами по проблемам экономики и сельского хозяйства, родившихся в процессе работы над «Капиталом».

Сумида утверждает, что MEGA облегчает объективную интерпретацию творчества Маркса, освобождая ее от любых примесей и искажений, основанных на идеологических убеждениях. Он обращается к понятию «мелкого хозяйства», анализируя и сравнивая традиционные японские экономические теории, возникшие под влиянием Маркса, а также тексты самого Маркса.

Акцент в данной статье сделан на двух традиционных японских направлениях — школе Коза и школе Уно. Школа Коза, что означает «лекции» (или же «курсы»), представлена авторами семитомного цикла «Лекции по истории развития японского капитализма» (1932–1933). Поскольку основным аналитическим объектом данной школы является японский капитализм, отчет которому положен реставрацией Мейдзи (1868 г.), в сферу их интересов не входило скрупулезное изучение мелких хозяйств более ранних эпох. Таким образом, трактовки понятия «мелкое хозяйство» (или крестьянство) строго ограничены как хронологически, так и территориально.

Основателем школы Уно был Уно Кодзо (1897–1977), ставивший своей целью операционализацию положений «Капитала» Маркса при конкретном анализе современного мира. Он разделил свою методологию на три части — теорию чистого принципа капитала, теорию стадий развития капитализма и анализ текущей ситуации. Уно признавал, что крестьянское хозяйство, с присущей ему собственной внутренней логикой, сосуществует с капиталистическим. Однако свои наблюдения о крестьянском хозяйстве, как и представители школы Коза, он выводил из наблюдаемого им капиталистического общества. В результате того, что обе школы оперировали марксистской терминологией, совершенно потерялось из виду оригинальное понимание мелкого хозяйства, встречающееся у самого Маркса. Стремясь к разрешению данного теоретического недоразумения, Сумида обращается к эталонному оригиналу — MEGA.

По мнению Сумиды, предшествующие поколения исследователей ошибочно изучали тех, кого Маркс называл «мелкими земледельцами». Однако по Марксу, «мелкий крестьянин» и «мелкий зем-

леделец», — разные категории. Мелкие земледельцы — это класс, возникающий в рамках капиталистического способа производства, в то время как мелкое крестьянство соотносится с мелким хозяйством, существовавшим еще до капиталистической эпохи. Согласно Марксу, мелкое хозяйство, способствующее развитию общественного производства и индивидуальности трудящихся, основано на частной собственности, разительно отличающейся от частной собственности при капитализме. В капиталистическом обществе частная собственность есть результат труда «несобственников», не обладающих собственными средствами производства. Напротив, мелкое хозяйство предполагает первоначальную собственность на средства производства, и трудящийся может выступать частным собственником, приобретая независимость в производственном процессе. Однако первоначальное накопление лишило трудящихся этой независимости в производственном процессе. Сумида обращает внимание на то, что длительность процесса первоначального накопления в Англии напрямую обусловлена тем, что ему препятствовало мелкое хозяйство, теоретически несовместимое с капиталистическим способом производства.

Данный перевод, по нашему мнению, станет весомым вкладом в дискуссию, идущую вокруг проблем теории некапиталистических систем хозяйства, а также проложит путь для будущих сравнительных исследований теории крестьянства Маркса в связи с идейным наследием организационно-производственного направления российской аграрно-экономической мысли.

Все цитаты из работ К. Маркса приводятся по второму изданию сочинений Маркса и Энгельса на русском языке. Подстрочные примечания переводчика помечены Ред. Уточнения к процитированным фрагментам, сделанные в интересах большей ясности замысла Сумиды, оформлены квадратными скобками.

В данной статье рассматривается роль мелкохозяйственного способа производства в Марксовой критике политической экономии, главный акцент сделан на «Капитале». В марксоведении традиционно считается, что начиная с современной эпохи, в процессе первоначального накопления, мелкое хозяйство либо прошло через самораспад, либо было экспроприровано капиталом, вследствие чего сложились отношения капитала и наемного труда (Накамура, 1991: 236). Однако, как видно из исторического обозрения в разделах «Капитала», посвященных первоначальному накоплению и земельной ренте, мелкому хозяйству и крестьянскому, в частности, им отводится важная теоретическая роль, сопоставимая с рассуждениями о капиталистическом способе производства в целом.

Следует заметить, что, рассматривая в данной статье пересмотр теории «мелкохозяйственного способа производства», мы не имеем в виду экономическое учение школы Уно. Представители школы Уно были фактически одними из первых, обративших внимание

на мелкохозяйственный способ производства и теорию крестьянского хозяйства. Например, Хакудзю Курихара не ограничивал понятие «мелкое крестьянство» рамками классического типа «свободных парцеллярных крестьян», а определял их как «свободных, так и несвободных трудящихся мелкого производства или мелкохозяйственного способа производства». Отличая мелкое хозяйство от крупных хозяйств (рабовладельческих, феодальных, капиталистических), он описывал его как «совокупность различных форм рассеянных друг от друга мелкопроизводственных трудовых крестьян, ведущих мелкое семейное хозяйство» (Курихара, 1969: 36). Однако, несмотря на то что во французском издании «Капитала» Маркс добавил теоретический акцент на «[Англии, где] уже не оставалось независимых крестьян [paysan]², которых можно было бы выместить, и дело теперь доходит до “очистки” земли <...>» (Marx, 1989: 646; Маркс, 1960: 739), Курихара утверждает, что в действительности «даже в Англии, где капиталистическое сельское хозяйство стало наиболее типичным, большую часть сельского населения по-прежнему составляют крестьяне, владеющие менее чем 50 акрами земли, и 20% мелких крестьян, владеющих менее чем 5 акрами, которые служат важнейшим источником для пополнения рядов сельскохозяйственных рабочих» (Курихара, 1969: 36). Данное положение демонстрирует, что Курихара ведет речь о крестьянстве именно в рамках системы капиталистического способа производства³.

Другой представитель школы Уно Масао Хазама справедливо отмечает, что мелкое крестьянское хозяйство является «необходимой основой для развития личной свободной индивидуальности (личностной независимости) работника»⁴. Однако утверждая, что «промышленный капитал решается сохранить мелкое крестьянство, <...> так как хочет использовать его в собственных интересах, [косвенно] контролируя <...> мелкое крестьянское хозяйство с его старым способом производства и низким уровнем

2. В данной статье проводится различие между мелким крестьянином (paysan) и фермером (farmer).

3. Курихара проясняет, что «мелкое крестьянство, оставшееся после разложения среднего крестьянства в условиях капиталистического сельского хозяйства, уже не является подлинным мелким крестьянством», а «подлинное мелкое крестьянство как представитель мелкохозяйственного способа производства особенно зависело от двух основ — сельского кустарного производства и сельской общины — как от необходимых условий своего существования» (Курихара, 1969: 220).

4. Однако Хазама, как и Хисао Оцука, попадает в ловушку модернизма, считая, что йомен, классический пример владельца мелкого хозяйства, «сыграл важную роль в нормализации развития капиталистического производства и в создании современного человека как основного трудящегося в современной индустрии (промышленности и сельского хозяйства)» (Хазама, 1952: 316). Характер йомена, которого следует строго отличать от мелкого крестьянина, будет рассмотрен в следующем разделе.

жизни», он осовременивает проблему мелкого крестьянства с точки зрения опыта поздних капиталистических стран (Хазама, 1952: 197).

Как отмечал в последние годы Синносукэ Тама, традиционная марксистская экономическая теория (особенно школа Коза) рассматривала сельскохозяйственные проблемы Японии сквозь призму «перехода от феодализма к капитализму вследствие земельной реформы» и поэтому столь оптимистично оценивала проникновение рыночных отношений в сельское хозяйство. Сам Тама, с позиций школы Уно, утверждает, что в реальном капиталистическом обществе система мелкохозяйственного способа производства не была полностью изжита, а следовательно, мелкое хозяйство следует анализировать как уникальный способ производства, отличный от капитализма. Таким образом, школа Уно формулирует «теорию мелкого крестьянства», основанную на том, что исторически мелкохозяйственный и капиталистический способы производства сосуществовали, и более того, первый продолжает существовать в рамках второго со своей собственной логикой. Тем не менее стоит сказать, что эта оригинальная «теория мелкого крестьянства» отличается от «теории мелкого крестьянства» Маркса, в которой проводится ее теоретическое различие с капиталистическим способом производства.

Действительно, в главе «Капитала» «Так называемое первоначальное накопление» Маркс определяет «мелкое крестьянство» как «новый класс мелких земледельцев (*petit laboureur*)» (Марк, 1989: 665; Маркс, 1960: 758), отличающийся от настоящего «мелкого крестьянства» и возникший в Англии в период мануфактуры (аналогичное определение дается в школе Уно). Иными словами, чтобы обеспечить «те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства» (Маркс, 1960: 758) в эпоху мануфактуры, городское ремесло и сельская кустарная промышленность все еще являются основой хозяйства. Сельская кустарная промышленность хоть и была уничтожена, вновь создается на другом месте. Таким образом, появившиеся новые мелкие земледельцы, «для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготовление продуктов, продаваемых — непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру» (Марк, 1987: 672; Маркс, 1960: 758), отличаются от настоящих мелких крестьян. Словом, при капиталистическом способе производства воспроизводится именно мелкий земледелец, а не мелкий крестьянин. Существование мелкого земледельца, как утверждает Маркс, «это причина <...> того явления, которое прежде всего сбивает с толку исследователя английской истории» (Марк, 1987: 672; Маркс, 1960: 758). Курихара и Хазама также фактически не смогли провести различие между настоящим мелким крестьянином и новым мелким земледельцем. Но различие между этими двумя понятиями имеет решающее значение

при рассмотрении мелкого хозяйства в его связи с капиталистическим способом производства.

С точки зрения этой проблемы в статье в первую очередь будет рассмотрена теория «первоначальной собственности», представленная в «Очерке критики политической экономии» (далее — «Рукописи») как фундамент для прояснения природы мелкохозяйственного способа производства и «теории мелкого крестьянства», которых придерживался Маркс. Затем, опираясь на «Экономическую рукопись 1861–1863 годов», мы дадим обзор основных определений мелкохозяйственного способа производства и мелкого крестьянского хозяйства в «Капитале». Далее мы проанализируем трансформацию мелкохозяйственного способа производства в капиталистический в ходе «первоначального накопления».

«Первоначальная собственность» в докапиталистическом способе производства

Маркс развивает теорию «первоначальной собственности» докапиталистического способа производства в одном из разделов «Рукописи» — «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (далее — «Формы»). Сатоси Накамура, который реконструирует историческую теорию Маркса, отталкиваясь от теории «первоначальной собственности», в «логическом» ключе, отличным от трактования ее как простого исторического происхождения, и определяет ее «абстрактным и общим определением докапиталистической собственности, включая формы, в которых рабочий является средством производства (рабовладение, крепостничество)» (Накамура, 1977: 12). В традиционном, ортодоксальном взгляде на историю классовой борьбы рабовладение и крепостное право сопоставляются с отношениями между капиталом и наемным трудом в капиталистическом обществе через понимание эксплуатации прибавочного труда как отношение господство–подчинение. Однако рабовладение и крепостничество, даже с учетом их классового характера, гарантируют «первоначальную собственность» каждого человека, совершенно отличную от «отсутствия собственности» наемного рабочего в капиталистическом обществе.

Согласно Марксу, «первоначальная собственность» при докапиталистическом способе производства означает отношение индивида «к объективным условиям своего труда как к своим собственным» (Маркс, 1976а: 380; Маркс, 1968: 250). При «первоначальной собственности» индивид как член «общины»⁵ воспроизводится «об-

5. Ватанабэ (2005) в исследовании, посвященном «Формам», впервые четко различил понятия *Gemeinwesen* (как организацию экономического воспроизводства) и *Gemeinde* (как политическую общину), он перевел первое как «общество», а второе — как «община». В данной работе «община»

щиной» в качестве собственника и ему гарантируется собственное выживание. Подчеркнем, что «первоначальная собственность», то есть первоначальное единство производителей и средств производства, предполагает существование «общины».

Однако на определенном историческом этапе, то есть при переходе к капиталистическому способу производства, первоначальная собственность и ее предпосылка, «община», разлагаются. Этот исторический процесс был подробно описан в теории «первоначального накопления» на примере Англии, но здесь хотелось бы прояснить логическую структуру «первоначальной собственности», сопоставив ее с формой собственности при капиталистическом способе производства.

В эпоху Нового времени в капиталистическом обществе в результате исторического процесса «первоначального накопления» первоначальная «община» окончательно распадается на разобщенных частных индивидов, т. е. на изолированных частных производителей. Таким образом, производители, которые в первоначальной «общине» были едины с природными условиями, такими как земля, орудия труда и другие средства производства, а также со средствами существования, в капиталистическом обществе полностью отделены от них. Другими словами, поскольку индивид лишается объективации природных условий, он не может быть непосредственно причастен к средствам производства в качестве собственника и попадает в состояние «отсутствия собственности» (Marx, 1976a: 406). А потому «собственность» в капиталистическом обществе — это не предпосылка труда, а результат труда по производству «вещей», таких как товары и деньги (что ведет к «овеществлению») ⁶.

Что же значит, что «собственность» в капиталистическом обществе является не «предпосылкой» труда, как в первоначальной «общине», а «результатом» труда? Это означает, что «собственность» в капиталистическом обществе зависит не от «общины» и природных условий, как в первоначальной собственности, а от овеществленных отношений как продуктов частного труда. Таким образом, «собственность» получает морфологическое определение, характерное для капиталистического общества, — «частная собственность». Однако «частная собственность» в капиталистическом обществе ос-

используется как общий термин, в особенности когда строгое различие между этими двумя понятиями не является необходимым.

6. В капиталистическом обществе, где община распалась, а личные социальные отношения разорваны, общественное разделение труда осуществляется не посредством общинного, а частного производства. Но поскольку частное производство само по себе не является непосредственно социальным, у частных производителей нет иного выбора, кроме как наделить продукты своего труда социальной силой и наладить с их помощью социальные связи, чтобы сделать свой труд социальным. Таким образом, продукт труда, «объект, рассматриваемый как носитель овеществленных общественных отношений, определяется как вещь» (Тайрако, 1991: 192).

нована на предпосылке «отсутствия собственности», при которой человек лишен всех средств производств, и это возможно лишь тогда, когда частные производители (товаровладельцы) в процессе обмена признают друг друга в качестве частных собственников (собственников товара) (Marx, 1987: 113; Маркс, 1960: 94). Важно, что эта «частная собственность», зависящая от овеществленного отношения, заметно отличается от «частной собственности», гарантирующей неотъемлемое владение средствами производства, как это было в парцеллярном крестьянстве классической древности. Это и есть та самая «модернистская частная собственность», свойственная только капиталистическому обществу⁷. И наоборот, «первоначальная собственность» докапиталистических обществ, состоящих из «общин», предполагает неотъемлемое собственническое отношение индивидов к средствам производства.

Мелкохозяйственный способ производства

Выше мы разобрали логическую структуру «первоначальной собственности» докапиталистического общества, проведя различие с модернистской «частной собственностью» общества капиталистического. Как справедливо отмечали Курихара и Накамура, мелкохозяйственный способ производства и мелкое крестьянство помимо прочего включают элементы «первоначальной собственности». Однако в отличие от капиталистического способа производства, являющегося главным объектом теоретического анализа «Капитала», мелкохозяйственный способ производства докапиталистических обществ в нем систематически не анализировался. Одно из его наиболее известных определений дано в изложении истории возникновения капиталистического способа производства в главе «Так называемое первоначальное накопление»: «Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости» (Marx, 1987: 681; Маркс, 1960: 771).

Мелкохозяйственный способ производства основан на частной собственности на средства производства и встречается главным образом в «сельском хозяйстве» и «промышленном производстве» докапиталистических обществ (городское ремесло или сельская кустарная промышленность, связанная с сельским хозяйством) (Marx, 1989: 677; Маркс, 1974: 227). Таким образом, мелкохозяйственный

7. О таком понимании современной частной собственности как следствия овеществления, основанной на частном труде, см.: Сасаки, 2012.

способ производства — это категория, которая включает в себя как ремесленное, так и крестьянское хозяйство, но особое значение в нем имеет крестьянское хозяйство. Это следует из описания в «Рукописи 1863–1867 годов»: «при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных, индивидуальных производителей, огромное большинство последних составляет класс крестьян» (Marx, 1992: 647; Маркс, 1962: 143).

Первое, что необходимо прояснить, — это сущность «первоначальной собственности» при мелкохозяйственном способе производства. Как можно судить по предыдущему разделу, «частную собственность» мелкого хозяйства не следует смешивать с «частной собственностью» современного типа при капиталистическом способе производства, основанном на «отсутствии собственности»⁸. Действительно, в «Рукописи 1861–1863 годов» Маркс определяет самостоятельного крестьянина или ремесленника мелкого хозяйства как «свободного», в то время как «свободного» рабочего, основу модернистской «частной собственности» капиталистического общества, как «несобственника» (Marx, 1976b: 99; Маркс, 1973: 120). Крестьянин или ремесленник является как номинально «собственником» орудий труда, так и по существу «выступает как собственник своих средств производства» (Marx, 1979: 1531; Маркс, 1962: 145)⁹. Другими словами, «собственность» в мелком хозяйстве яв-

8. Часто встречается ошибочное представление о том, что «частная собственность» мелкого хозяйства близка к собственности «мелких товаро-производителей». Приравнивая мелкохозяйственный способ производства к товарным отношениям, как это делает Сэцуо Оно, мы упускаем из виду элемент «первоначальной собственности», заложенный в мелкохозяйственном способе производства (Оно, 1979: 181). Собственность здесь определяется как «частная», поскольку теория «первоначального накопления» строится вокруг проблемы трансформации одной формы частной собственности в другую в Западной Европе. В письме Вере Засулич, напротив, говорится, что «у русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность» (Marx, 1985: 241; Маркс, 1961a: 251). Важно, что вплоть до установления капиталистического способа производства как частная, так и общинная собственность имела в своей основе мелкохозяйственный способ производства. Действительно, даже российская «община» подтверждает «теорию мелкого крестьянства»: «собственность на землю общая, но каждый крестьянин, подобно мелкому западному крестьянину, обрабатывает свое поле своими собственными силами» (Marx, 1985: 233; Маркс, 1961b: 414).
9. Рассуждения Накамуры о «мелкохозяйственном способе производства» — это новаторская работа, важное значение которой все еще не оценено по достоинству. Данная статья написана под сильным влиянием этой теории. Проблема теории Накамуры, однако, заключается в том, что он видит основу мелкого хозяйства в «контроле рабочих над средствами производства (средствами труда и предметами труда)» посредством «независимого и самостоятельного труда в трудовом процессе», что приводит к «установлению владения средствами производства» (Накамура,

ляется предпосылкой труда, в отличие от капиталистического общества, где «собственность» — результат частного труда в производстве «вещей».

Еще более значимым оказывается универсальный характер мелкохозяйственного способа производства, который «встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости», кроме «подлинного рабства (патриархального рабовладения и крупных рабских хозяйств)» (Накамура, 1977: 270). Как предполагает Накамура, эта перспектива была заимствована Марксом у Ричарда Джонса при анализе его работ в «Рукописи 1861–1863 годов». Но она не рассматривалась предыдущими исследователями работ Маркса, за исключением Казуми Аояги (2009). Чтобы внести дополнения в работы Накамуры и Аояги, далее подробно остановимся на универсальном характере мелкого хозяйства, сопоставив с «Формами», рассмотренными в предыдущем разделе.

При работе в «Рукописи» над «Формами» Маркс определил «первоначальную собственность» при рабовладельческих и крепостных отношениях как форму, при которой человек относится к собственности только как к «средствам к существованию». Следовательно, рабы и крепостные не могли иметь отношения к каким-либо иным средствам производства, за исключением средств к существованию. Причина этого в том, что сам труд раба или крепостного, как и труд домашнего скота, является частью объективных условий производства. Однако, поскольку рабы и крепостные, таким образом, являются частью условий производства, находятся под контролем и подчиняются землевладельцам, им гарантируется первоначальная собственность на средства к существованию. Словом, главной задачей Маркса на этапе работы над «Формами» было утверждение существования первоначальной собственности раба и крепостного на средства к существованию.

С другой стороны, Маркс в процессе работы над «Рукописью 1861–1863 годов» не только пришел к пониманию рабовладения и крепостного права как одной из форм первоначальной собственности, как это было в «Формах», но благодаря анализу работ Джонса сформулировал концепцию «мелкого хозяйства», занимающую существенное место в «Капитале». При работе над «Формами» Маркс определял рабовладение и крепостное право как перво-

1977: 237). Прежде всего мелкохозяйственный способ производства естественным образом включает в себя аспект «первоначальной собственности», то есть «владения средствами производства», при котором «рабочий является частным собственником средств производства». Это «владение средствами производства» не есть результат «независимого и самостоятельного труда в трудовом процессе», как ошибочно считает Накамура, а предпосылка индивидуального труда (производства), и при такой «первоначальной собственности» индивиды могут самостоятельно относиться к средствам производства в качестве собственников.

начальную собственность на средства к существованию, проводя параллель с цеховой системой, предполагающей первоначальную собственность на орудия труда. Однако в «Рукописи 1861–1863 годов» рабы и крепостные названы трудящимися земледельцами, являющимися «фактическим владельцем своих орудий производства» (Марх, 1980: 1849; Маркс, 1964: 431). Иначе говоря, рабы и крепостные — это земледельцы, которые владеют орудиями труда и производят собственные средства к существованию, хотя и при личной зависимости. Таким образом, рабовладение и крепостное право определяются как мелкое хозяйство, поскольку они основаны на натуральном хозяйстве трудящихся мелких крестьян, вопреки личной зависимости.

Оригинальная теория Маркса о мелком хозяйстве вытекает из теории «рабочего фонда» Ричарда Джонса. Джонс в своей «Вводной лекции по политической экономии» «исходит из <...> различных форм труда и как нечто порожденное ими рассматривает различные формы земельной собственности и капитала» (Марх, 1980: 1849; Маркс, 1964: 431). Джонс рассматривал средства к существованию как «рабочий фонд», созданный непосредственными производителями, и, проводя различие между формами рабочего фонда, он широко трактует «рабовладение», противопоставляя его понятию «свободный человек». Под «свободным человеком» он подразумевал наемного рабочего, который «лишен условий осуществления своей рабочей силы» (Марх, 1976b: 99; Маркс, 1973: 120) и потому принужден жить на заработную плату (рабочий фонд в овеществленной форме). В отличие от рабов и крепостных, являющихся несвободными, наемные рабочие лишены первоначальной связи с условиями производства. В результате рабочий фонд оказывается собственностью не рабочего, а капиталиста. Напротив, раб или крепостной, хоть и являясь несвободным, имеет возможность непосредственно производить и владеть собственным рабочим фондом, поскольку его первоначальная связь с условиями производства гарантирована его владением орудиями труда.

Обобщая вышесказанное: на основе исторического анализа Джонсом различных форм рабочего фонда Маркс пришел к пониманию сущности рабовладения и крепостного права как крестьянского мелкого хозяйства. Иными словами, рабам и крепостным, даже если они «несвободные», гарантируется активное участие в использовании факторов производства (земли и особенно орудий труда). Более того, из исторической концепции Джонса Маркс получил представление о том, что мелкохозяйственный способ производства был характерен для многих периодов, регионов и классов. В «Капитале» он подчеркивал, что переход к капиталистическому способу производства может быть осуществлен только в ходе длительного исторического процесса, подобно тому как это происходило в процессе первоначального накопления в Англии. Более подробно мы рассмотрим эту трансформацию в следующем разделе.

Наконец, следует сделать замечание о «свободных самостоятельных крестьянах» — типичной форме мелкохозяйственного способа производства. Она имеет отличия от «порабощенного» мелкого хозяйства при рабовладении и крепостничестве. Маркс высоко ценил период ее существования, называя его «золотым веком для эмансипирующегося труда» (Марх, 1976а: 412; Маркс, 1968: 270). В 11-й главе «Капитала» Маркс пишет: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени» (Маркс, 1968: 346).

Кроме того, в «Рукописи 1863–1867 годов» он писал: «Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство» (Маркс, 1962: 371).

Мелкохозяйственный способ производства, согласно данному определению, существенно отличается от порабощенного мелкого хозяйства, «первоначальная собственность» которого гарантируется обладанием орудиями труда в рамках отношений при личной зависимости. Действительно, в определении мелкого хозяйства из главы «Так называемое первоначальное накопление», процитированном в начале данного раздела, сделана следующая оговорка: «Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз» (Маркс, 1968: 771).

При рабовладении и крепостном праве гарантировалась «первоначальная собственность» на землю и орудия труда, но непосредственные производители, рабы и крепостные, оставались лишь «обладателями» средств производства, поскольку были лично не свободными. Однако в период расцвета формы «парцеллярного землевладения»¹⁰, возникшего в результате разрушения классической

10. В данной работе мы не имеем возможности подробнее говорить о «разорительном» характере парцеллярного землевладения, амбивалентных

общины и феодального способа производства и землевладения, была установлена не только «первоначальная собственность» на средства производства, такие как земля и орудия труда, но и «свободная собственность» в ее наиболее полной форме. Маркс развивает эту мысль в «Рукописи 1863–1867 годов»: «Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный, производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности» (Маркс, 1962: 771–772).

«Свободный собственник» — это *собственник* земли, который «свободен» в смысле «личной самостоятельности»¹¹, в отличие от крепостного, остающегося лишь *владельцем* в отношениях личной зависимости (где феодал является собственником факторов производства). Иными словами, при крепостном землевладении мелкое хозяйство также существует, но при самостоятельном крестьянском хозяйствовании, основанном на свободной собственности на землю, мелкохозяйственный способ производства получает полное развитие и принимает свою законченную и классическую форму¹². Это объясняется тем, что самостоятельному крестьянину как свободному собственнику гарантирована личная самостоятельность, и поэтому он может принимать *более* активное и деятельное участие в использовании средств производства, нежели раб или крепостной.

отношениях между парцеллярным землевладением и капиталистическим способом производства и форме земельной ренты, свойственной парцеллярному землевладению, отмеченных Курихарой (см., например: Овада, 1984; Минами, 1978).

11. Нередко отмечают, что личная самостоятельность в данном случае означает превращение арендатора, состоящего в отношениях личного подчинения и господства, «в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую им землю» при превращении продуктовой ренты в денежную ренту и обращении земли в качестве товара (Маркс, 1992: 744; Маркс, 1962: 362–363).
12. В другом месте той же «Рукописи 1863–1867 годов» подчеркивается важность «земельной собственности» для полного развития мелкого хозяйства: «владение землей является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его собственность на землю — наиболее благоприятным условием, условием процветания его способа производства» (Маркс, 1992: 667; Маркс, 1962: 163–164). «Далее парцеллярная собственность. Крестьянин здесь <...> свободный собственник своей землей» (Маркс, 1992: 744; Маркс, 1962: 369).

Однако при мелкохозяйственном способе производства, вне зависимости от того, является ли человек свободным собственником или рабом, ему гарантировано первоначальное отношение к средствам производства, которое основано на принадлежности к «семье» или «общине». Более того, «личная самостоятельность» независимого крестьянина как «свободного собственника» разительно отличается от «личной самостоятельности» свободного наемного рабочего, что предполагает «отсутствие собственности», поскольку первый, в отличие от второго, обладает самостоятельностью в процессе производства, т. е. деятельным отношением к средствам производства¹³. Такая «первоначальная собственность» мелкого хозяйства препятствует переходу к капиталистическому способу производства, поскольку рабочий фонд не принимает форму заработной платы, и позволяет индивидам сохранять самодостаточность. Это не что иное, как базовый элемент мелкохозяйственного способа производства.

Переход от мелкохозяйственного к капиталистическому способу производства

В этом разделе, на основе сопоставительного анализа «Рукописи 1861–1863 годов», второго немецкого и французского изданий «Капитала», мы более предметно рассмотрим мелкохозяйственный способ производства и мелкое крестьянство в рамках теории «первоначального накопления»¹⁴. Так называемая «полемика о переходе от феодализма к капитализму» была главной темой предыдущих исследований, посвященных проблеме теории «первоначального накопления». Это небезосновательно, поскольку теория «первоначального накопления» предполагает, что государственная власть насильственно форсирует «процесс трансформации от феодального к капиталистическому способу производства». Однако Маркс пишет о теории «первоначального накопления» не только с точки зрения «непосредственной трансформации крепостного права в капиталистическое производство», но и «трансформации капиталистического способа производства сугубо из мелкохозяйственного способа про-

13. Следовательно, рассматривать йомена как предтечу свободного наемного рабочего, а тем более как представлял это Оцука (Оцука, 1969: 428), как товаропроизводителя, формирующего богатство, являющегося опорой «промышленной революции», означало бы упускать из виду «самостоятельность в производственном процессе» мелкого хозяйства.

14. В данном разделе за основу взята французская версия. Как известно, глава, посвященная «первоначальному накоплению», которая во втором издании вошла в 7-й отдел («Процесс накопления капитала»), во французском издании была существенно переработана и включена вместе с главой «Современной теории колонизации» в 8-й отдел, приобретя тем самым более важное место.

изводства» (Отани, 2011: 151): «<...> к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде» (Marx, 1987: 681; Маркс, 1960: 770).

В 26-й главе «Капитала» («Тайна первоначального накопления») мы находим следующий отрывок: «исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабовладельчество рабочего. Развитие это состояло в изменении: формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую» (Marx, 1989: 633; Маркс, 1960: 727–728). Эта «трансформация формы», т. е. переход от «феодального способа производства» к «капиталистическому способу производства», является лишь одним из аспектов «первоначального накопления». Как подчеркивает Маркс в «Рукописи 1861–1863 годов», когда в ходе этой трансформации крепостной или раб превращается в свободного наемного рабочего, «форма подчинения становится свободнее». Но «свободнее» он постольку, поскольку при капиталистическом способе производства «по своей природе подчинение является только вещественным, формально добровольным» (Marx, 1982: 2131; Маркс, 1980: 6).

Обобщим вышесказанное. Маркс фиксирует более важное, нежели морфологическое, «качественное изменение»¹⁵, при котором овеществленные отношения господства и подчинения устанавливаются путем лишения производителей их докапиталистической «самостоятельности в процессе производства». Это суть «экспроприации непосредственного производителя», которая является предметом теории «первоначального накопления». В этой связи Маркс пишет: «Этот процесс отделения [исторического движения изоляции труда от его внешних условий] включает в себя ряд исторических процессов, причем двусторонний ряд, который, с одной

15. Оно также подчеркивает «качественное изменение», проводя границу с «морфологической трансформацией», поскольку отправной точкой описания теории «первоначального накопления» является «частная собственность мелких производителей, возникшая в результате разрушения прежних отношений подневольного труда» (Оно, 1979). Однако отношения личного господства и подчинения и владение средствами производства мелкими производителями не являются простой исторической последовательностью, а должны, как мы увидим ниже, рассматриваться как два аспекта одного и того же процесса. Более того, как следует из примечания 8, Оно подчеркивает историческую реальность общества простого товарного производства и рассматривает «частную собственность мелких производителей» как подчиненную положениям товарного производства. Однако при таком представлении выпадает из виду качественное изменение в том смысле, что при утрате «самостоятельности производителей в процессе производства» устанавливаются овеществленные отношения господства и подчинения.

стороны, делает рабочего собственностью и средством производства третьего лица, а с другой стороны, разлагает права собственности непосредственного производителя на свои средства производства» (Marx, 1987: 645)¹⁶.

Для того чтобы сделать больший акцент на том, что один и тот же процесс двуаспектен, соответствующий отрывок во французском издании был изменен следующим образом: «Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями» (Marx, 1989: 633; Маркс, 1960: 727).

Оба этих текста традиционно интерпретируются в связи с проблемами освобождения и разложения крестьянства. Первая обычно рассматривается в логике разложения крепостного права (особенно упразднения отношений личной зависимости), вторая — с точки зрения разложения самостоятельных парцеллярных крестьянских хозяйств, типичных для мелкохозяйственного способа производства (трансформация в несобственников). Последнее, в частности, относится к истории Англии, в которой первоначальное накопление совершилось «в классической форме», и в некоторой степени благодаря историографии школы Оцука¹⁷ мы склонны видеть это в йомене.

Однако «право собственности непосредственного производителя на свои средства производства» здесь не может сводиться к йомену — классическому, но не единственному представителю мелкого хозяйства. Это связано с тем, что, как можно судить по предыдущему разделу, независимого самостоятельного крестьянина, представляющего полную форму мелкого хозяйства, отличает не просто собственность на средства производства, но и то, что он является «свободным» собственником. Напротив, «собственность» на средства производства в данном случае предполагает гарантию первоначального отношения к средствам производства, независимо от того, является ли он самостоятельным или подчиненным. Действительно, в 29-й главе «Капитала» также говорится, что «крепостные, а наряду с ними и свободные мелкие земель-

16. Во втором издании «Сочинений» Маркса и Энгельса на русском языке соответствующего фрагмента нет, поскольку Энгельс частично перефразировал отрывок из французского издания. — *Ред.*

17. Хисао Оцука (1907–1996) — японский исследователь истории Англии, творческого наследия К. Маркса и М. Вебера. Он полагал Англию образцовым примером демократии и современного мира, а йоменов — словом, непосредственно способствовавшим становлению гражданского общества. — *Ред.*

ные собственники [такие как йомен], находились в очень различном имущественном положении, а потому и освобождение их совершилось при очень различных экономических условиях» (Marx, 1987: 645; Marx, 1989: 660; Маркс, 1960: 753).

Кроме того, в «Рукописи 1861–1863 годов» есть описание, которое полностью соответствует двум предыдущим цитатам о теории «первоначального накопления»: «Те условия, при которых первоначально выступает это [капиталистическое производственное] отношение, которые, стало быть, выступают в качестве исторической предпосылки его становления, с первого же взгляда обнаруживают двойственный характер: с одной стороны, разложение низших форм живого труда, с другой стороны, разложение отношений, более благоприятных для непосредственных производителей. С одной стороны, разложение рабства и крепостничества. С другой стороны, разложение той формы, в которой средства производства существуют непосредственно как собственность непосредственного производителя, направлен ли его труд преимущественно на создание потребительной стоимости (сельскохозяйственный труд) или меновой стоимости (городской труд). Наконец, разложение той формы общины, в которой работник в качестве органа этой естественно возникшей общины вместе с тем положен как собственник или владелец своих средств производства» (Marx, 1982: 2288; Маркс, 1980: 99).

Допуская противопоставление этой цитаты описанию теории «первоначального накопления», рассматривая «освобождение крестьян» как разложение «низшего» рабства и крепостного права, а «разложение крестьянства» как разложение «более благополучного» независимого самостоятельного крестьянства, мы получаем пристрастную картину. Как писал Маркс, важно, что и то, и другое — две стороны одного и того же процесса. Вместо того чтобы воспринимать личную зависимость рабов и крепостных как «низшее», нужно понимать, что и рабы, и крепостные являются земледельцами, и это производственное отношение рабовладельческого мелкого хозяйства также включено в последние «благополучные отношения».

Для Маркса проблема заключалась в том, что разложение «благополучных отношений» лишало земледельцев самостоятельности в процессе производства и порождало *овеществленные* отношения господства и подчинения. Таким образом, хотя наемный рабочий при капиталистическом способе производства «морфологически» лично свободен, в отличие от «низшего» крепостного или раба, развитие этой личной независимости само по себе не является проблемой. Напротив, важна «самостоятельность в процессе производства».

Еще интереснее в этой цитате то, что последний аспект включает не только «собственность непосредственного производителя на средства производства», что на первый взгляд напоминает нам о йомене как о классическом примере мелкохозяйственного способа

производства, но и «владение или обладание производителем средствами производства» в рамках общины¹⁸.

Как мы видели в предыдущем разделе, при мелкохозяйственном способе производства, в то время как независимый самостоятельный крестьянин и самостоятельный ремесленник считались наиболее полными формами, самой распространенной формой являлось «мелкое крестьянское хозяйство», включая подневольных крестьян. Собственно говоря, о подневольном крестьянине, который ввиду своей несвободности остается «владельцем», а не «свободным собственником» средств производства (как независимый крестьянин), в связи с общиной было сказано следующее: «<...> во всех формах, при которых непосредственный работник остается “владельцем” средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный <...>. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину <...>» (Марх, 1992: 733; Маркс, 1962: 353).

В заметке по теории «первоначального накопления» в «Рукописи 1861–1863 годов» также сказано, что «решающим является концентрация наличных условий производства в руках немногих и отделение этих условий производства от непосредственных производителей, собственностью или владением которых они первоначально были» (Марх, 1982: 2298; Маркс, 1980: 353). Иными словами, главный объект теории «первоначального накопления» включает в себя мелкого крестьянина, остающегося «владельцем», а не «собственником» средств производства, поскольку он является «несвободным» непосредственным производителем в отношениях личной зависимости. Точно так же и в «Капитале» подчеркивается, что именно «экспроприация сельскохозяйственного производителя (*cultivateur*)»¹⁹ как

18. В своих исторических размышлениях Маркс всегда имел в виду две первоначальные формы земельной собственности — мелкое землевладение Запада и общины Востока. Две формы «благополучных отношений» в цитате соответствуют утверждению в «Рукописях 1861–1863 годов»: «первоначальное единство между работником и условиями труда имеет <...> две основные формы: азиатская община <...> и мелкое семейное земледелие <...> того или иного типа» (Марх, 1980: 1854–1855).

19. Во французском издании *cultivateur* (по-немецки — *Ackerbauer*) отличается от *travailleur*, который, в зависимости от контекста, подразумевает не только рабочего как производителя, но и наемного рабочего.

крестьянина, включая сюда рабов и крепостных, «составляет основу всего процесса» первоначального накопления (Маркс, 1960: 728). Повторимся: для Маркса важна не личная независимость как таковая, а «самостоятельность» в процессе производства при первоначальной собственности, которая есть не что иное, как важнейший элемент мелкохозяйственного способа производства.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, ясно, что мелкохозяйственному способу производства в рамках капиталистического не была присуща прежняя логика, как утверждают последователи школы Уно. Как мы видели, в процессе первоначального накопления в Англии с XIV по XVIII век оно существовало «более долго» (Маркс, 1987: 683; Маркс, 1960: 773) вопреки капитализму, а «для превращения частной и раздробленной собственности, предмета индивидуального труда, в капиталистическую собственность, необходимо, естественно, больше времени, усилий и труда <...>» (Маркс, 1989: 679; Маркс, 1974: 229-230). Иначе говоря, мелкохозяйственный способ производства, в сущности, теоретически несовместим с капиталистическим, препятствуя переходу к нему. В этом и есть основное значение мелкохозяйственного способа производства и мелкого крестьянского хозяйства.

В свете этого становится понятной важность того факта, что Маркс в последние годы своей жизни ограничил историческую предопределенность теории «первоначального накопления» рамками Западной Европы, в которой мелкохозяйственный способ производства «должен быть уничтожен» (Маркс, 1960: 771). Иными словами, как заявил Маркс в своей критике «общей историко-философской теории» в «Письме в редакцию “Отечественных записок”», разложение мелкохозяйственного способа производства не является «всеобщем путем, по которому роковым образом обречены идти все народы, <...> для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека» (Маркс, 1985: 116; Маркс, 1961а: 120). Напротив, мелкохозяйственный способ производства, существующий в самые разные периоды и в самых разных регионах, сам по себе должен оцениваться как «необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника» (Маркс, 1987: 681; Маркс, 1960: 771).

Бесспорно, в то время в Западной Европе, и особенно в Англии, исторический процесс «первоначального накопления» привел к исчезновению мелкохозяйственного способа производства. Во французском издании «Капитала» Маркс, цитируя Пеккера, писал, что в обществе, где установился капиталистический способ производ-

ства, невозможно «увековечение» (Marx, 1987: 681; Маркс, 1974: 228) мелкохозяйственного способа производства. Это происходит потому, что, как он говорил в «Рукописях 1861–1863 годов», «самой крайней формой этого разрыва [противоположность между трудом и собственностью на условия производства], при которой вместе с тем производительные силы общественного труда достигают самого мощного развития, является форма капитала. Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал» (Marx, 1980: 1855; Маркс, 1964: 439)²⁰.

Однако в мелкохозяйственном производстве, которое является основой форм собственности, исключающих капиталистическую частную собственность, гарантирована «самостоятельность в процессе производства», независимо от того, существует или нет личная зависимость. При этом независимый самостоятельный крестьянин (классический пример этой самостоятельности) более деятельно использует средства производства в силу своей личной независимости. Не следует забывать о том, что это «более благополучные отношения», нежели отношения капиталистического способа производства.

Даже сегодня, когда во все большей мере разрушается натуральное производство мелкого крестьянства и фермеров, как можно судить об этом на примерах влияния Trans-Pacific Partnership на Японию и конкуренции за помощь на развитие Африки, существует необходимость пересмотреть «теорию мелкого крестьянства», переосмыслив «Капитал» Маркса.

20. В данной работе мы сосредоточились на положительной стороне мелкохозяйственного способа производства. Однако, как известно, в главе XXXII это хозяйство описывается следующим образом: «Этот производственный строй мелких независимых производителей, работающих на свой страх и риск, предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию этих средств, так и кооперацию в крупном масштабе. Он исключает разделение труда в мастерской и в поле, применение машин, научное господство человека над природой, свободное развитие общественных сил труда, согласованность и единство целей, средства и усилия коллективной деятельности» (Marx, 1989: 678; Маркс, 1974: 228). Также в «Рукописях 1863–1867 годов» обозначается «отрицательная сторона» парцеллярного хозяйства как классической формы мелкого хозяйства: «мелкая земельная собственность по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки» (Marx, 1992: 747; Маркс, 1962: 372). В этой связи заметим, что, несмотря на то что в данной работе мы не смогли рассмотреть теорию «восстановления индивидуальной собственности», мелкому хозяйству, хотя его производительные силы и остаются в «младенческой форме», «дана возможность известного экономического развития» (Marx, 1992: 735; Маркс, 1962: 357), а также оно предполагает, что «рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой» (Marx, 1992: 191; Маркс, 1961а: 135).

- Аояги К. (2009). Наследует ли поздний Энгельс гендерное понимание Маркса // Вестник экономического института Гифу. Т. 43. № 1–3. (на японск.)
- Ватанабэ Н. (2005). Община и общество в «Рукописи критики политической экономии» // Вестник факультета экономики университета Канто Гакуин. № 223. (на японск.)
- Курихара Х. (1969). Введение в аграрную проблему. Токио: Аоки сётэн. (на японск.)
- Маркс К. (1960). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1961a). набросок ответа на письмо В. И. Засулич — Второй набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1961b). Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1962). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 (главы XXIX–LII) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 2. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1964). Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. 3 (главы XIX–XXIV) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. 3. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс К. (1968). Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс К. (1973). Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 47. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс К. (1974). Фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 49. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс К. (1980). Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 48. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.
- Минами И. (1978). О мелком хозяйстве // Вестник факультета социологии университета Кансэй Гакуин. № 37. (на японск.)
- Накамура С. (1977). Теория рабства и крепостничества. Токио: Издательство Токийского университета. (на японск.)
- Накамура С. (1991). Реконструкция образа нового времени. Токио: Аоки сётэн. (на японск.)
- Овада Х. (1984). Полемика о крестьянской парцеллярной собственности // Система «Капитала». Т. 7. Токио: Юхикаку. (на японск.)
- Оно С. (1979). Теория о способе производства и собственности. Токио: Аоки сётэн.
- Отани Т. (2011). Теория ассоциации Маркса. Токио: Сакураи сётэн. (на японск.)
- Оцука Х. (1969). Введение в историю экономики Европы // Собрание сочинений Оцука Хисао. Т. 2. Токио: Иванами сётэн. (на японск.)
- Сасаки Р. (2012). Олицетворение вещей и собственность в теории Маркса // История общественной мысли. № 36. (на японск.)
- Тайрако Т. (1991). Социализм и современный мир. Токио: Юхикаку. (на японск.)
- Тама С. (1995). Генеалогия мелкого крестьянства Японии. Токио: Ассоциация сельской культуры. (на японск.)
- Хазамэ М. (1952). Теория экономики мелкого крестьянства. Токио: Юхикаку. (на японск.)
- Marx K. (1979). Zur kritik der politischen Ökonomie (Manuskript 1861–1863). Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.4. Berlin: Dietz Verlag.

С. Сумида
Марксова теория мелкохозяйственного способа производства: переосмысление с позиций теории мелкого крестьянства

- Marx K. (1976a = 1969). *Ökonomische Manuskripte 1857/58 Teil 2*. Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–1.2. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1976b). *Zur kritik der politischen Ökonomie* (Manuskript 1861–1863). Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.1. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1980). *Zur kritik der politischen Ökonomie* (Manuskript 1861–1863). Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.5. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1982). *Zur kritik der politischen Ökonomie* (Manuskript 1861–1863). Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.6. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1985). *Werke·Artikel·Entwürfe. Mai 1875 bis Mai 1883*. Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) I–25. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1987). *Das Kapital: Kritik der politischen Ökonomie: Erster Band*. Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA)II–6. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1989). *Le capital*. Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–7. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1992). *Ökonomische Manuskripte 1863–1867 Teil 2*. Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–4.2. Berlin: Dietz Verlag.

Rethinking Marx's theory of the small-scale mode of production in the perspective of the small peasantry theory

Soichiro Sumida, PhD (Sociology), Visiting Researcher, Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities, Germany. D-10117 Berlin Jägerstrasse 22/23. E-mail: privdignity@gmail.com

Amgalan S. Sanzheev (translator), PhD Student, Tokyo University of Foreign Studies. 3-11-1, Asahi-cho, Fuchu-shi, Tokyo 183-8534, Japan. E-mail: sanzheyevamgalan@gmail.com

Vladislav O. Afanassenkov (editor), Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences; Junior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.co

Abstract. The translated article of the Japanese historian of social thought and Marxist Soichiro Sumida considers the understanding of the small-scale mode of production by Karl Marx. The author argues that the MEGA facilitates an objective interpretation of Marx's works by excluding any impurities and distortions based on ideological convictions. Thus, Sumida analyzes and compares the traditional Japanese economic theories that developed under the influence of Marx and the texts of Marx to examine the concept of 'small economy'. According to Sumida, by referring to the small peasantry in their works, previous generations of researchers erroneously studied the groups which Marx called 'small farmers'. However, according to Marx, 'small peasant' and 'small farmer' are different categories.

Key words: Karl Marx, peasantry, small economy, original accumulation

References

- Aoyagi K. (2009) Does late Engels follow the gender concept of Marx. *Bulletin of the Gifu Economic Institute*, vol. 43, no 1–3.
- Watanabe N. (2005) Community and society in *A Contribution to the Critique of Political Economy*. *Bulletin of the Faculty of Economics of the University of Kanto Gakuin*, vol. 223.

- Kurihara H. (1969) Introduction to the Agrarian Question, Tokyo: Aoki Shoten.
- Minami I. (1978) On small economy. *Bulletin of the Faculty of Sociology of the University Kwansei Gakuin*, no 37.
- Nakamura S. (1977) Theory of Slavery and Serfdom, Tokyo: Tokio University.
- Nakamura S. (1991) Reconstruction of the New Time Image, Tokyo: Aoki Shoten.
- Owada H. (1984) Debate about the peasant parcel property. *The Capital System*, vol. 7. Tokyo: Yuhikaku.
- Ono S. (1979) *Theory of the Mode of Production and Property*, Tokyo: Aoki Shoten.
- Otani T. (2011) *Association Theory of Marx*, Tokyo: Sakurai Shoten.
- Otsuka H. (1969) Introduction to the history of the European economy. *Collected works Otsuka Hisao*, vol. 2. Tokyo: Iwanami Shoten.
- Sasaki R. (2012) Personification of things and property in Marx's theory. *History of public thought*, no 36.
- Tairako T. (1991) *Socialism and Contemporary World*, Tokyo: Yuhikaku.
- Tama S. (1995) *Genealogy of the Small Peasantry in Japan*, Tokyo: Association of Rural Culture.
- Hazama M. (1952) *Theory of the Small Peasant Economy*, Tokyo: Yuhikaku.
- Marx K. (1979) Zur kritik der politischen Ökonomie (Manuskript 1861–1863). *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.4*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1976a = 1969) Ökonomische Manuskripte 1857/58 Teil 2. *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–1.2*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1976b) Zur kritik der politischen Ökonomie (Manuskript 1861–1863). *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.1*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1980) Zur kritik der politischen Ökonomie (Manuskript 1861–1863). *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.5*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1982) Zur kritik der politischen Ökonomie (Manuskript 1861–1863). *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–3.6*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1985) Werke-Artikel-Entwürfe. Mai 1875 bis Mai 1883. *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) I–25*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1987) Das Kapital: Kritik der politischen Ökonomie: Erster Band. *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–6*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1989) Le capital. *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–7*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K. (1992) Ökonomische Manuskripte 1863–1867 Teil 2. *Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA) II–4.2*, Berlin: Dietz Verlag.
- Marx K., Engels F. (1960) *Works*, vol. 23, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1968) *Works*, vol. 46, part 1, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1974) *Works*, vol. 49, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1962) *Works*, vol. 25, part 2, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1961) *Works*, vol. 19, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1973) *Works*, vol. 47, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1964) *Works*, vol. 26, part 3, 2nd ed., Moscow.
- Marx K., Engels F. (1980) *Works*, vol. 48, 2nd ed., Moscow.

Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере Новосибирской области анализируется влияние аграрной политики советского государства на сельскохозяйственную отрасль. Правительственный курс 1930-х годов нельзя назвать сбалансированным: ради краткосрочных выгод наращивания объемов изъятой продукции приносились в жертву долгосрочные перспективы развития сельскохозяйственного производства. Растущие с каждым годом планы посевов и заготовок препятствовали внедрению в Сибири рациональной системы земледелия. К началу 1940-х годов в большинстве колхозов Новосибирской области не соблюдались элементарные агротехнические правила: сокращалась площадь паров, нарушались сроки проведения сельскохозяйственных работ, игнорировались правила ротации культур, в запущенном состоянии пребывало семеноводческое хозяйство. Как следствие, многолетнее засорение и истощение почв в числе прочих факторов стало причиной чрезвычайно низкой урожайности зерновых в годы Великой Отечественной войны. Аграрная политика государства в предвоенные годы вела к быстрому исчерпанию производственного потенциала сельского хозяйства Новосибирской области. К 1941 году регион был доведен до критического состояния, испытывая острую нехватку семенного материала, продовольствия, кормов для скота. В 1942 году советское правительство продолжало слепо завышать посевные задания, явно недооценивая негативное влияние такой политики на производство в условиях сокращения трудовых и тягловых ресурсов. В результате с 1942 года произошло резкое снижение валовых сборов зерновых в регионе. На протяжении всего рассматриваемого периода дисбалансы аграрной политики государства значительно сокращали возможности продуктивного использования потенциала местных сельхозпроизводителей.

Ключевые слова: земледелие, аграрная политика государства, агротехника, Великая Отечественная война, крестьянство

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-52-68

Общий вывод советской историографии и современных исследований заключается в том, что военный период 1941–1945 годов привел сельское хозяйство Советского Союза в состояние глубочайшего кризиса (Арутюнян, 1970; Выцлан, 1995; Анисков, 1998; Кондрашин, 2005; Андреенков, Ильиных, 2020, и др.). Сомневаться в такой оценке влияния войны не приходится. Однако структура и предпосылки

сельскохозяйственного кризиса 1940-х годов, на наш взгляд, заслуживают более детального изучения. В частности, вопрос, была ли сверхмобилизация военного времени единственным фактором, приведшим аграрный сектор экономики к истощению в 1945 году? Ведь одно дело считать, что начало войны остановило поступательное развитие сельского хозяйства, и совершенно иное — обнаружить, что война только усугубила кризисные тенденции, которые к 1941 году уже в полной мере проявляли себя. Следует ли строго и неотступно начинать анализ с 1941 года, с момента перехода немецкими войсками границы СССР? Учитывая, что советское руководство вело подготовку к войне заранее, предвоенные годы не менее важны для оценки ее влияния на все отрасли экономики, в том числе и на сельское хозяйство.

В данной статье мы попытаемся на материале Новосибирской области проанализировать состояние земледелия и его динамику в расширенных хронологических рамках, включая и предвоенный период. Такой подход позволит глубже понять характер влияния войны на сельское хозяйство региона. Автор, разумеется, не склонен абсолютизировать полученные результаты исследования, делать на основе одного региона выводы о состоянии сельского хозяйства всей страны. Тем не менее Новосибирская область была частью централизованной системы управления аграрным производством и вместе с другими регионами в полной мере испытывала на себе действие общегосударственной аграрной политики.

Исследование осложняется тем, что границы Новосибирской области за время войны неоднократно менялись: в 1943 году из состава региона была выделена Кемеровская область, а в 1944 году — Томская область. По возможности в статье будут приводиться ряды сопоставимых данных с хронологическим указанием границ региона.

Предвоенный период

До 1937 года территория Новосибирской области входила в состав Западно-Сибирского края. В 1930-е годы здесь продолжался начатый с установлением советской власти курс на форсированное развитие зернового производства. В начале десятилетия политика массовой коллективизации, в ходе которой аграрный сектор экономики подвергся радикальной перестройке, привела к критическому положению как в земледельческой, так и в животноводческой отрасли региона. Восстановление сельского хозяйства после пережитой «революции сверху» началось только в 1933 году (Аграрная политика..., 2011: 539). Главным фактором роста стали интенсивные поставки сельскохозяйственной техники в регион и, как следствие, механизация основных производственных процессов в земледелии. Одновременно проводились мероприятия по улучшению агротехники и внедрению севооборотов. Площадь

паров в Западной Сибири с 1934 по 1937 год возросла в 2,7 раза, а площадь зяби — в 3,5 раза (Аграрная политика..., 2011: 549). Посевы же зерновых выросли к 1938 году по сравнению с 1932 годом на 39% (На аграрном фронте..., 2016: 196).

Несмотря на видимый рост основных показателей, уже к 1937 году стали проявляться заложенные в управленческую и производственную структуру колхозно-совхозной деревни дисбалансы, которые в перспективе последующих нескольких лет негативно влияли как на урожайность, так и на валовые сборы зерновых. Основная проблема заключалась в неспособности создать в Западной Сибири устойчивую и воспроизводимую систему земледелия. Под таковой мы понимаем комплекс технологий и практик, обеспечивающих восстановление, поддержание и повышение плодородия почв. В условиях 1930-х годов объемы использования удобрений оставались мизерными: в 1936 году в колхозах Западно-Сибирского края органические удобрения были внесены всего на 0,8% площади посева яровой пшеницы, а минеральные — на 0,6% (Аграрная политика..., 2011: 552). Основным средством поддержания плодородия почв считалось внедрение правильных севооборотов. С этой целью в 1930-е годы в Западно-Сибирском крае проводились масштабные и дорогостоящие кампании, результативность которых, однако, была минимальной. К началу 1937 года только 8% колхозов имели освоенные севообороты (Аграрная политика..., 2011: 273).

В том же 1937 году официальная позиция по вопросу о типе внедряемой системы земледелия изменилась. На июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года было принято решение о переходе в масштабах всей страны от парозерновых севооборотов к травопольным (На аграрном фронте..., 2016: 201). Травопольная система, разработанная известным российским и советским агрономом В. Р. Вильямсом, предполагала повышение плодородия почв за счет введения в севооборот посевов многолетних трав (Там же: 160). Освоение травопольной системы в Западной Сибири происходило крайне медленно и на протяжении всего рассматриваемого периода в колхозах по-прежнему преобладало паровое зерновое трехполье (Ильиных, 2019: 21).

Можно выделить несколько причин, почему внедрение севооборотов в колхозах оказалось столь затруднительным. Сказывалось низкое качество планирования и проведения работ на краевом и районном уровнях. Проекты севооборотов составлялись районными земельными отделами (райЗО) или МТС и не проходили должную экспертизу краевым земельным отделом (крайЗО). В результате на местах часто занимались перенесением на практику некачественных и непроверенных проектов. Для рядовых колхозников не разъяснялись правила соблюдения севооборотов и их значимость для земледелия. В итоге вводимые севообороты на следующий год зачастую забрасывались или требовали переделки (Аграрная политика..., 2011: 273–275).

Однако главным и непреодолимым препятствием являлись противоречия аграрной политики государства. Как парозерновая, так и травопольная система земледелия предполагала выведение части земельного фонда из-под посева культур, имевших товарное значение. Эти территории должны были отводиться либо под пары, либо под посев многолетних трав. Государство при этом настаивало, что внедрение севооборотов не должно сопровождаться сокращением посевов товарных культур, прежде всего зерновых (На аграрном фронте..., 2016: 201).

Единственным способом избежать сокращения посевов, не нарушая при этом правила агротехники, было ускоренное освоение и введение в оборот целинных и залежных земель. Проблема заключалась в том, что Западно-Сибирский край не обладал ни достаточной технической вооруженностью, ни трудовыми резервами, чтобы соразмерить темпы освоения целины с ежегодным ростом государственных заданий по посевным площадям. С 1932 по 1937 год посевная площадь в Западно-Сибирском крае возросла на 1 827 800 га, а освоение новых земель — всего лишь на 350 000 га. Получается, что темпы введения в оборот целины отставали более чем в шесть раз от роста посевных площадей (Аграрная политика..., 2011: 276). Посевы систематически занимали площади, которые должны были быть выделены под пары, тем самым нарушая правила ротации культур и ломая севооборот (Там же). Год за годом политика форсирования зернового производства в Западной Сибири входила во все большее противоречие с намерениями создать в регионе твердую систему земледелия.

После расформирования в 1937 году Западно-Сибирского края в Новосибирской области, при сохранении тенденции расширения посевных площадей, процесс освоения целинных и залежных земель вовсе остановился. В последние годы перед войной доля посевов в составе пахотной площади колхозов постоянно возрастала: в 1938 году она составляла 72,2% пашни, в 1939 году — 74,8%, в 1940 году — 78,2% (табл. 1).

Таблица 1. Динамика площадей пашни и посевов всех культур в колхозах Новосибирской области в 1938–1943 годах (тыс. га)

Годы	1938	1939	1940	1941	1942	1943
Площадь пашни	2644,5	2560,4	2533,6	2223,4	2583,0	2119,1
Посевная площадь	1909,1	1915,5	1982,3	1990,3	2117,1	1738,1

Источник: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 114.

Примечание: В таблице приводятся сопоставимые данные в границах Новосибирской области 1943 года.

Что означала для земледелия эта тенденция? Негативные эффекты расширения посевной площади за счет сокращения паровой обработки очевидны. При несоблюдении подавляющим большинством колхозов правил агротехники, нарушении элементарных принципов ротации культур посе́вы производились на выпаханных и засоренных почвах, что негативно влияло на конечную урожайность. Так, фактическая урожайность зерновых в Новосибирской области в 1938 году составила 9,6 ц/га, в 1940 году — 8,1 ц/га, в 1941 году — 6,3 ц/га, в 1942 году — 4,1 ц/га¹.

К уже названным факторам, отрицательно сказывавшимся на состоянии земледелия в области, следует добавить запущенность семеноводческого хозяйства и отсутствие собственной семенной базы в регионе. В 1939 году из числа проверенных в области семян зерновых 92,5% были признаны некондиционными (из них по всхожести — 48,4%), в 1940 году — 77,2% (по всхожести — 28%), в 1941 году — 79,7% (по всхожести — 32,1%), в 1942 году — 78,7% (по всхожести — 33,7%), в 1943 году — 86,7% (по всхожести — 32,9%)². Таким образом, из года в год как минимум $\frac{2}{3}$ семян не соответствовали основным стандартам. Однако учитывая постоянные требования расширения посевных площадей, недоброкачественные семена, как правило, все равно высевались, увеличивая и без того крайне высокую засоренность полей. Сверхнормативное изъятие произведенной продукции в ходе заготовительных кампаний часто порождало дефицит семян. В этом случае колхозы вынуждены были заимствовать их в порядке государственных ссуд, что не позволяло создать в условиях Сибири собственную устойчивую семенную базу.

В 1940 году было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР». В документе были определены целевые показатели развития сельского хозяйства на востоке страны к 1942 году. Так, площадь пашни в колхозах и совхозах восточных районов СССР должна была увеличиться на 4345 тыс. га за счет освоения целинных, залежных и переложных земель. Кроме того, предписывалось в течение трех лет повсеместно завершить введение севооборотов³. Трудно сказать, насколько столь амбициозный план мог быть реализован, если бы не началась война, однако в Новосибирской области уже в 1940 году «целинный» проект со всей очевидностью начал проваливаться. Выполнение планов освоения новых земель требовало увеличения поставок сельскохозяйственной техники за Урал и активизации политики переселения из малоземельных регионов западной части страны

1. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 176 об.

2. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 136.

3. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 г. № 10. Ст. 251.

в восточные регионы. Ни по одному из указанных направлений прорыва в 1940 году не произошло.

Материально-техническая база МТС в Новосибирской области в конце 1930-х годов, напротив, стала ослабевать. По количественным показателям тракторный парк продолжал стабильно и ежегодно пополняться. Так, если в 1938 году в МТС области насчитывалось 6722 трактора, то к 1939 году их количество увеличилось до 7292 (в границах области до 1943 года)⁴. Однако простое количественное приращение не отражает степень изношенности тракторного парка. По-прежнему его основу составляли колесные тракторы, введенные в эксплуатацию до середины 1930-х годов⁵. В силу продолжительного использования устаревающая техника подвергалась износу и, как следствие, частым поломкам. К этому стоит прибавить постоянные перебои в поставках горюче-смазочных материалов и слабую оснащенность МТС запчастями. Все указанные факторы в конечном счете влияли на производительность тракторных работ, которая к концу 1930-х годов снижалась быстрыми темпами. В 1938 году выработка на один 15-сильный трактор составила 429 га, в 1939 году — 343 га, в 1940 году — 324 га, в 1941 году — 306 га, в 1942 году — 229 га, в 1943 году — 168 га⁶.

Несопоставимыми с планами освоения целины были и темпы переселенческой политики. В 1940 году план переселения в Новосибирскую область полностью провалился. В течение года в регион переехали 15 594 семей, но ввиду отсутствия необходимых условий для обзаведения хозяйством 7904 из них вернулись на прежнее место жительства или осели в городах⁷. Явный срыв плана был признан следствием злоумышленной, «вредительской» деятельности служащих областного переселенческого отдела. Среди арестованных летом 1941 года работников был заместитель начальника отдела С. П. Пулькин. Показания Пулькина, данные во время следствия, свидетельствовали о явном беспорядке в работе ведомства: переселенческий отдел не имел точных сведений о наличии свободных домов для переселенцев (3573 семьи не были заселены в подготовленные дома и ютились во временно отведенных квартирах, зачастую непригодных для жилья). Выдача продовольственных и денежных ссуд задерживалась, и колхозники-переселенцы оставались без хлеба и без средств на обзаведение хозяйством⁸.

4. МТС во второй пятилетке: статистические материалы. М., Ленинград: Госпланиздат, 1939. С. 37; Сельское хозяйство Союза ССР: статистический справочник. М.: Госпланиздат, 1939. С. 8–9.

5. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 125.

6. Там же. Л. 124–125.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 107.

8. Там же. Д. 36. Л. 76–84.

Точно так же на «вредительскую» деятельность были списаны и провалы политики внедрения севооборотов в области. Тогда же, летом 1941 года, были арестованы работники управления землеустройства Новосибирского облЗО: начальник управления К. Н. Вьюков, главный инженер Б. И. Агроскин, старший инженер-землеустроитель Н. И. Лукьянов. Б. И. Агроскин свидетельствовал, что в мае 1940 года при обсуждении с К. Н. Вьюковым упомянутого постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) начальник управления стал в резкой форме критиковать намерения правительства и партии, утверждая, что «для Новосибирской области решение ввести севообороты за три года нереально и выполнимо быть не может»⁹. Следуя довольно странной логике показаний Б. И. Агроскина, этот разговор послужил началом их совместных «антисоветских» действий.

Аграрная политика государства во второй половине 1930-х годов оказывала очевидно деструктивное воздействие на земледелие региона, которому предъявлялись явно завышенные требования по поставкам готовой продукции. Резкий рост натурального налогообложения пришелся на предвоенные 1939–1940 годы. В 1939 году планы натуроплаты за работы МТС стали рассчитываться на основе так называемой биологической урожайности. Она измерялась на корню без учета неизбежных потерь урожая во время уборки и обмолота. Тем самым планы натуроплаты оказывались искусственно завышены. В следующем, 1940 году была реформирована система обязательных поставок продукции колхозами. Отныне поставки зерновых культур, подсолнечника, картофеля, овощей, сена, льна, конопли начислялись с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами, независимо от того, засеивались эти площади или нет (до этого единицей обложения был гектар планируемых посевов). Та же система в итоге была распространена и на продукцию животноводства (Ильиных, 2004: 130).

Сельское хозяйство Новосибирской области оказалось совершенно неподготовленным к внедрению в 1940 году этого нового принципа. В области на тот момент отсутствовали точные сведения о землеобеспеченности колхозов. В результате облЗО направил в Москву завышенные данные о площадях, подлежащих обложению, включив в них неосваиваемые земли, залежи и перелogi. Несмотря на многочисленные просьбы со стороны Новосибирского обкома, адресованные в народный комиссариат заготовок СССР, необходимые коррективы так и не были внесены. На январь 1945 года за колхозами области числилось 2784 тыс. га облагаемой земельной площади, из них 730 тыс. га представляли собой залежи и перелogi¹⁰. В результате 47% колхозов области имели облагаемой

9. Там же. Л. 154.

10. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 24.

пашни свыше 15 га на один двор¹¹. Все это ставило многоземельные колхозы в тяжелое положение, ослабляя их экономику, а накопление из года в год недоимок приводило к утрате перспективы выполнения планов поставок государству.

Ошибки, связанные с введением в 1940 году погектарного принципа обложения обязательными зернопоставками, уже в военное время признал секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. В 1943 году он направил И. В. Сталину подробную записку, в которой обозначил ряд слабых мест в аграрной политике государства. В числе прочего Андреев указывал, что погектарный принцип слабо учитывал специфику ряда регионов, прежде всего Поволжья и Сибири, в которых преобладали многоземельные колхозы. По его мнению, практика хлебозаготовок показала, что сравнительно лучше выполняли план колхозы, в которых больше людей и меньше земельная площадь. Многоземельные колхозы, где нагрузка на трудоспособного колхозника и тягло высокая, оставляли с выполнением плана, накапливая задолженности, постоянно страдали от недостатка семян, а количество зерна, выдаваемого на трудодни, было сравнительно малым. Вследствие этого у колхозников снижался стимул к артельному труду, а сам колхоз становился отстающим и хронически нуждающимся в помощи. «Мы явно недобираем в заготовках известную часть зерна и других сельскохозяйственных продуктов, — писал Андреев, — из-за того, что одни колхозы, сравнительно малоземельные, получили облегчение при погектарной сдаче в сравнении с прежним порядком заготовок, а колхозы многоземельные не в состоянии выполнить своих планов заготовок»¹².

Резкий рост хлебозаготовок (план 1939 года для Новосибирской области вырос на 11%, а в 1940 году на 8% по сравнению с 1938 годом)¹³ не сопровождался повышением валовых сборов зерна. В 1938 году «биологический» валовый сбор в области составил 35,2 млн ц, в 1939 году — 35,3, а в 1940 году — 26,2 (Ильиных, Лапердин, 2020: 500). При таких условиях изъятие продукции происходило за счет внутриколхозного потребления. Так, в 1937 году на оплату трудодней в области пошло 29,1% от валовых сборов зерна. В среднем колхознику выдавалось 4,2 кг зерна на трудодень. В 1938 году процент снизился до 23,8, а средняя оплата трудодня составляла 3,3 кг зерна. В 1939 году оба показателя снова снизились: 16,7% и 2 кг на трудодень соответственно. Наконец, в 1940 году процент от валовых сборов упал до 13,3, а средняя оплата трудодня до 1,1 кг зерна¹⁴. Таким образом, в течение четырех лет количество

11. Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 146.

12. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66.

14. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 49.

выдаваемого на трудодни зерна снижалось не только в абсолютном выражении, но и относительно валовых сборов. Тем самым колхозное крестьянство постепенно лишалось экономических стимулов к участию в артельных работах.

Планы посевов и заготовок не учитывали состояния агротехники, наличного фонда обрабатываемых земель, воспроизводства семенной базы и других показателей, важных для развития земледелия. Такое положение дел не было спецификой Сибири или Новосибирской области, правительственный курс на расширение посевных площадей негативно сказывался на культуре земледелия в масштабах всей страны (Трагедия советской деревни..., 2002: 27–29; Мерль, 2015: 93).

Безответственная аграрная политика неизбежно вела к быстрому исчерпанию производственного потенциала сельского хозяйства региона. Усилившийся в конце 1930-х годов нажим на деревню следует напрямую связать с ухудшением международной обстановки и началом Второй мировой войны. Правительство очевидно стремилось наращивать государственные резервы. Однако политика выкачивания из деревни ресурсов любой ценой в условиях, когда государство не вело войны на своей территории, была сопряжена с высокими рисками. Опасность заключалась в перспективе довести сельское хозяйство регионов до критического состояния в преддверии событий, которые бы напрямую поставили государство перед угрозой уничтожения. Этот худший сценарий развития событий реализовался сразу в двух регионах Западной Сибири — Новосибирской области и Алтайском крае. Завышенные хлебозаготовительные планы 1940 года наложились на крайне низкие урожаи зерновых, вызванные летней засухой. В результате регионы оказались без семян на следующий год, кормов для скота (что вызвало массовый его падеж) и с острой нехваткой продовольствия (Шарапов, 2021). О масштабах продовольственных затруднений косвенно свидетельствуют материалы перлюстрации писем, осуществлявшейся органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6% всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. Как следует из докладной записки, поступившей к А. А. Андрееву, органами НКВД в период с 1 января по 10 июня 1941 года было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщали родственникам и знакомым о голоде в ряде колхозов Новосибирской области, а также о тяжелом продовольственном положении в самом городе Новосибирске¹⁵.

Удивительно, но именно в 1941 году, когда западные регионы страны оказались под оккупацией, а потребность в хлебе из-за Урала резко возросла, государство вынуждено было ослабить нажим натурального налогообложения и предоставить семенную и продовольственную помощь регионам Западной Сибири.

15. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 67.

Хлебозаготовительный план 1941 года оказался ниже плана относительно спокойного 1938 года на 7,4%¹⁶. Критическое состояние, в котором оказалось сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края в начале Великой Отечественной войны, следует считать прямым следствием несбалансированной государственной аграрной политики в предвоенные годы.

Военный период

Война, цена поражения в которой была настолько велика, что перевешивала любые издержки сверхмобилизации, предоставила универсальное оправдание перегибам государственной политики в 1941–1945 годы. Перед лицом столь великой угрозы теряла свое значение забота о воспроизводстве людских и материальных ресурсов или соблюдении баланса производства и потребления. Несмотря на все оговорки, связанные с чрезвычайным характером ситуации, некоторые решения политического Центра в отношении сельского хозяйства стоит подвергнуть критике. Одним из них было продолжение в условиях военного времени политики ускоренного расширения посевных площадей на востоке страны. Повторимся, что в 1941 году государство предоставило некоторые послабления Новосибирской области, учтя критическое состояние земледелия и животноводства. Положение оставалось тяжелым — плотность посевов в 1941 году достигла максимального за ряд предыдущих лет показателя — 89,5% пашни (см. табл. 1). На таком фоне задания расширить в 1942 году посевы зерновых культур на 200 тыс. га, а технических — на 48 тыс. га¹⁷ выглядели весьма амбициозными.

Уже в 1930-е годы курс на расширение посевных площадей не подкреплялся достаточным пополнением трудовых и тяговых ресурсов. С началом войны это противоречие было доведено до крайности. Призыв в армию и на работу в промышленность резко сократил количество трудоспособного населения в сельских районах области. Если в колхозах области в 1941 году числилось 403,3 тыс. чел. трудоспособных, то к 1942 году их количество сократилось до 320 тыс., а к 1943-му — до 288 тыс. (не считая детей и подростков). При этом нагрузка на одного трудоспособного выросла с 4,9 га в 1941 году до 7,2 га в 1943 году. Следует учитывать, что приведенные данные были рассчитаны исходя из списочного состава трудоспособного населения. Фактическая же нагрузка была значительно выше. В отдельных районах (Черепановском, Купинском, Чистоозерном и др.) она превышала 15 га на человека¹⁸. Значительно изменился и качественный состав трудоспособного

16. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66.

17. Советская Сибирь (Новосибирск). 1942. 10 янв.

18. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 304. Л. 66(об.)–67.

населения, которое теперь состояло главным образом из женщин, имевших детей и личное хозяйство, а также незначительного количества мужчин, негодных к военной службе. Частично проблема нехватки рабочей силы решалась путем временной мобилизации на сельскохозяйственные работы незанятого городского населения, которое также в основном состояло из женщин-домохозяек.

Состояние МТС области, ослабленных в результате мобилизаций техники и призыва на фронт опытных механизаторов, не соответствовало планам сельскохозяйственных работ. Во время войны мобилизации подвергались наиболее мощные и исправные гусеничные тракторы, поступавшие в область с 1938 года¹⁹. В распоряжении МТС оставалась устаревшая техника, длительное время находившаяся в эксплуатации. Негативно сказывалась острая нехватка запчастей, вызванная тем, что переориентированная на военные нужды промышленность производила их по остаточному принципу. Так, в 1943 году поставка запчастей через централизованные фонды покрыла всего 18,1% от потребности, а с учетом изыскания внутренних ресурсов процент обеспечения МТС запчастями составил 57,6%²⁰. Отдельную проблему представлял недостаток опытных механизаторов. Несмотря на введение краткосрочных курсов подготовки трактористов и комбайнеров, их компетенция оставалась на низком уровне. Следствием нерадивого обращения с техникой был перерасход горючего, низкая производительность, постоянные поломки. Планы тракторных работ и комбайновой уборки в годы войны систематически не выполнялись, а несвоевременное выполнение сельскохозяйственных работ вело к понижению урожайности.

Продолжая политику расширения посевных площадей на востоке страны в военное время, государство следовало упрощенной логике: чем больше площадей будет занято посевами, тем больше урожая будет собрано. Ориентируясь на простоту и администрируемость принимаемых решений, командно-административная система упускала из виду ряд значимых факторов, влиявших на продуктивность земледелия. При нехватке техники и тягловой силы, сокращении паровой обработки земли, нарушении сроков посева и уборки, небольших объемах внесения удобрений расширение посевных площадей обернулось значительным снижением урожайности. В результате валовые сборы зерновых в колхозах области в 1942 году по сравнению с предыдущим годом сократились на 29% (Аругян, 1970: 421–423).

В этой связи следует признать политику форсированного расширения посевных площадей непродуманной и ошибочной. Возведение в абсолют количественных показателей прироста посевов

19. Там же. Д. 314. Л. 125.

20. Там же. Д. 304. Л. 37.

при несоблюдении агротехнических правил нанесло значительный ущерб производству. На неразумность существовавшей системы управления земледелием указывал в 1942 году в личной записке на имя первого секретаря Новосибирского обкома М. В. Кулагина агроном-директор Томской льняной опытной станции В. А. Стенин: «У нас вошло в привычку в руководстве полеводством считать только гектары. Не выполнены гектары — бьют. Поехал в колхоз уполномоченный, гонит цифры гектар, ему совершенно нет заботы о севообороте, об агротехнике, об урожае. В районе считают эти же цифры гектар. Гектары это все. Засеяно 100% — хвалят, засеяно 105% — премируют. А качество, а существо? О нем и пишется, и говорится, но оставляется без контроля и без выполнения. Тогда как совершенно ясно, что от полеводства нужны в конечном счете не гектары, а центнеры продукции и выполнение условий, создающих эти центнеры»²¹.

Задача расширения посевных площадей любой ценой провоцировала районное и колхозное руководство на абсурдные действия. В упомянутой записке В. А. Стенина приводится следующий характерный эпизод: «Кому нужно такое расширение посевов, как это имело место в Томском районе в 1942 г., к сожалению не являющимся исключением, когда с 15 по 25 июня вопреки всякому здравому смыслу, без какого-либо соблюдения агротехнических правил засеяли около 2 тыс. га семенами проса, взятыми из ликероводочного треста, неизвестного происхождения и всхожести. О стопроцентном выполнении плана рапортовали, кое-кто сохранил партбилет и прочее. А результат — обман государства и народа, испорченные 60 ц крупы, которыми можно было бы порядочное количество времени кормить дивизию, так как эти посеы ничего, или почти ничего, не дали, кроме засорения земли. Я был свидетелем того, как в трех колхозах — «Имени Ворошилова», «Заветы Ленина», «Ударник» — 22 июня действительно сеяли, разбрасывали по полю семена, а не съели их, и как в августе месяце эти же поля с одиночными растениями проса перепахивались под рожь»²².

Сверхнормативное изъятие зерна в ходе заготовительной кампании 1942 года вновь породило острую нехватку семенного материала, которую в условиях войны уже невозможно было компенсировать за счет предоставляемых государством ссуд. Недостаток семян, равно как и людских и тяговых ресурсов, спровоцировал значительное снижение посевных площадей в 1943 и 1944 годах. К тому же посеянные почти исключительно по весенней вспашке и при растянутых сроках сева зерновые в большей мере были подвержены воздействию неблагоприятных климатических факторов. В конце июля и в течение августа 1943

21. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 275.

22. Там же. Л. 274.

года Западную Сибирь в очередной раз поразила засуха, которая привела к наибольшему за все годы войны снижению валовых сборов зерна. В колхозах Новосибирской области валовый сбор в 1943 году был на 53,4% ниже уровня 1941 года (Арутюнян, 1970: 421, 424). Засуха 1943 года вела за собой негативные последствия и для урожая следующего года, создав неблагоприятные условия (сухость почвы) для высева озимых²³. Несмотря на некоторое снижение бремени натурального налогообложения, в 1944 году валовые сборы зерновых оставались на низком уровне.

В годы войны произошли существенные изменения в структуре посевов. Говоря о составе зерновых культур, необходимо указать прежде всего на резкое сокращение площади яровой пшеницы. В колхозах области она снизилась с 876,2 тыс. га в 1940 году до 476,9 тыс. га в 1943 году, т. е. на 42% (в границах региона на 1943 год). Удельный вес яровой пшеницы в структуре посевов уменьшился с 47% до 28%. Существенно сократились посевы овса и гречихи, при резком (в 10 раз) увеличении посевов проса. Значение проса возросло с 1942 года в связи с недостатком семян других культур при необходимости выполнять государственные задания по посевным площадям. Низкая норма высева семян данной культуры на гектар посева позволила колхозам повысить выполнение планов весеннего сева²⁴.

Еще одной характерной чертой военного времени стало расширение площади озимых посевов. Данная мера была продиктована правительством, которое рассчитывало, что увеличение озимого клина будет способствовать равномерному распределению трудовой нагрузки на людей и технику в течение года. В колхозах области посевные площади озимых культур возросли с 284,4 тыс. га в 1940 году до 488,9 тыс. га в 1943 году, или почти вдвое (в границах области на 1943 год). Их удельный вес в общей посевной площади по колхозам за тот же период увеличился с 14,3% до 28,1%; удельный вес яровых посевов, соответственно, снизился с 85,7% до 71,9%²⁵. В составе технических культур произошло сокращение посевных площадей по ценным техническим культурам (льну и конопле) и значительное увеличение посевов рыжика²⁶.

Всего же за период 1941–1945 годов в области посевы зерновых культур по всем категориям хозяйств сократились на 37,1%, технических культур на 16,9%, кормовых культур на 59,9%, однолетних трав на 72,4%, многолетних на 62,2%. Рост наблюдался только по посевам овощей и картофеля в основном за счет личных подсобных хозяйств колхозников (табл. 2).

23. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 211.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 251.

25. Там же. Л. 250.

26. Там же. Л. 112.

Таблица 2. Посевные площади различных культур в Новосибирской области в 1940–1945 годах по всем категориям хозяйств (тыс. га)

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые культуры	2005,3	2024,5	2068,3	1727,3	1285,7	1274,1
Яровая пшеница	1059,4	992,7	942,8	572,8	438,2	504,8
Технические культуры	89,8	71,6	120,8	110,2	63,8	59,5
Овощи	9,0	10,9	13,4	18,6	17,4	17,1
Картофель	74,5	66,0	83,1	99,5	111,0	112,1
Кормовые культуры	97,0	113,8	114,2	88,7	65,8	45,6
Однолетние травы	24,6	29,0	18,0	6,0	6,4	8,0
Многолетние травы	137,7	176,3	174,1	146,0	107,0	66,6

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 159, 175, 197, 233, 256, 264, 272.

Примечание: В таблице приведены сопоставимые данные в границах Новосибирской области на 1945 год.

Важным сопроводительным фактором, негативно влиявшим на производительность земледелия, было чрезмерное натуральное налогообложение. Вероятно, с точки зрения власти, заведомо завышенные заготовительные планы должны были служить инструментом мобилизации, подталкивая колхозное крестьянство к борьбе за их выполнение. Однако стоит усомниться в правильности такого расчета. Невыполнимые планы, полностью оторванные от экономических реалий, скорее оказывали обратный эффект, лишая колхозников стимула к артельным работам в условиях, когда рассчитаться с государством заведомо не представлялось возможным (от этого зависел и остаток хлеба, распределяемый на трудодни). В годы войны большинству колхозов области не хватало зерна для выдачи в порядке окончательного расчета по трудодням в конце хозяйственного года. Колхозники получали хлеб лишь в период уборочных работ в виде 15% аванса от сданного государству²⁷. Обесценивание трудодня лишало привязки натуральных доходов крестьян к колхозному хозяйству, переносил акцент на личное подсобное хозяйство. За годы войны выдача зерна на трудодень в области сократилась с 1113 гр. в 1941 году до 420 гр. в 1944 году, т. е. на 62,3%²⁸.

27. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 246.

28. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 124.

С. В. Шаранов

Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны

ИСТОРИЯ

Вплоть до 1943 года аграрная политика государства в отношении Новосибирской области не претерпевала значительных изменений. Даже начавшаяся в 1941 году война не внесла заметных коррективов. Курс правительства по-прежнему сводился к форсированию зернового производства в регионе на основе постоянного расширения посевных площадей. Быстрый рост последних на протяжении 1930-х и начала 1940-х годов происходил без учета остальных показателей сельского хозяйства области. Расширение посевов не сопровождалось ни установлением твердой системы земледелия, ни достаточным для освоения целины приростом сельского населения и тягловых сил. Уже в предвоенные годы высокая насыщенность колхозов землей при относительной стабильности или незначительном росте количества колхозных дворов, рабочей силы и тягла привела к чрезмерной посевной нагрузке для значительной части колхозов. С началом войны ухудшение работы тракторного парка, сокращение трудоспособного населения и живого тягла только усугубило положение дел. В итоге многолетнее истощение и засорение почв было важным фактором низкой урожайности зерновых в годы войны.

Сельское хозяйство Новосибирской области к началу войны было доведено до критического состояния политикой хищнического выкачивания продукции. И если сверхмобилизации в условиях войны имели оправдание, то истощающая производственный потенциал аграрная политика в мирное время необъяснима ничем, кроме недальновидности системы управления сельским хозяйством. Продолжая в начале войны по инерции завышать планы посевных площадей, власть провоцировала сельхозпроизводителей на полное игнорирование правил агротехники, что привело к резкому снижению валовых сборов зерна в области с 1942 года и до конца войны. Низкое качество управления сельским хозяйством как со стороны центральных, так и со стороны местных органов власти на протяжении всего рассматриваемого периода значительно снижало возможности продуктивного использования сельскохозяйственного потенциала региона.

Библиография

- Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. (2011). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН.
- Андреенков С. Н., Ильиных В. А. (2020). Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 4. С. 5–12.
- Анисков В. Т. (1998). Война и судьбы российского крестьянства. Вологда: издательство Вологодского ИПК и ППК.

- Арутюнян Ю. В. (1970). Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука.
- Выцлан М. В. (1995). Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945 гг.: Пиррова победа. М.: РНФ.
- Ильиных В. А. (2004). Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН.
- Ильиных В. А. (2019). Внедрение паротравополя в Сибири во второй половине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 26. № 1. С. 17–22.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б. (2020). Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН.
- Кондрашин В. В. (2005). Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 7. № 2. С. 289–300.
- Мерль Ш. (2015). Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 10. М.: Дело. С. 88–147.
- На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг. (2016). Новосибирск: Сибпринт.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы (2002). В 5 т. Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН.
- Шарапов С. В. (2021). Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 28. № 1. С. 81–88.

С. В. Шарапов
Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны

Agriculture of the Novosibirsk Region under the state agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Nikolaeva St., 8. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. The article considers the impact of the Soviet state agrarian policy on the agricultural production in the Novosibirsk Region. In 1930s, the government was not far-sighted: for short-term gains (growth of production volumes) the long-term prospects were sacrificed. The ever-growing state plans for sowing and harvesting prevented the development of the rational agricultural system in Siberia. By the early 1940s, in most collective farms of the Novosibirsk Region, elementary agrotechnical rules were broken: fallow lands were reduced, deadlines for agricultural work were not kept, rules for crop rotation and seed production were ignored. Therefore, the long-term clogging and depletion of soils, among other factors, determined extremely low grain yields during the Great Patriotic War. In the prewar period, the state agrarian policy led to the rapid depletion of the agricultural production in the Novosibirsk Region. By 1941, the region was in a critical situation of an acute shortage of seeds, food, and livestock feed. In 1942, the Soviet government continued its blind sowing policy and obviously underestimated the negative impact of such a policy on production under the reduction in labor and inputs. Planning errors led to a sharp reduction in gross grain harvests from 1942. Until the end of the war, the Soviet agriculture was negatively affected by the short-sighted state policies that significantly reduced possibilities for the productive use of the local agricultural potential.

Key words: agriculture, state agrarian policy, agricultural technology, Great Patriotic War, peasantry

- ИСТОРИЯ *Agrarnaja politika sovetского gosudarstva i selskoe hozjajstvo Sibiri v 1930-e gg.* (2011) [Agrarian Policy of the Soviet State and Agriculture of Siberia in 1930s], Novosibirsk: Institut istorii SO RAN.
- Andreenkov S. N., Il'inyh V. A. (2020) Selskoe khozjajstvo Sibiri v 1941–1945 gg.: dinamika i organizatsionno-proizvodstvennaja struktura [Siberian agriculture in 1941–1945: Dynamics and organization-production structure]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 27, no 4, pp. 5–12.
- Aniskov V. T. (1998) *Vojna i sudby rossijskogo krestjanstva* [War and Fates of the Russian Peasantry], Vologda: Izdatelstvo Vologodskogo IPK i PPK.
- Arutjunjan Yu. V. (1970) *Sovetskoe krestjanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War], Moscow: Nauka.
- Vyklan M. V. (1995) *Krestjanstvo Rossii v gody Bolshoj vojny. 1941–1945 gg.: Pirrova pobeda* [Russian Peasantry during the Great War. 1941–1945: Pyrrhic Victory], Moscow: RNF.
- Il'inyh V. A. (2004) *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoj derevni. Konets 1920h — nachalo 1950-h gg.* [Taxation of the Siberian Village. Late 1920s — Early 1950s], Novosibirsk: GUP RPO SO RASHN.
- Il'inyh V. A. (2019) Vnedrenie parotravopolja v Sibiri vo vtoroj polovine 1930-h gg. [Introduction of the fallow grassland agriculture in Siberia in the second half of the 1930s.] *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 26, no 1, pp. 17–22.
- Il'inyh V. A., Laperdin V. B. (2020) *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s], Novosibirsk: SO RAN.
- Kondrashin V. V. (2005) Krestjanstvo i selskoe khozjajstvo SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Peasantry and agriculture of the USSR during the Great Patriotic War]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 7, no 2, pp. 289–300.
- Merl S. (2015) Kak udalos Stalinu vosprejats'vat' 'zelenoj revoljutsii' v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-tehnicheskogo progressa (1927–1941) [How did Stalin manage to prevent 'green revolution' in Russia? On the inhibition of the agrotechnological progress (1927–1941)]. *Krestjanovedenie. Teorija. Istorija. Sovremennost*, vol. 10, Moscow: Delo, pp. 88–147.
- Na agrarnom fronte Sibiri. Kampanija 1932-1933 gg.* (2016) [On the Agrarian Front of Siberia. 1932-1933 Campaign], Novosibirsk: Sibprint.
- Tragedija sovetской derevni. Kollektivizatsija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy* (2002) [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939: Documents and Materials] in 5 vols., vol. 4. 1934–1936, Moscow: ROSSPEN.
- Sharapov S. V. (2021) Selskoe khozjajstvo Novosibirskoj oblasti i Altajskogo kraja nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: ekonomichesky i sotsialno-politichesky aspekty [Agriculture of the Novosibirsk and Altai Regions on the eve of the Great Patriotic War: Economic and social-political aspects]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 28, no 1, pp. 81–88.

Свидетельства о войне и оккупации в воспоминаниях русских крестьян: две казачки под Сталинградом¹

А. Д. Нахимовский

Александр Давидович Нахимовский, PhD, доцент кафедры информатики, директор Программы по лингвистике (в отставке), Университет Колгейт. 13 Оак Драйв, Гамильтон, Нью Йорк, США. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

Аннотация. Предметом настоящей статьи является жизнь русских крестьян и донских казаков на обширной степной территории, прилегающей к Сталинграду и оккупированной немецкими войсками во время Сталинградской битвы. Приволжская оккупация продолжалась всего несколько месяцев. Бои на этой территории начались в июле-августе 1942 года, в сентябре установился более или менее организованный оккупационный режим, который пришел к концу после советского контрнаступления 19–23 ноября. О Сталинградском сражении существует огромная литература, но о жизни крестьян в оккупации под Сталинградом не написано практически ничего, а исследования оккупации сосредоточены на западных областях страны, где она длилась годами. Цель настоящей статьи — показать, как в необычных условиях приволжской оккупации действовали обе стороны противостояния; как при этом проявились традиционные крестьянские ценности и принципы поведения; и как иной раз с неожиданной стороны, нарушая привычные стереотипы, вели себя оккупанты. Источником статьи послужили опубликованные записи лингвистов-диалектологов. В статье обсуждаются методологические вопросы соотношения устной истории, возникшей в России в 1990-х годах, и диалектологических исследований, которые велись в советской деревне, начиная с 1970-х годов. Автор приходит к выводу, что записи, созданные в ходе диалектологических экспедиций, представляют большой интерес и могут выступать в качестве исторических источников при изучении истории крестьянства в России.

Ключевые слова: устная история, Великая Отечественная война, Сталинград, оккупация, крестьянство, донские казаки, коллаборационизм, партизаны, раскулачивание

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-69-102

-
1. Автор благодарен Олегу Будницкому, Анне Малышевой, Ирине Паперно, прочитавшим рукопись статьи и сделавшим ценные замечания. Материалы к статье создали и сохранили диалектологи Леонид Касаткин и Кристиан Саппок, которые руководили полевыми работами и вели интервью. Елена Мошкина рассказала автору о существовании записанного ею интервью с Раисой Проиной, которое Christian Sappok по просьбе автора выложил в свой уникальный архив RUREG.

Предметом настоящей статьи является жизнь русских крестьян на обширной степной территории, прилегающей к Сталинграду и оккупированной немецкими войсками во время Сталинградской битвы. Ожесточенные бои здесь начались в июле-августе 1942 года. Советские войска потерпели поражение, и в сентябре бои сместились в сам город, занимавший узкую полосу вдоль Волги, а на степной территории установился более или менее организованный оккупационный режим. Оккупация пришла к концу после советского контрнаступления 19–22 ноября.

О летних боях в степи и о сражении в городе написана огромная литература (среди наиболее известных книг: Beevor, 1998; Glantz, 2017; Hellbeck, 2016), но не будет преувеличением сказать, что о жизни крестьян в оккупации под Сталинградом не написано практически ничего. Тому есть несколько причин. Жизнь крестьянства во время войны вообще изучена мало, а тем более жизнь в оккупации. Оккупация долгое время оставалась трудной темой. Первые важные описания (см. особенно: Ковалев, 2011; Enstad, 2018) сосредоточены на западных областях страны, где оккупация длилась годами и оставила по себе большой след в воспоминаниях и архивных документах. Приволжская оккупация продолжалась всего несколько месяцев, с июля по ноябрь. Никаких собственно оккупационных властей не было — были солдаты вермахта на втором году войны, которые в боях прошли от Украины до Волги и ожидали быстрого конца летней кампании. У них не было времени на административную писанину. С советской стороны, возможно, сохранились протоколы судов над коллаборантами, но, как видно из наших примеров, это были короткие суды (см. раздел «Дядя Семён»).

Единственными описаниями жизни крестьян во время приволжской оккупации являются их собственные устные истории, записанные лингвистами-диалектологами. Хотя и методика полевых работ, и материалы, созданные диалектологами и устными историками, часто неразличимы, границы между дисциплинами помешали совместной работе. Например, статья (Budnitskii, 2014) полностью нацелена на историю крестьян («I am especially interested in Russian peasantry», с. 772) и тщательно анализирует огромный материал (интервью военных лет, фронтовых дневники, письменные воспоминания горожан, попавших в деревню во время войны). Однако устные истории неграмотных крестьян, записанные в недавнее времена диалектологами, были просто вне поля зрения историков.

В нашей предыдущей работе (Нахимовский, 2021) уже была сделана попытка использовать диалектологические записи для исторического исследования. Цель настоящей статьи — показать, как в необычных условиях приволжской оккупации действовали обе стороны противостояния, оккупанты и местные жители; как при этом проявились традиционные крестьянские ценности и принципы поведения и как иной раз с неожиданной стороны, нарушая привычные стереотипы, вели себя оккупанты. (Напомним, что речь идет о сельской

местности, куда солдат отводили на передышку после боев в городе, где уровень жестокости был совсем другой.) Поскольку материал статьи нарративный, она также представляет читателю — в отрывках, но без каких-либо редакционных правок — хорошо рассказанные истории, полные глубокого драматизма и ярких персонажей. Среди оккупантов это немецкие и румынские солдаты; со стороны местного населения — донские казаки, жившие в станицах и хуторах, сохранявшие казацкие традиции и хорошо помнящие коллективизацию.

Статью, основанную только на устных источниках, могут обвинить в недостаточной объективности, так как приведенные в ней факты часто невозможно подтвердить другими документами. Обширная литература по устной истории (Lynd, 1993; Лоскутова, 2002; Щеглова, 2011) уже ответила на эту критику: устные повествования представляют историческую ценность, особенно если в них повествуется о масштабных трагических событиях самими жертвами этих событий, зачастую из бесправных и малограмотных социальных групп. Американский историк польского происхождения Ян Гросс, много сделавший для введения устной истории в основное русло исторических исследований Холокоста, настаивает, что в таких ситуациях устные рассказы должны получить такой же статус доверия, как и письменный источник (Gross, 2001: 139–140). Этот принцип полностью применим и к рассказам русских крестьян об их жизни в 1918–1953 годах. Слушая записи или читая научные расшифровки, трудно отказаться от впечатления, что эти истории правдивы. В них могут не стыковаться даты или перепутаться имена и названия, но в них никогда нет намеренного искажения. Да и странно было бы услышать такие искажения от женщин (большинство свидетелей — женщины) в глубокой старости, которые рассказывают историю своей трудной жизни, тем более что многие из них никогда не покидали свою родную деревню или ближайшую округу. Иногда в их рассказах проскальзывает точная историческая подробность, которую они никак не могли бы придумать или где-то услышать, что еще более усиливает ощущение подлинности.

Источники

Начиная с конца 1980-х годов в России начал складываться исторически уникальный корпус автобиографических повествований тех русских крестьян, которые в сознательном возрасте пережили коллективизацию и остались крестьянами-колхозниками. До конца 1980-х такие повествователи не стали бы рассказывать неизвестным людям правду о своей жизни, а к 2015 году их практически не осталось, так что корпус можно считать завершенным. Ученым еще предстоит описать его масштабы и очертания; в данной статье предлагается лишь несколько предварительных замечаний, важных для обсуждаемой темы.

Первым толчком к созданию корпуса послужили экспедиции 1990–1992 годов, которые организовал Теодор Шанин. Начало было многообещающим: группа молодых ученых получила предварительную подготовку и оборудование и разъехалась в шесть далеко разбросанных друг от друга районов страны. По окончании экспедиций расшифровки записей были собраны в книге (Голоса крестьян..., 1996). В основном результаты изначальных шанинских экспедиций следует признать неудачными по двум причинам: исходные записи не сохранились, а опубликованные расшифровки подверглись значительной редакторской правке с целью сделать их более интересными для широкого читателя. Главным успехом шанинских экспедиций стала работа саратовского ученого Валерия Виноградского, который собирал свой материал у себя по соседству, в Саратовской и Волгоградской областях. Свои расшифровки, искаженные редакторской правкой в книге 1996 года, он переиздал в исправленном виде в книгах и статьях (Виноградский, 2009; Виноградский, 2012; Виноградский, 2017). Читая расшифровки Виноградского, невозможно усомниться в их точности, но даже и у него изначальные записи не сохранились.

Дисциплина «устная история» начала складываться в России в 1990-е годы. Полевые работы среди крестьян относятся к середине 1990-х; первые публикации, основанные на полевых работах, появились в конце XX и начале XXI века; первые методические и учебные пособия — еще десятилетием позже (обзор развития устной истории на Западе см.: Лоскутова, 2003; Щеглова, 2011; Lynd, 1993). Т. К. Щеглова пишет: «[Устная история] на современном этапе подошла к признанию в академической среде, пройдя путь от ее отрицания и жесткой критики в 1990-е гг. до широкого использования в 2010-е гг.» (Щеглова, 2020: 2). Она также отмечает, что имеется «отстающая от потребностей исследовательской практики разработка теоретико-концептуальной базы ее развития и недоговоренность российского сообщества устных историков по многим дискуссионным проблемам, вопросам адаптации к российской почве зарубежного опыта устной истории» (Там же). В частности, нет договоренности о принципах архивного хранения устных записей, их расшифровки и публикации.

В отношении полевых работ историки были далеко позади диалектологов, наследников вековой традиции, которая началась в XIX веке и не прерывалась в советские времена. Никаких цензурных запретов на диалектологию не было, потому что до сравнительно недавнего времени диалектологи собирали лингвистический материал в рамках отдельного слова и предложения. Их интересовали звуки, формы слов, местная лексика, синтаксис фразовых единиц. Лишь в 1970-е годы начинают появляться записи развернутых повествований, изданные только после отмены цензуры. К 1990-м годам записи повествований становятся общей практикой (Гольдин, 1997). Многие такие записи были собраны в Институте русского языка Академии наук, где долгие годы директором отдела диалектологии был Леонид Леонидович Касаткин.

У диалектологов были свои причины записывать голоса старых крестьян: в них продолжали жить традиционные диалекты, которые начали быстро исчезать в послеколхозных и послевоенных поколениях. Для научной работы у диалектологов есть фонетическая нотация, которая добавляет специальные символы к стандартному алфавиту и пунктуации, чтобы передать особенности диалектного произношения, поэтому обычный образованный читатель такие тексты читать бы не стал. Между тем диалектологи прекрасно понимали культурно-историческую ценность своих записей и общественный интерес к истории крестьянства. Так появилась легко читаемая (*Русская деревня...*, 2010) публикация, сознательно позволяющая себе такие же вольности в отборе и расположении материала, что и книга, основанная на шанинских экспедициях. Возможно, потому, что на сей раз создателями были именитые профессиональные диалектологи, а не малоизвестные начинающие социологи, критика отнеслась к ней благосклонно. Однако проблема публикации диалектных расшифровок для неспециалистов остается нерешенной (*Качинская, Малышева, 2019; Крючкова, Гольдин, 2011*).

Очень важная нерешенная проблема и у диалектологов, и у историков это хранение изначальных записей. Глубоко укоренившееся недоверие к открытым архивам и надежности копирайта приводит к тому, что многие ученые держат свои архивы у себя². Даже если какие-то материалы попадают в архивы научных организаций, там зачастую нет общедоступных каталогов, и изначальные записи бывает трудно найти. Так и получилось, что самый большой такой архив, полностью документированный и выложенный в интернет, находится в Германии — результат огромного труда немецкого ученого Кристиана Саппока³. Хотя Саппок придерживался более строгих правил при публикации расшифрованных материалов, Касаткин и Саппок были друзьями и много работали вместе в полевых экспедициях, особенно когда их научные интересы совпадали. В 1999–2001 годах их обоих интересовали диалекты казачьих поселений в районах, прилегающих к Волгограду, и так возникли материалы данной статьи.

География и хронология оккупации

Развитие Сталинградской битвы во многом определялось сравнительной географией Волги и Дона. Истоки Дона находятся далеко к северу от Сталинграда, в Тульской губернии. Изначально двигаясь 550 км с севера на юг, в Воронежской губернии Дон поворачи-

2. Один из крупнейших устных историков в России, Виктор Бердинских, прямо говорит, что хранит все свои обширные материалы в своем личном архиве (*Бердинских, 2020: 6*).
3. RuReg. Русские регионы: акустическая база данных / URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio> (дата обращения: 26.01.2022)

чивает на юго-восток и делает большую дугу (Большая излучина Дона), приближаясь к Волге. В самой восточной точке этой дуги, примерно на одной широте со Сталинградом, стоит город Калачна-Дону, от которого до Сталинграда всего 80 километров. Далее Дон по дуге поворачивает на юго-запад, а дойдя до Волгодонска, продолжает прямо на запад к Ростову-на-Дону и Азовскому морю.

Первый период битвы проходил в Большой излучине Дона и на ближних подступах к Сталинграду и в июле-августе эти места оказались под немецкой оккупацией. В настоящей статье описывается, как проходила крестьянская жизнь в этом обширном пространстве с июля по ноябрь 1942 года. Текст основан на обширных воспоминаниях двух крестьянок, которые были записаны в 1999–2000 годах. Удивительным образом, собственно Сталинградская битва в этих воспоминаниях почти не упоминается: рассказчицы практически ничего не знали о сражении, которое шло где-то в городе. Более того, за 55 лет, прошедших с конца войны до записи воспоминаний, у них не добавилось ровно никакого нового знания об этом сражении. Возможно, разговор просто не заходил об этом, либо женщины избегали открыто говорить о тех временах: их рассказы, записанные уже на рубеже XXI века, содержат много неожиданного и об отношениях с оккупантами, и о поведении последних. Обширные устные свидетельства как материал истории, а не диалектологии приводятся здесь впервые.

О рассказчицах, собирателях и устной истории

В местах оккупации и шире — в Среднем Поволжье расположено много казачьих станиц и хуторов. Казаки начали появляться еще в XVII–XVIII веках, переселяясь из южных губерний России и с Нижнего Дона, иногда самостийно, иногда посланные императорской властью для охраны границ. В течение многих поколений они четко отделяли себя от не-казаков («хохлов»-украинцев и «мужиков»-русских), и выговор у них был особый⁴. Именно благодаря этому обстоятельству у нас и сохранился материал для данной статьи: его собрали языковеды-диалектологи, которые в конце 1990-х — начале 2000-х годов провели несколько экспедиций в Волгоградскую область, записывая казацкие диалекты⁵. Они побывали, среди других, в двух станицах, которые в 1942 году попали в клин немецкого наступления на Сталинград, и записали два подробных повествования.

Первая рассказчица, Пелагея Петровна Романенко (далее ПП), родилась в 1924 году. Она провела оккупацию в хуторе Евлампиевский, недалеко от станицы Голубинской, куда Романенко переехала в старости и где было записано ее интервью. Вторая рассказчица,

4. Я благодарен Валерию Виноградскому за эти данные (личное сообщение).

5. Леонид Леонидович Касаткин, Кристиан Сапкок и их сотрудники, особенно Елена Николаевна Мошкина из Вятского университета.

Раиса Ивановна Пронина (РИ), родилась официально в 1926 году, но есть некоторая неясность, может быть и в 1925-м. Она провела оккупацию в станице Распопинской и вокруг нее. ПП начинает свой рассказ с прихода немцев. РИ проводит первую треть своей двухчасовой записи, рассказывая о предвоенной жизни, которая включала в себя раскулачивание и ссылку на спецпоселение в Казахстан. Эта часть ее воспоминаний помещена в статью как важный исторический контекст для понимания отношения к немецкой оккупации.

Цитирование примеров. О языке

В статье используется много примеров устной речи. Для примеров ПП даются в скобках страницы из Касаткина (Касаткин, 2017). Примеры РИ сохранились в записи Сапока, которую он разделил на 57 треков, каждый длиной около двух минут⁶. Для примеров РИ дается номер трека. Иногда внутри примера дается точное время внутри трека: 23 означает 23 секунды от начала; 1.05 означает 1 минута и 5 секунд от начала.

Прежде чем цитировать примеры, укажем, как в них отражаются диалектные черты.

Фонетика

В публикациях диалектных текстов для более широкого круга читателей используется стандартный алфавит и пунктуация, но по возможности сохраняются главные особенности диалекта. Разные расшифровщики могут понимать «главные особенности» по-разному. В примерах из Касаткина диалектных черт немного, примеры из записи Сапока ближе к произношению. В них сохранены такие важные черты, как яканье; смягчение согласного [t] в окончаниях глагольных форм 3-го лица настоящего времени и упрощение кластеров согласных. Слова «когда он придет...» будут приведены, отражая произношение как «када ён прядёт».

Грамматика

Во многих русских диалектах отдельный средний род существительных практически исчез, так что с существительными среднего рода употребляются прилагательные и местоимения женского рода, как в Примере 19: «эту зерно».

6. Аудиозапись воспоминаний Р. И. Прониной: RuReg. Русские регионы: акустическая база данных / URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio> (Regionen: South, Expedition: CHO1-50).

Диалектные слова даются в пояснениях прямо в тексте, в скобках, с инициалами автора пояснения (ЛК — Леонид Касаткин или АН). Два слова из литературного языка имеют другое значение в диалекте: «шуметь» означает «кричать, орать», а «кричать» означает «плакать». Когда нужно указать нестандартное ударение, используется просто заглавная буква: «Ну немцы пришли-вошли, как зарали, и музЫки какие-то повключили» (Пример 8).

Манера повествования

Исследователи крестьянского повествования часто отмечают его «живость». Хотя у этого интуитивного понятия нет точного определения, можно отметить две черты, которые способствуют «живости». Во-первых, это частый, почти постоянный переход из прошедшего времени повествования в «настоящее повествовательное». Этот прием встречается и в языке образованных людей, но в крестьянской речи он превалирует. Во-вторых, это использование диалога для развития повествования. Например, вот событие: «Пришел Пашка, принес яйца. Мы спросили, откуда он взял. Он объяснил, что река разлилась, птицы улетели со своих гнезд, оставили яйца. Отец решил тоже пойти, набрать яиц». В рассказе РИ это звучит так: «И заходить Пашка, у него яйца. Откуда? Пашка говорить вода разлилась из Дона, много птиц улетели, оставили яйца. “Пойду я, мать, может наберу”». Здесь прямая речь приведена без вводных слов; из предложения понятно, чья это речь.

Рассказ РИ о раскулачивании

Раскулачивание началось с того, что забрали отца как кулака и посадили в тюрьму. Потом дедушку и мать с тремя детьми (Раиса — младшая) посадили на телегу и повезли воссоединяться с отцом. Еще двое старших детей жили в другой станице, и их не тронули.

Пример 1. Высылка. Трек 4

Привязли в Михайловку [...] и в тюрьму. И мне ж было шесть лет, и я уже была заключенная. На мене было заведено дело. [...] Такое жарница была страшная. Вонница — ну она ж тюрьма. Нас не в самую тюрьму — [...] а в двор. [...] А вонница тёмная (густая. — АН), народу собилось тёмно (тяжело вздыхает, чуть не плачет — единственный раз во всем повествовании. — АН). Ой вы меня простите пожалуйста, трудно вспоминать. Ну [...] мы побыли у этой тюрьме, [...] нас, вот не помню я на какой день, погрузили в вагоны, [...] просто в вагоны вот в каких возать вот

это, всякое пакость (усмежается), посадили и повезли. Три дня нас не открывают. И ни водички, ни этой, ничего. Вот что нам люди швырнули, вот на этом мы ехали.

Дальше все разворачивалось по обычному спецпоселенческому сценарию (см.: Viola, 2007).

Пример 2. На спецпоселении. Трек 5

...привезли нас в Караганду, а потом нас повезли от значить от Караганды куда-то там подальше. Ну вывезли в степь! Вот так степь кругом, ничего нигде никакого нет, лишь ветер валяет эти, траву и все. Вывезли, бросили нас. Ну там первое время хуч есть нам давали всяко вот они. Какую-то вот ПОРЦИЮ (с ироническим ударением. — АН), но давали нам есть, это вот за это сказать нечего. И воды стали возить. На этом (усмежается) на верблюдах привозили воды (смеется). 1.08 [...]

Мы ничего не знаем, как жить. Потом значить, не знаю сколько мы прожИли, нам сказали: «Собе делайте, ну, делайте, чтобы хаты такие». И отцы стали делать, отцы там, матеря, все кто мог. [...] и сделали вот что сейчас видите в совхозе [...] какие коровы эти [...] сараи, вот такие помещения делали, страшущие помещения.

С постройкой спешили, потому что надвигалась зима.

Пример 3. Зима, холод, меретия. Трек 6

...зима нам подходит, заходить зима. Холодюка заходить, а в Сибири холод страшный (до конца жизни РИ думает, что Караганда в Сибири. — АН). Ну мы значит перешли туда. Ну столько семей я не знаю, триста ли, четыреста семей было. Открылась сильная меретия (смертность. — АН). Мороз вот всех так, как утром встаем — зима, настоящая зима. Холодюка страшущая. Ну народу много, и, это, не то чтобы замерзали, не замерзали там-то, ну мы просто от всёй этой настроение. [...] Меретия открылась страшная. У нас умер дедушка. Умерла сестренка старше меня. Заболела я.

В другой станице у семьи остались 15-летний старший брат и уже замужняя старшая сестра. На этой стадии раскулачивания (конец 1930–1931 год) детская смертность в поселениях была так высока, что разрешено было нераскулаченной родне приехать и забрать малолетних детей домой (Viola, 2007: 51–53). РИ описывает это так.

Пример 4. (Продолжение пр. 3) Детей забирают. Трек 6

Заболела я. А брат у нас какой-то, братишка у нас остался, он стал ходатайствовать, когда мы опять прислали письмо, что сильная меретия, что у нас помер дедушка (текст пропущен, см. ниже. — АН).

Када мы написали письмо, [...] брат начАл тут, написал Сталину письмо: 1.50 ...разрешите вывезти хучь маленьких детей. Сильная меретия. И они (поправляется. — АН) он значить разрешил. Вот я уж не знаю, как они писали все, чего писали, не знаю. Брат за нами приехал туда.

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях
русских крестьян:
две казачки
под Сталинградом

Пятнадцатилетний подросток с двумя детьми как-то добрались обратно в станицу. Брат оставил детей одних и вернулся к себе на работу. Детям жить негде, их раскулаченный дом разобрали на бревна, чтобы построить школу. Они мыкаются из одной семьи в другую, пока наконец замужняя старшая сестра не забирает их к себе, они живут у нее в «гарнушке» — местное казацкое слово, которое означает что-то вроде флигеля. Тут вдруг появляются сбежавшие из спецпоселения отец с матерью: «*Прибегли с Сибири они, отец с матерью. Мать у нас была дюже в положении с этим, братишкой*» (Трек 11). В гарнушке стало жить невозможно, но родители где-то устроились на работу, и им дали чулан в хате какого-то начальства. В этом чулане мать и родила.

Пример 5. Мать родила. Трек 13

И ноне в чулане, и завтра в чулане, и моя мать сходилась родить, родила парнишку. Закатать не в чего. И она с себя последнюю рубаху скинула, закатала этого дитя. (Смеется.) А потом она значить закричала (заплакала. — АН) мать, а отец ушел на работу, она закричала, и эти бабы то возле, крутят-ся возле ее, ну и там эти начальство, и они то рубашонку какую-то дают, то какое-то плачишко дали закатать хоть дитя-то, а мать закричала, говорит: «Господи. Забери его Господи на свои руки» (с.40).

Вскоре после этого кто-то донес, и отца посадили на три года в тюрьму за побег. Мать с детьми переселилась обратно к старшей дочери в гарнушку. Она уходила на работу со старшим мальчиком, а РИ оставалась с младенцем одна в свои 6, 7, 8 лет. Ей часто было страшно, что она что-нибудь сделает не так и погубит ребенка, но все обошлось. Наконец отец вернулся, РИ бросилась ему на шею, но он ее остановил: «*Дочь, ты, говорит, ко мне не лезь, у меня виши*» (Трек 18). Умывшись в бане, он все-таки ее обнял, а тут еще соседка принесла рыбы поесть, чтобы отметить событие. РИ подробно отмечает все такие случаи неожиданной человеческой доброты.

Прежде чем закончить о раскулачивании, приведем пропущенный текст из Примера 4, в котором РИ высказывает главную семейную обиду, от которой и дедушка умер.

Пример 6. Отчего дедушка умер. Трек 6

...мы опять прислали письмо, что сильная меретия, что у нас помер дедушка. 1.10 Но он дедушка наверно помер [оттого, что. — АН] он дюже волновался: (голос меняется, говорит громко, убежденно. — АН) только они, наши родители, только выжили, только хату купили, а то хатюшечка у них была маленькая какая-то, а то только хату они сделали, отец стерёг семнадцать лет сряду чужую скотину, за того чтобы всё — и он кулаком остался. Ну это правильно, как вы думаете? И он же кулак.

РИ ни разу не высказывает такого чувства обиды по отношению к оккупантам.

Когда отец вернулся из тюрьмы, жизнь пошла лучше. Отец и мать работали; старшая сестра с мужем тоже зарабатывали, появились деньги. Перед самой войной они даже сумели поставить для семьи дом и выбраться наконец из гарнушки.

Пример 7. Начало войны. Трек 22–23

И телушка отеллилась наша, и корову они хотели уж, и уж мы живем разбогато-богато [...] и на выходные все, отец стал на выходные ходить (т. е. до того работал без выходных. — АН), ну всё ж таки не подневольные. Я стала в школу ходить. Большак уж стала (смеется. — АН), стала ходить в школу. Все ходят наразнарядные-нарядные, а у меня-то нечем наряжаться. Ну дай Бог здоровья, у нас люди были славные. [...] Ну тогда зять говорить, отцу моему говорить, 1.26 «Папка, все же дети у тебя большие уж, и Федька большой, и Райка большая уж, Федьку забирают в армию; ага, давайте купим вам дом». [...] Купили дом, хороший дом. Год живем, другой живем в этом доме, расхорошо, недалёко. Слава тебе Господи. 1.56 И вот эта блядская война. Господи прости мою душу грешную! Что ж это там кто-нибудь услышит (смеется). (РИ любит вставить крепкое словцо и всегда после этого просит прощения у Господа. — АН.)

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях
русских крестьян:
две казачки под
Сталинградом

Немцы в Распопинской

Ни РИ, ни ПП ничего не говорят о первом годе войны. Их братья сразу ушли на фронт, но для них самих война началась с приходом немцев летом 1942 года. В Распопинскую они пришли раньше, еще в июле.

Пример 8. Немцы в Распопинской. Трек 23

Как они грянули сюда, это нельзя передать. Немцы. Сначала входили немцы оттуда вот (показывает. — АН). И все шуметь «Немцы», а наши, как пошли наши отступать, а их раз-немножечко остается, бьют по ним, стреляют [...] Ну немцы пришли-вошли, как заорали, и музЫки какие-то повключили — а какие нам музыки? И объявляют по рации, что [...] если кто — если значит немца убьют, за одного немца будут сорок человек расстреливать. 2.16 Если ну там ты или я немца убью, значит сорок человек расстреляют наших русских, совсем безвинных людей. Ну помирать никому ж не хочется. А ненависти-то у всех полно, к ним, к немцам. Мы все и боимся.

Так для РИ запомнилась первая встреча с новой властью. Но тут же она вспоминает и личный контакт между людьми, где все обстоит немного иначе: распопинский казак нашел раненого немца и привез, отдал его немцам. Обстоятельства были сложные.

Пример 9. Взаимный долг. Трек 25

...тут наши убили двух или трех немцев, как они [...] вошли сюда. с.26 А одного значит привез наш распопинский мужчина, он тоже был в армии, и его ранили. Ранили, и значит ему отымали ногу, немцы, и они его спасли, немцы [...], а када немцы сюда пришли, и ранили-то его тоже, немца-то, он grit, как меня хотите так туда и набивайте, как хотите так и говорите на мене, а они меня немцы спасли, я его тоже ж должен спасти. И взял этого немца спас, и немцы как вошли, так он им его отдал. 1.17 [...] Ну его кто обсуждал (т. е. осуждал. — АН), кто не обсуждал, ну это уж чтож, что его обсуждали. Жить хочется всем. Он ничего плохого не сделал, он привез, и его немцы взяли к сябе, писарем. 1.37

РИ не скрывает, что выполнение морального долга повлекло и материальную выгоду, но несколько этого не осуждает. По-человечески, «он ничего плохого не сделал». Этот человеческий поступок ничуть не противоречит общей картине противостояния народа и власти.

Пример 10. Власть и насилие. Трек 25

И вот когда немцы вошли, объявили нам, что кто, значить, будет убивать, тоже, значить, помиловать не будут. 1.48 Да вы и так не помилуете, и так вы нас пришли убивать, мы ж знаем, что вы пришли убивать.

Контраст между предыдущими двумя примерами можно сформулировать так: «Мы хорошо знаем, что власть будет совершать такое насилие, какое ей нужно; не надо нам об этом напоминать. Мы будем жить в рамках этого насилия, но между людьми у нас свои правила справедливости и милосердия: немец меня спас — я должен спасти немца». Безногий коллаборационист появляется снова в ее рассказе: он тайком приходит предупредить мать расстрелянного комсомольца, что ей самой грозит опасность (Трек 34). Немецкие врачи тоже появляются еще раз: Раису ранило, из руки течет кровь, ее сестра побежала к немецким врачам, и они дали ей бинт перевязать руку Раисе (Трек 37).

Немцы в Евлампиевском

У ПП и прибытие немцев, и жизнь в оккупации сложились сравнительно спокойно. Она жила у родителей мужа в хуторе Евлампиевский, откуда 20 км на юг до Голубинской, а оттуда еще 40 км до Калача. После сражения в Большой излучине, когда был взят Калач, в Евлампиевский немцы вошли тихо.

Пример 11. Наши ушли, немцы еще не пришли, потом пришли (с. 619–620)

А вот это ещё как идтить немцам (когда немцы вот-вот придут. — АН), вот всё, наши уехали, я пришла домой, а мать го-

ворит: «Отец (это свёкор) куды-й-то ушёл, ты иди, Полюшка, к Семёновым» — это дядя, отцов брат тут. Ну я девчонку взяла и пошла. Пришла да говорю: «Я к вам пришла, я боюсь там». — «Ну идите давайте в окоп, — дед Семён говорит, — давай в окоп залазтья». А у них окоп так окоп, так и так вот ишо три (показывает руками размеры окопа. — АН). Ну и вот суды залезли, там воды поставили они. [...] Ну и дядя Семён ушёл в этот окоп.

Ну мы тут сидим, а немцы-то идут, суды заглядывают, выходите, значит. [...] А дядя Семён чует это, слышит, что разговор — немцы. А он в плену был в германскую, ну он умеет по-немецки говорить. А сколько жили с германской, никто не знал, чтоб он по-немецки, сказал, что «Я знаю немецкий язык». А он уж тут с немцем разговаривает. А я слушаю: а-а, дядя Семён разговаривает с немцами! Ну и всё. Он тут говорит: «Вылазьте». Вылазим, в кухню приходим. Ну и уж тут вечер, уж солнышко так низко было. Я домой больше не пошла, так и у них осталась.

Ну у тут вечером, в кухне столик выдвинули такой невисокий, такие вот скамеечки. Мы кругом обсадились. Тётка Ганя, эта бабка, налила нам йисть, там чо-й-то принесла из кухни. А солнышко так садится ли ишо не село. А немец, часовой тут, спрашивает: «Это все твои?» А он говорит: «Все мои». Ну а Маруся вот: «Папаня, чо сказал?» — «Он говорит, шо вот все твои? А я говорю: все мои». — «А мужья у них?» А он им говорит: «На фронте». [...] А я сжу — глянь: дядя Семён по-немецки разговаривает!

Как видим, немецкий солдат сел ужинать с семьей. Благоприятное отношение донских казаков к немцам было уже известно и не раз проявлялось на долгом пути от Украины до Калача (Беевор, 1998: 105). Присутствие дяди Семёна тоже помогло. У него явно были способности к языкам. ПП тут же рассказывает, как незадолго до войны через хутор проходили евреи, эвакуированные откуда-то с запада, из Польши или Прибалтики. Евреи были не городские и работали в поле вместе с казаками. Дядя Семён услышал, как они говорили на идиш, и включился с ними в разговор: «дядя Семён язык еврейский знает! Ну а потом, кода это он стал с немцами разговаривать, он говорит: немецкий язык с еврейским чо-й-то есть такое» (Касаткин, 2007: 620).

Сравнительная оккупация-1: Распопинская

Оккупация и дальше сложилась очень по-разному в Распопинской и Голубинской. Распопинская была и более жесткой, и более хаотичной. Обязательных работ не было. Вскоре после прихода немцы выгнали всех жителей из станицы, и они стали жить в ярах, куда забрали из дому, что могли, включая и всю свою живность. Им разрешили приходить в станицу получить пищевой

паёк, который РИ называет «провиант», и зайти домой добрать, что еще нужно. В один из таких приходов случилась показательная история.

Пример 12. История с кабаном. Трек 26

А у нас значит, был кабан, большой, ну немец пришел и говорит отцу, у отца спрашивает: «Твой кабан?» А он говорит: «Кабан мой» (РИ никак не объясняет, на каком языке они разговаривают. — АН). А он немец говорит: «Никуда его не девай, я завтра приду его и, значит, заберу». Видно он какой-нибудь начальник немецкий. А у нас казаки не ругачие (сказано иронически. — АН). «А так его мать, хочет, значит, кабана — нет, я это дело не отдам». — «Папаня, нехай он берет, а то он убьет». — «Нет, ничего он, никуда не денется».

Ночью отец зарезал кабана, они вместе его распотрошили, нарежали на куски, сложили в ящик и зарыли в землю. На другое утро немец так и не пришел. *«И когда немцы-то ушли, а мы отрыли, а у нас это и мясо. Хучь она (мясо. — АН) и в земле была, но она [...] не пропала» (Трек 27).*

Раиса еврейка

Вскоре после этого эпизода Раисе пришлось уйти из Распопинской: не очень понятно как, но разнесся слух, что она еврейка. Почему еврейка? Во-первых, у нее была длинная коса, а во-вторых, имя у нее было какое-то еврейское (Трек 37). О том, что евреев убивают, все знали.

Пример 13. РИ еврейка и партизанка. Трек 38

Приходит соседка и говорит: «А они всех евреев порасстреляли». Сюда приезжали и тут расстреливали. Сколько порасстреляли не есть конца и края. Идиоты, ёбть, Господи прости мою грешную душу. Ну они пришли нас убивать, чего ж. Ну и мать приходит, говорит «Раиса куда хочешь иди» [...] Ну я, ну куда? А у нас [...] у матери сестра жила на Беловске. Это тут недалеко тоже, 12 километров хутор. Она говорит: «Ну иди Раюша к тетке. А иначе тебя расстреляют» [...].

РИ снова повторяет, что «они пришли нас убивать»; примечательно, что в число «нас» она включает и казаков, и евреев.

Пример 14. У тётки. Искра Божия. Трек 3

Пришла к этой тётке, а у ней семнадцать человек уже живут людей (с другого хутора. — АН). Ну деться некуда. [...] И тётка, и бабка у ней, свекровь, и мы там; и вот она тётка со свекровью спать на кровати, а мы семнадцать, и я восемнадцатая пришла, все на полу ночуем, [...] у кого есть, что постелить, у кого нечего, ну все равно. А виши у нас кипятъ вовсю.

А енти, немцы там, и готовят они [...] вот какие там на передовой, они возять им отсель, [...] от тётки возять. [...] Ну и всё

ж, глядишь когда и нам, у кого Божия искра есть, немцы, и нам какую-то ложку вольет («передовая» здесь не в городе — до города далеко, — а в другую сторону, у Клетской-Распопинской. — АН).

ПП никогда не объясняет поведение немцев, просто рассказывает, как было дело. РИ наделяет немецкого повара Божией искрой, которая побуждает его совершить человеческий поступок. Как мы увидим в истории ее отца, какие-то оккупанты могут и сами различить искру Божию в местных жителях (Пример 32).

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях русских крестьян: две казачки
под Сталинградом

Раиса партизанка

У Раисы вечно что-то происходит. Приходит вдруг тетка и говорит: «Рая, куда хочешь».

Пример 15. Разговор с жандармом. Трек 39

А я: «Куда ж хочешь, куда мне деваться?» А она говорит, встречается их, тоже, жандарм и говорит, у ней спрашивает, говорит: «У тебя племянница тут?» Она говорит: «Тут». «Она партизанка. Вот её не было тут, и к нам партизаны не ходили». А к ним правда, там недалёко передовая, партизаны заходят часто. «А к нам, — говорит, — ходят партизаны, и она с ними связана, больше тут не с кем, больше у них не к кому». Она говорит: «Да ты чего это?» А он говорит: «Мы расстреляем ее».

Тут появляется какой-то из «вакуированных» и говорит, что видели Раисину сестру, она живет где-то рядом, километров десять. (Отметим крестьянские расстояния — десять километров это рядом.)

Пример 16. Добрый румын. Трек 40–41

Ну я говорю, слава тебе Господи, я теперь значит туда уйду. А тётка говорит: «Пойдём к старосте, пойдём к этому, к румыну, и чтоб он дал нам эту, ну, проходную бумажку», у меня ж документов никаких же нет. Пошли. А он румын, вот всегда я говорю: «если он помер он, убили его, царство ему небесное, а если он живой, дай Бог ему здоровья» (Трек 41). А у него русская девочка, не знаю, помогает как она у них, как ли. Ну в моих годах она, и она щас мне взяла написала бумажку, чтобы мене не задерживали, и я пошла.

После недолгих поисков, Раиса нашла свою семью и уже осталась с ними до ноября.

Сравнительная оккупация-2: Евлампиевский. Работа и пропитание

Евлампиевский был в штабном центре с большой концентрацией войск и стабильно установленной жизнью, включая и повседневную работу. ПП непосредственно начинает свой рассказ так.

Пример 17. Работа под немцами (с. 616)

В сорок втором пришли в августе месяце немцы к нам, тут были до двадцать второго ноября. Ну немцы тоже заставляли работать. Мы ходили миндажи (блиндажи. — АН) рыли и окопы рыли. Чо скажутъ, то и рыли.

Здесь одним словечком «тоже» установлена преемственность с колхозной жизнью: заставляли работать без платежа и делать, что прикажут. ПП, однако, отмечает одно различие.

Пример 18. У немцев было немного по-другому (с. 618)

Ну у них, у немцев, не присядь, как у нас — поработал, сядь и сиди. Нет. Ты вот покопайси, постои и опять копайси [...]. И вот не садися, шо обычно как у нас: «Давайте отдохнём, давайте покурим», не-е. Вот копаешь, ямку выкопаешь, постоишь, опять вторую там ямку. [...] А он, часовой, ходитъ. [...] И вот так ковыряйся лучше, ты не спеши, а ковыряйся, а садиться не хочь, не-не-нет-кось. [...] Токо сядем: «Пан, пан, не-не-не-не-а»: копайтесь, копайтесь — часовой ходит. «Ну, — говорим, — копаемся, чо же».

ПП объясняет и новые условия, и как приспособиться к ним: садиться нельзя, но можно ковыряться медленно, сберегая силы.

В этом примере появляется точная историческая подробность: немецкие солдаты, говоря с русскими, часто употребляли польские слова, потому что перед вторжением в Россию они почти два года провели в Польше. Слова «матка-яйки-курки-млеко», известные из многих военных романов, это искаженные польские слова. ПП романов не читала, так что когда ее часовой говорит «пан, пан», это ее собственное историческое воспоминание. У РИ в Примере 26 появляется и противоположный случай: местный подросток, обращаясь к немцу, называет его «пан».

С темой работы неразрывно связана тема пропитания: как кормили? Приходилось ли голодать?

Пример 19. Кормёжка при немцах (с. 616)

И там какой хлеб остался, ходили граблями гребли, собирали, молотили там в одном дворе. Ток был, расстилаешь, молотилка была, с молотилкой гоняешь лошадь, а потом эту зерно сгребали граблями, вон там веяли руками. Ну потом там по котелку давали домой, што работаетъ.

Получается, что немцы кормили достойно: кто работал, получал к концу дня котелок обмолоченного зерна. Разрешали также собирать колосья с земли, за что в 1932 и 1948 годах в колхозе можно было получить большой срок. Все лучшее немцы, конечно, забирали себе:

Пример 20. Курка, яйки (с. 616)

Как идут: «Курку, яйки» — и всё это топором, варили, ели, всё позабрали. И коров резали, забирали всё. Там у нас в хуторе три коровы токо осталось, а хутор большой был. У каждого тогда коровы держали, редко хто не держитъ, старые такие сильно уж-то. Токо коровой и жили раньше, до войны (т. е. своей коровой, а не на трудодни. — АН).

Однако у ПП и ее семьи были и другие источники пропитания. В их доме поселилось немецкое начальство, а их самих переселили в «кухоньку», наверное, вроде гарнушки в рассказе РИ. Во дворе разгуливали часовые, и стояла походная кухня, где два немецких повара готовили для начальства и для всей части. ПП пересказывает необычный разговор с немецкими солдатами.

Пример 21. Настроения немецких солдат (с. 617)

А у нас тогда какой-то там старший стоял в хатке, и кухня стояла в дворе, немцы это готовили, часть какая-то там. И вот придут часовые в хату суды, зайдут и: «Гитлера в капут. Сталина капут. Всё, война капут. И мы бы к мамам, к папам поехали бы все, и ваши, и мы бы. А то война, война вот». Она видишь как. А мы сидим, отец и мать тут.

Это, кажется, единственное документированное свидетельство прямого признания немецких солдат в разговоре с местными жителями, что они устали от войны и хотят домой. Такие нарушающие стереотипы эпизоды ПП отмечает словами «Она видишь как», без комментария или попытки интерпретации.

Больше всего семья ПП общалась с немецким поваром. Похоже, что они подружились.

Пример 22. Добрый повар (с. 617–618)

А это мать пойдёт соли попросить, там один молодой повар такой был, он насыпуть в кружку консервную, дать. Глядишь, кусок хлеба дать. А хлеб был у них тридцать восьмого года запечённый, тридцать восьмой год штамп на хлебу. Ну хлеб такой вот не белый и не тёмный, не ржаной, размольный (из муки простого размола. — ЛК), помол такой был. Ну и сачки небольшие, може так, как вот щас сачки наши. То вперёд (раньше. — АН) у нас килограммные были, большие, а это вот маленький хлеб был. То с полсайки даст, а то сайкю даст. [...]

Вот чечевицу они варили. Энтот там старший, я к нему никада не подходила, а этот помоложе махнёт, скажет: «Давай, я накладу чечевицы». Ну мы рады чечевице. Вот накладёт банку, там эти вот от пасты это банки такие жестяны. Вот принесу — он накладёт полностью. И чаю скажет: «Давай, налью чаю». Я пойду, возьму там банку, стеклянных не было, какой-нибудь горшочек возьму, он мне нальёт литра три.

С этим поваром случилась уморительная история, явно вошедшая в семейную традицию.

Пример 23. Щи несолёные (с. 617–618)

Раз пошла мать (это свекровя), и соли он ей насытал в банку консервну. [...] Ну и значить приносить она соль ну варить туды-суды. Варит там, какой-то травы кидает, ну йисть-то надо чо-й-то там. А в печке русской в чугунке варили, на рогачах (на ухвате. — ЛК) пхали туды. Говорит: «Солила-солила щи — они не солонны. Уполюшка, покушай щи». А я говорю: «Мам, чо же щи будут солёны — они с сахаром». Она: «Как с сахаром? Ка-

кой же это сахар? Ты чо же?» — «Щи-то сладкие», — я говорю. «Он мне сахару насыпал, а я думала — соли, думаю: это же свежий соль, солю — они сладкие». Это заместо, она просила соли, он сахару дал.

У этой сладкой истории был горький контекст: уже в предвоенные годы в деревнях и провинциальных городах сахару просто не было. Вот что писала мать сыну на финский фронт 30 ноября 1939 года: «Вася у нас живется тихо ничего нет сахара нет живем без сахару 4-ай месец сейчас белова хлеба нет молоко 3 рубля литр мясо 15 руб. кг. картошка 8 руб. мера очень все дорого ись (есть. — АН) совсем нечего» (Зензинов, 1944: 294, письмо 10)⁷.

При стабильной работе и дружбе с поваром ПП жила в оккупации спокойно, кроме самого последнего дня, 21 ноября 1942 года, когда она пошла в гости на соседний хутор, а утром оказалась отрезанной от дома внезапным советским наступлением (см. раздел «Последние суббота-воскресенье»).

Повседневная оккупация: сопротивление и сотрудничество

Для Раисы война была полна приключений: семью выгнали из дому, жили в яру, потом пришлось бежать в одно место, потом в другое место, но особенно опасно не было. Для Пелагеи война была почти комфортной. Она даже сказала, что немцы «у нас в хуторе не слышно, чтоб бедой трусили» (что Касаткин глоссировал как «не слышно, чтобы беда от них была»). Касаткин, который молодым офицером прошел всю войну, не мог не спросить (один из редких случаев, когда он задает не языковой и не биографический, а исторический вопрос): «А немцы кого-нибудь убивали?» ПП отвечает:

Пример 24. Расстрел пленных офицеров (с. 620–621)

У нас нет. Ну этих, пленных, конечно, убивали. Ну я видать — не видала, а наших в плен забирали. Вот два у нас были, один — командир «катюши», а один — командир батареи. И чо-й-то там к нам в кухнёнку наладят побыть. Ну потом их вызвали: «Выходите». Уж это темнело — забрали их от нас. А те говорят: «Чо ж вы говорите, что командиры?» Они говорят: «Да чо нам, нам всё равно не придётся жить. За нас Богу молиться не будут, а мы правду говорим».

Здесь ясно проступает черта между «у нас» и пленными, и такое же, как у РИ, приятие естественного для власти насилия («плен-

7. Мы знаем о письмах на финский фронт, потому что зима была очень холодная, группы не разлагались, и финны собирали с них все документы, включая и письма из дому. Русский эмигрант Владимир Зензинов, который был журналистом парижской газеты в Финляндии, собрал коллекцию писем и опубликовал их в Нью-Йорке как приложение к своей книге (Зензинов, 1944; подробнее см.: Nakhimovsky, 2020: ch. 3).

ных, конечно, убивали»). Что в точности сказали пленные офицеры, подтвердить невозможно, но логика события понятна: среди пленных были два офицера; они признались, что они офицеры; кто-то спросил у них, зачем они признались, и они как-то впечатлили всех своим мужественным ответом. Их расстреляли; их кости были найдены на следующий год. Для ПП это никак не противоречит тому, что «у нас в хуторе» немцы ничего плохого не делали.

Расстрелы в Распопинской. Жандармы и партизаны

В Распопинской расстреляли не пленных, а своих хуторян. РИ рассказывает о четырех молодых парнях. Один из них был предатель, сын жандарма. (Вместо «полицай» РИ говорит «жандарм», возможно, потому, что так они назывались в румынской зоне оккупации.) Про этого человека она говорит «ну он на жандарма и похож» (Трек 30: 1.26), а немного дальше называет его «наш паразит идиот-предаватель» (Трек 32) — единственное ее суждение против коллаборантов. Трое других были оставлены советскими властями наблюдать за немцами. Они учились с Раисой в школе, один из них был секретарем комсомольской организации. Предатель увидел у комсорга гранату, донес немцам, те пришли и его арестовали. Когда его вели, он попытался бежать, его застрелили.

Пример 25. Комсорга арестовали, пытался бежать, застрелили. Трек 29

И взяли его, погнали. 41 И вот сюда когда речку перяшили мост, перяшили, а он задумал убежать, этот секретарь-то, задумал убежать от них. И повернулся, только побег, и на горОд, там горОды, а он на горОд прыгнул, думал от них-то убежёшь — от них-то убежёшь, от пули-то не убежёшь. Они его бах и убили его, застрЕлили. А эти двое ребят остались.

Раиса замечает, что эти двое ребят, Петя и Сережа, вели наблюдения, подсчитывали проходящие танки. Их вскоре арестовали по указке жандарма. Мать Пети, Васильевна, была близка к семье Раисы; «мы всегда за одну семью», — говорит Раиса (Трек 36). Многое из истории их расстрела, наверное, услышано от нее.

Пример 26. Как расстреляли двоих ребят. Трек 33

И Васильевна приходит, [...] а ей говорить: «Васильевна, [...] а Петьку твоего повели немцы» [...], рассказали ей, куда повели. Она [...] побегла туда. 26 Подбегает, а их уж выводят с допроса, значит немцы допросили, их уж выводят с допроса, одного и другого, обеих, руки назад, все они в крови уж, поизбитые, немцы поизбили. А он глядь, мать-то бежёт, а он шумить: «Вернися. Прощай, маманя». Так она на что уж такая она была [...] твердая за советскую власть она была всегда. Преданная. И у них отец такой, и она. И она побегла следом. 1.03 А он шумить: «Не ходи, а то и тебя застрелЯть». И она вернулась. Вернулась и значит обошла кру-

гом и пошла им наперед, а их повели в сады, ребят, расстреливать. Привели их в сады. А мать вот [...] главное она слышала их разговор — видать она не видала, как их это [...] там, загорожено, а слышать, что сын то ее разговаривает. Вот они значит стали рыть могилу, заставили их рыть могилу себе. И они начали рыть. А он говорить немцу: «Пан, не стреляй меня, я ни в чем не виноват». [...] вырыли они яму, и раз-два, мать говорит я не знаю сколько раз они стрельнули. Как раз раздался выстрел оттель, из-за Дона. Наши стрельнули туда, к этому саду, и недалёко, и не слышала она, как [...] `расстреляли его. Ну слышала, что расстреляли, и они, немцы, прикопали их в этом яру, какой они выкопали, и пошли. И она, Васильевна, приходит туда к бабам и говорит: «Бабы, немцы расстреляли Петьку моего, Петьку и Сержку».

И не закричала, и не закричала, и вот это не далась; говорит: «Ну значит его доля такая» (Трек 34: 0.16).

Позже в тот же день вдруг приходят немцы, ищут Васильевну. (По-видимому, был приказ арестовывать семьи партизан.) По рассказу РИ, немцы угрожали расстрелом, если не скажут, где она, но все промолчали. Когда немцы ушли, Васильевну из дома выгнали, велели немедленно уходить. Ночь она провела в высоких зарослях табака. «Тогда табак сеяли каждый в своем дворе, и табак разбольшой был» (Трек 34: 1.40). «Дали ей туда какую-то пальтушку...» (Трек 34: 1.54).

Муж Васильевны был дома. Ему сказали, что Петьку расстреляли. Утром Васильевна и ее муж находят друг друга, с помощью того инвалида, который был писарем у немцев.

Пример 27. Одноногий коллаборационист помог. Трек 34

Дед там, она тут, 0.12 и вот благодаря этого-то — парень, какой немца спас; его забрали же, он у них у немцев пишет там чего-то помогает — а он был, свои ж мы расопинские, не все ж аспиды. Он ищет эту Васильевну, бабуку. [...] Он пришел, а они бабы говорить «она вот тут вот в табаке лежит». Он пошел, нашел, с одной ногой, пошел-нашел, и говорит: «Васильевна, уходите с дедом завтра». (РИ перебивает себя, обращается к ЕМ, потом обновляет рассказ. — АН.) Вот она, значит, Васильевна лежит в этом, в бурьяне. А он говорит: «Васильевна, уходите раньше, утром раньше уходите; вас расстреляют. Петьку расстреляли, [...] а теперь будут расстреливать вас, вы как партизане тоже».

В самой рискованной части этого отрывка, рассказывая о добром поступке предателя родины, РИ вдруг резко прерывает себя и обращается к Елене:

Пример 28. Может этого не надо?

РИ: Это может не надо вам было бы?

Елена: Надо, надо; ага.

РИ: А то може я рассказываю, а може... Или вам это самое надо? Вот я думаю вам вот это самое надо, вы не из-за чего-то, не из-за новостей каких-то — настоящих надо.

Елена: Да, да. Настоящих.

Раиса: Ага. (*Возвращается к рассказу.*)

РИ, по сути дела, утверждает, что она рассказывает «настоящее», и спрашивает: «Может не надо?» Получив подтверждение, она продолжает, как в предыдущем примере. Много позже, в другом рискованном отрывке, она снова прерывает себя и высказывает свое кредо еще более отчетливо.

Пример 29. Самое главное для РИ

...и столько у нас пленных тогда гнали тут каждый день, пленных гнали — я еще вам про это расскажу, мне хорошие (слушатели. — АН) попались, я всегда всем рассказываю, и мне так хочется, чтобы все знали. Брежать я не умею, не люблю, а вот правду рассказать, и чтоб мне и после кто-нибудь вспомняУл, скажут: «Бабка нам рассказывала».

Вскоре Васильевна встречается с мужем. Оказывается, у Петьки как у партизана было в подвале сложено много оружия, и немцы его нашли. Так и выясняется, что Петька был серьезный партизан, хотя он был Раисин ровесник, в одном классе учились, и значит, ему было 16 лет. Удивляться этому не приходится: взрослые все ушли на фронт, остались дети-подростки и старики, такие как отец Раисы и дядя Семён.

Первый старик: отец Раисы

Отец Раисы, ветеран Германской войны, был смелый человек, не побоялся зарезать кабана, которого требовал себе немец. С такой же независимостью он игнорировал некоторые распоряжения властей.

Пример 30. О молитве с врагом. Трек 43

...в праздник, так румыны обязательно, поп выходит и собирает всех хуторских, и значить начинают молиться, и нас всех гонют молиться. А отец у меня — все бабки-то, они ж богомольные, идут молиться, а отец нам: «Не ходите!», да как свяжется ругаться. [...] а одна говорит: «Как же, сват, надо, надо Богу молиться», а он: «Ах так твою разтак, молиться идёшь — они румыны молятся, говорят, «Господи, чтобы нам врага побить, победить». Он им то враг, а мне он дитё родный. 1.45 А ты идёшь Богу молиться». (Смеется.) И бабку-то начнет матить. [...] Ну он не ходил, и нас редко когда пускал, отец, когда подневольню.

Искра Божия

Отец, в отличие от богомольных бабок, четко понимал границу с врагом. Но как и у Раисы (вернее, у Раисы, как и у него), при встрече с отдельным человеком в беде моральные правила были другие.

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях русских
крестьян: две казачки
под Сталинградом

Пример 31. Загадочный человек в доме у РИ. Трек 46

...у нас мать моя встаёт — всегда варить начинает для всех. Дрова приготовит ту все, ага, и мать затопила печь [...] и поставила воды, ны там чего варить какой суп [...] а ни соли нет, ничего, ну какая-о водичка [...] Ну, начала варить. 31 Двери отворяет, влазить или наши, вот я до сих пор не знаю, или он наши, или он немец, и никто не знает, так мы и не угадали (поняли. — АН). А он, золотая кольцо у него; одежда у него такая, ну военная [...] а сам он росист, чисто говорит по-русски. Вот он вошел, значить, я лежу — это мы с сестрой и вот братишки значит на мешках лежим, 1.03 а отец лежит мой на кровати. Он вошел, и у него ничего нет, никакого оружия, а он видно летчик. [...] А отец мой, он был на войне, он знает это чего такое — и говорит: «Бабка, скорей дай горячей воды. Скорей дай кусок хлеба и горячей воды». Он его не знает, этот его не знает, кто он есть, но он человек, он живой. [...] Мать кинулась ему горячей воды почерпнула и дала кусок хлеба. И он съел этот кусок хлеба и воду эту выпил.

Пример 32. Тут приходят румынские солдаты. Трек 46–47

А по двери как ДАЛИ, и отворили, и румыны вот. И поставили на нас сюда все оружие, два румына, и ружья чего-то поставили, мы как заорали, 1.53 эти все детвора, как там заорали, нас много, как заорали, каждому свою жалко [...] Потом значить он — вот почему, если он не наши, если он немец, почему он руки поднял? Или так надо? 2.13 Почему он им сдался? И он быстреньки руки вот так вот поднял, а они его вывели — сказали: «Выходи». Он вышел, и они поговорили, а отец мой ляжить, как говорить, вот не в кальсонах ляжить 2.29 на кровати-то. А он, [...] один румын подходит и говорит: «Дедушка, выходи». И отец-то вышел; и отца значить хочет забрать. Мы как заревели по нём, по отцу.

Трек 47 [...] 10 Ну а потом они значить постояли румыны, поговорили, и видать им этот — он наверное немец — он им не завелел его брать. Он же, отец, сразу ему говорит, сразу от: «Дай ему горячей воды» — а он скажет: «У него Божия искра есть, его не надо брать». И вот они не взяли отца-то. Может поэтому не взяли, что он не велел. Но я так и не знаю. Главное он, у него, на нем были перчатки такие вот, обыкновенные, наши, как, эти, мы в казаках какие вяжем, 39 перчатки такие были тёплые.

Загадочный незнакомец был, вероятно, хиви⁸. Для отца РИ это было совершенно не важно: перед ним был человек, живой и оче-

8. Хиви — добровольные помощники вермахта, набравшиеся из местного населения на оккупированных территориях СССР и советских военнопленных. Первоначально они служили во вспомогательных частях и подразделениях механиками, кучерами, грузчиками, саперами, санитарями, в похоронных и спасательных командах, доставляли на передовую боеприпасы и т.п. Позже хиви стали привлекать к непосредственному уча-

видно изможденный — ему надо дать хлеба и горячей воды. Незнакомец оказался значимой фигурой (а значит, решила Раиса, наверное, немец): он велел румынам не брать отца, потому что он видел, что у отца «Божия искра есть».

Конец оккупации в Распопинской

С наступлением холодов отец начал ожидать наступления советских войск.

Пример 33. Как услышать приближение битвы. Трек 37
...он утром встает сразу рано и бежит на речку. А нет — ночью. И приходит и говорит: «Скоро наши придут». 0.26 А сваха, она такая падла, и вот она сваха говорит: «Не ходи, а то через тебя и нас расстреляют». [...] И ругаются с утра до ночи. Вот он говорит: «Стрелять начинают наши. Наши начинают готовиться». Ну он служил, он то знает. [...] и начинает рассказывать, как готовятся и чего готовятся, и как гремит. Он значит ложится на землю 1.22 а земля начинает твердеть, и далёко слышно.

По рассказу РИ, предсказание отца сбылось именно в тот день, когда появился непонятный не то русский, не то немец. Вечером того дня, «как завоевакались эти румыны, как завоевакались, заорали дурным голосом (Трек 47: 1.09). Говорим: “Ох Господи, да это что ж что такое, что за страсть”. (Вздыхает.) Ну и все. Утром встали, нигде ни одного человека нету (Трек 48). Ни одного румына, ни нашего, военных никого нет». Немного дальше она повторяет (с оговоркой) (Трек 49: 1.47): «Никого в хуторе нет, ни наших, ни русских, никого (поправляется. — АН) ни наших, ни немцев, ну никого. Без господ». То есть «наши» тоже как бы господа.

Отец, который первым предсказал, теперь первый и услышал входящие советские войска (Трек 50): «Отец говорит: “Наши идут”. Папа, да ты почему узнал, что это наши. “Да они в Бога ругаются”». Так для РИ закончилась оккупация. Вскоре из ближнего яра начали выходить и сдаваться румыны.

Последние суббота-воскресенье в Евлампиевском

Если у РИ оккупация была трудная, а конец легкий и быстрый, то у ПП получилось как раз наоборот.

Хутор Малый Набатов, ныне заброшенный, стоит в 12 км на юг от Евлампиевского, на восточной стороне Дона, ближе к Голубин-

стию в боевых действиях, военных операциях и к так называемым «карательным» акциям.

ской. Там жил мужчина по имени Егор, которого почему-то не взяли в армию, скорее всего, по здоровью. Однако у него хватило здоровья посвататься к родственнице ПП, которая пригласила ПП на предсвадебную вечеринку. Она пошла, вместе с крестной матерью дочери.

Пример 34. На вечеринку в Набатов (с. 621)

Раз пришла с Малого Набатова одна там родня и говорит: «Пойдёмтя, я ноне вечер делаю, замуж за Егорку выхожу». Бабушка, моёй дочке крёстная: «Пойдём, — говорит, — кума, пойдём». Ну я отпросилась у старых, девчонку свою оттуда к маме отнесла и пошли с бабушкой. Ну идём, сюда из Набатова идёт дорога, а туда выше немцы поставили мост. Ну вот и мы идём по дороге. [...] Немцы тут в Набатов едут на мост, ну на Волгоград туды едут, и нам перейти никак нельзя было: машины почти за машиной идут вот так. «А куды, — говорим, — эти машины? Немцы уезжают, кто их знает? Наверно, ближе к Волгограду туды». Вот знаем, что Волгоград бьют же, слышим так вот. [...] Ну подождали, постояли там минут пять, недолго, машины, народ перервались, и мы пошли.

Мы можем точно датировать эту вечеринку: суббота, 21 ноября, третий день операции «Уран». А Бивор подробно описывает, как даже и утром 21-го в штабе Паулюса в Голубинской не представляли себе масштаб операции⁹. Румыны уже несколько раз предупреждали, что советские войска собираются начать массивное наступление, но предупреждения не сбывались, и на них перестали обращать внимание. Между тем в Набатове вечеринка прошла мирно.

Пример 35. Предсвадебная вечеринка и следующее утро (с. 622)

Ну там этот вечер подошёл. Там посидели, [...] молодёжь кликнули, там один пришёл с балалайкой, поиграл. Уже поздно, в ноябре девять часов — тёмно. Там немцы до девяти часов, больше девяти не разрешали ходить. [...] А тут живёт там моя двоюродная сестра, она говорит: «Пойдём ко мне ночевать, а то тут негде». Бабушка осталась у них, а мы пошли. [...] Ну она отомкнула свою дверку, мы и зашли, огонь не зажигаем [...]. А в окошко-то (там и окошечки такие-какие маленькие, не было стекла доброго, это до немцев как мы жили) глядим: куда же немцы идут отсюда, с горы как будто с Евлампейской, идут сюда мимо их (они тут около дороги живут недалёчко). Одна партия, человек пятнадцать прошло с ружьями [...]. Глядим, ишо партия идёт. Партии три или четыре мы проглядели. Не спим, чо ж такое? [...] Ну давай спать ложиться. Улеглись спать. Утром она раньше встала, а я-то лежу ишо. Гляжу,

9. «Sixth Army headquarters, twelve miles north of Kalach at Golubinsky, seems to have started the morning of Saturday, 21 November, in a relatively optimistic mood» (Beevor, 1998: 285).

бабушка идёт и мне: «Пойдём домой». А ише до солнца. Я говорю: «Чо такое сделалось, чо домой?» — «Да русские-то в Голубинке, а эти все отступили, все хуторяне, какие там, отступили [...]». А отступали туды в лес в свой голубинский. Ну эта старая, я молодая, вот ну пошли.

Дорога обратно в Евлампиевский глубоко запомнилась ПП — рассказ о ней занимает больше двух страниц. Сначала они пошли той же дорогой, по которой пришли, но попали под обстрел. Они вернулись, спустились с холма, пошли вдоль реки — там тоже стреляли. В какой-то момент из окопа вылез русский уже офицер и объяснил, как пройти, чтобы русский пулеметчик их не застрелил. Они пошли, как он велел, и пришли к себе в хутор. Примечательно, что ПП не очень разбиралась в том, как были одеты разные войска. (*«Из окопа вылез какой-то в форме и объяснил...»*) Касаткин вынужден спросить: «А это русский был или немец?»

У себя в хуторе Пелагею глубоко впечатлила новая советская техника.

Пример 36. Обратно у себя. Военная техника (с. 624)

Тут уже, мы пришли, тут русские стоят. Тут «катюши» стояли, как раз мы шли, на дороге. А мы не знали. [...] А до этого машин мы не видали русских. Тут как когда до немцев [...] на лошадях это видала там, ехали, а такого не было сильно машинного транспорта. Немцы когда прошли, ой! Как шло это транспорт там всякого сорта, думаю: «Иде же нашим тут?» Наши на лошадейках, а это чо там?! А когда уж немцев отбили, как наши пошли, о-о! Мы все глаза повывутили. Думаю: «Де же наша вперёд-то была такая?» [...] Всяких сортов там было, когда немцев отбивали, гнали это на Сталинград суды. Видишь же, как получается: то машин не было, а то машин много было.

О румынах

Румыны держали фронт в районе Распопинской и, кажется, никому зла не делали. Румынский начальник дал Раисе пропускной документ (Пример 16), а румынские попы звали селян на молитву (Пример 30). Единственное от них насилие было, что они отнимали у проходящих селян еду. РИ упоминает несколько таких эпизодов. Один из них закончился неожиданно: румын побегал за Раисой, чтобы отнять еду, а она остановилась, повернулась и ударила его. *«Може он голодный был. Я его как чеханула, он отлетел от меня, и вот он у меня ничего не успел, а я убегла»* (Трек 38).

Когда румыны начали сдаваться в плен, Раисина семья зла на них не держала.

Пример 37. Пленные румыны. Трек 51, самое начало

Потом минут через пять, через десять, но скоро, начали из яров выходить румыны. И подходят все оружие бросают, под-

ходят все оружие бросают, и все. (14) Сдались в плен. Страшная страсть, разомного-много. Ну они ж тоже, они ж тоже призванные, они ж тоже подневольные люди. 28 Хоть какие они, они ж подневольные люди. О вот гонюць их, с.35 [...] 1.01 И вот идуць, идуць они, а отец взял там каких-то кусочков и все и румынам раздает, и нашим раздает, и румынам раздает.

Здесь можно вспомнить рассказ Л. Лунгиной о том, как летом 1944 года по Садовому кольцу гнали пленных немцев: «Почерневшие, исхудавшие до костей лица, впалые щеки, темные круги под глазами, тяжелые, ужасные взгляды. [...] Тащились с трудом, одни еще пытались как-то держаться, другие, без сил, сгибались пополам от холода и боли... Это было жалкое зрелище, но я запрещала себе их жалеть и повторяла про себя, что они-то никого не жалели. И тут я увидела то, что поразило меня больше всего. Какие-то старушки, сухонькие бабки, похожие на черных мотыльков, подходили к колонне пленных и протягивали им куски хлеба. Вы представляете себе, как не хватало в войну хлеба, — то есть старухи отдавали долю от своего скудного, ничтожного пайка. Те отшатавались, не понимая, чего от них хотят. А старухи, крестьясь, настаивали, чтобы они взяли. И еще какие-то женщины протягивали кружки с водой» (Лунгина, 2009: 175).

Примечательно, что в рассказе РИ дар сочувствия проявляется у мужчины, ветерана Германской войны, который часто показан как образец мужества. Мы, конечно, не знаем, как он отнесся бы к пленным немцам, но немцев Раиса и ее семья не видели. Немцы сдались позже, после двух зимних месяцев в окружении в степи под Сталинградом.

Румыны в Голубинской

ПП видела румын только перед самым концом оккупации, во время своих блужданий под обстрелом. Это, очевидно, была какая-то румынская часть, которая в начале советского наступления бежала с фронта в сторону штаба и сосредоточения немецких войск.

Пример 38. Румыны около Евлампиевского (с. 622)

А когда мы шли, вернулись в хутор в Набатов, там прошли низом об речку, а потом в хутор суды по дороге спушли, а уже тут немцев нету, а тут румыны стоят. А мы до этого не видали румын, потому что у нас чистые немцы (только немцы. — АН) в хуторе стояли. Не в Голубинке, а в Набатовом, и в Малом Набатовом, и на Евланской там чистые немцы стояли. Ну и вот это когда идём, румыны стоят, человек тридцать, большие ли, стоят так курагодом, и мы по них вот так проходим, нам их не обойтить. [...] Суды ишо подошли, [...], тут площадь, тут тоже румын стоит много.

В следующий раз Пелагея видела этих румын уже пленными.

Пример 39. Судьба румын (с. 625)

А когда наши захватили, порасселили, как они там питались, кто кормил, я этого не знаю. А токо мы ходили в Набатов, это было в январе-феврале, в этих месяцах уже сорок третьего года. Вот идёшь в Набатов там по каким-то делам, а они — умрёт румын, они его за шею верёвками и тянут по дороге. Они сами еле ходят, человек пять их тянут. И там были окопы в конце хутора, и туда их складали. Это зимой всё же там они не закапывались, а потом весной уж кто их закапывал? Там эти набатовские говорили, что «мы закапывали, чтобы запаху-то не было и шоб не воняло же».

Согласно ПП, у пленных румын и немцев судьба сложилась по-разному: немцев куда-то увезли, а румыны где были, там и остались, кажется, не очень долго.

Пример 40. Окончание румын (с. 625)

А это в каком году, точно не скажу, ну сюда, наверно, в семьдесят восьмым, девятым ли, восьмидесятым ли я тут работала, вижу: возють там наши люди эти мослы, суды складали (вот туф-то выбирали). А я говорю: «Тут же не немцы, а румыны, немцев тут не было, ни одного немца не оставалось в плену, а румыны вот оставались». Но они тут мало что живых осталось, повымерли то с голоду, то позамёрзли то, чо неоплёные. Там школа большая была забитая, потом тут клуб был, у нас вон сельсовет раньше, потом магазин был — это всё румынами было позаначено. А он не отапливается, иде там дров? Помёрли, да и с голоду поумёрли.

Второй старик: дядя Семён

Сразу после истории про румын ПП дорассказывает и историю про дядю Семёна. Дядя Семён, как и Раисин отец, предугадал конец оккупации, но для него это событие означало нечто совсем иное. После добрых воспоминаний о дяде Семёне в начале повествования, его дальнейшая судьба может удивить читателя, хотя, конечно, ничего лучшего нельзя было ожидать: он согласился быть старостой в Евлампиевском.

Пример 41. Коллаборационисты (с. 620)

Дед Семён неплохой был, хороший так людям всем. Он всё же кое-что понимал по-немецки, а мы-то не понимаем. [...] И когда тут собрали хутор: давайте старосту назначим, да и полиция назначим старшего, да ишо полиция моложе, все мы говорим: «Деда Семёна старостой: он знает немецкий язык, уж чуть чо-то будет понимать». Ну и вот. А там ишо других, што такие остались, потом што пленные попришли домой, их там поназначили. Ну там молодых таких не было, постаршие были. И вот видишь как вот.

Как всегда у ПП, «И вот видишь как вот» означает некоторую неловкость. Именно в этот момент, как бы желая оправдать дядю Семёна, ПП и говорит: «А немцы вот у нас в хуторе не слышно, чтоб бедой трусили».

С приближением зимы дядя Семён понял, что надо как-то спастись. Он живо предвидел, что с ним будет, если он попадет в руки наступающим солдатам, которые только что пережили сражение в Сталинграде. Благодаря его уму и способностям он оказался единственным в округе старостой, который уцелел.

Пример 42. Правосудие и месть. Судьба дяди Семёна (с. 625)

А при немцах дед Семён говорит: «Если останемся, наши придут — сразу побьют нас, постреляют. Давайте отступим». Ну и отступили. Он пришёл, дед Семён, уж через неделю, больше пришёл домой. Но тут же как шило в мешке не утаишь, милиция сразу забрала его. Он начал говорить туды-суды вот: «Я хучь старостой был, я добра делал людям, много хорошего, все подпишут. А ишо, — говорить, — у мене партизаны были, я их кормил там сообщал». А это правда, одних партизанов пара у него жили. [...] Ну он говорит: «Вот найдите, спросите у них». Всё же они искали, всё это проверяли, ну одних нашили, уж я точно не скажу, или всех [...]. Ну он долго сидел (т. е. дядю Семёна не расстреляли, а дали долгий срок. — АН).

Иде-й-то тут в Песковатке ли порасстреляли, под Дмитровкой. Там выбор шёл: кого на фронт, кого туды-суды, кому там пять лет, кому десять лет дали за нас. В Малом Набатовом старосту убили, в Набатовом убили, да тут везде поубили старостей, пришли и всех поубивали наши русские. А вот он отступил, и потом он сидел. [...] Вот у нас в округе он один остался староста живой. А эти не отступили, их сразу забрали и побили.

А вот он пришёл, и сын погиб у них в войну, а ему, батьке, на него пенсию не давали. А последнее время стали ему давать, уже после уж, через скоко годов.

Как Хемингуэй, ПП упаковывает большое содержание в очень немногие слова. Дядя Семён выжил, но получил долгий срок. Отсидев, он вернулся, но остался пораженным в правах, ему не дали пенсию за погибшего на фронте сына. Только в недавние времена стали давать.

Несколько слов спустя ПП заканчивает свою историю. РИ однако продолжает.

Раиса после войны

Вначале Раиса работала в сельсовете секретарем, но вскоре ушла и стала работать на пашнях. «*Плохо нам было, трудно, на пашнях мы день и ночь на пашнях, с пашнях нас не пускали — заберут нас весной на пашни, и едем мы на пашни*» (Трек 53: 16). Почему она оставила легкую секретарскую работу?

Пример 43. Секретарская работа. Трек 53

...я работала, да и работала бы, но вот не хочу, что матеря приходят и кричать, кричать, ну ноне похоронные, завтра по-

хоронные, у некоторых по два раза были похоронные, они же все жалкие, идёт она, или мать, или жена, идет за этой за похоронкой, а сама кричить по мертвому, и откель она кричит не один раз. Мне стало плохо.

Сама Раиса долго не слышала о брате. Наконец от него пришло письмо.

Пример 44. Новости о брате. Трек 53

...брат пишет: «Лежу в Москве в госпитале». Почти уж как не год. Ничего не слышит. 1.08 Всё такое, всё сделают. А он нам фотокарточку прислал, и расплохой-плохой, лежит и говорит: «С продуктами у нас очень плохо». Ну и у нас какие были деньжонки, я себе собираю, мать себе собирает, сестра тоже собирает, и загребли ему, все туда поотослали все, и он у нас в Москве и был, и вот он наверно там и помер. 1.31 Его нету у нас. Годов пять или шесть он так в Москве был. Я и разыскную писала, так и не нашли, никто мне ничего не ответил¹⁰.

Однако была и счастливая минута: вернулся муж сестры.

Пример 45. Вернулся зять, ничего не принес. Трек 53–54

1.47 ...война кончилась, кто идёт с войны, он щасливый, а у кого вся семья и нету. И всех бегём, всех встречаем всех. У нас зять был тоже, он в плену был. А потом, когда их освободили, а он пришёл домой, а я на пашнях была, а я его так жалела страшно, 2.06 ...это вот он нам брат родный. И я на пашнях была, говорить: «Раиса, это, пришел Кирилл ваш». А я испужалася, я говорю: «Я побегу» (Трек 54). Они: «Никуда не бегай, что ж ты работу то бросишь?» — скаже. А я говорю, там загоревала там: «Я пойду, Кирилл пришел», а они: «Не ходи», заругались, а я говорю: «Спасибо» (цитирует с насмешкой. — АН). «А он ничего еще не принёс», а тогда с Германи-то несли всё. Я говорю: «Нам ничего не надо. Нам ничего не надо. Он пришел — Слава Тебе Господи, Слава Тебе Господи. 21 А штаны и рубахи как-нибудь в жизни справим».

Сразу после этого РИ подводит итоги, обращаясь только к женщинам.

Пример 46. Итоги. Трек 54

И вот такие девочки жизни. Жизнь дюже страшная. Не дай Господи войны. Я ничего сейчас не боюсь, я ничего не боюсь, я страшно боюсь войны. Она страшнее всего в мире, я вот, ничего мне было, лишь бы не было войны. 54 Это самое-самое страшное. Самое страшное. Я опять смерти — вот в наши годы умираю помирать не так страшно. Но то в ваши годы умираю! — не дай Господи. 1.06 И прямо глядеть смерти в глаза. Спаси да сохрани Господи от такой страсти. 1.12

РИ готова уже закончить свой рассказ («Ну давайте трошки отдохнём. 1.16 Вы может поедите? Давайте хоть арбуза поешь-

10. О трудной судьбе советских ветеранов войны-инвалидов написано много (см.: Edele, 2006 и ссылки).

те. И отдохните. Давайте. У меня, я больше ничего» (Трек 54: 1.23), но Елена начала ее расспрашивать о замужестве, и РИ, вначале как бы неохотно, завелась на еще один рассказ, в котором неожиданную роль сыграл и ее отец.

Остальная жизнь Раисы

Пример 47. Как вышла замуж. Трек 55

У нас видите как — не так как... (не так, как в городе. — АН). Вот вышел ты замуж — будь добра жить. Хочешь ты, не хочешь. Я не хотела за него замуж выходить. Он был моложе меня на год. Александр. [...] У нас молодежь-то всю выбили. А это (поколение. — АН) осталось, и вот когда — я не хотела за него выходить, а отец с матерью сказали, что он расхороший-хороший, и свя-кровь добрая. И всё, они меня ни хрена не спрашивались. И я покричала-покричала и пришла в эту хату жить.

Начало не очень обещающее, но дальше было хуже.

Пример 48. Замужняя жизнь, первый год. Трек 55–56

А потом сидим мы один раз — ну я уж наверно беременная была. (Трек 56) И пришли, он пришел с работы у мене, а я тоже работала, я дояркой работала тогда. [...] И вот мы с ним обедаем, обедаем с ним. А он мне чего-то рассказывает. А я сижу да говорю: «Брешешь». 18 Ну я просто сказала по-товарищески, мы играли вместе. Я просто по-товарищески: «Брешешь ты». 24 А он разворачивается, как даст мне по морде. Аааа, ну раз ты по морде меня вдарил, надо уходить. Чего я теперь буду жить, буду я с тобой жить, ага, ты меня будешь бить, а я буду жить. Вот я, в этой хате сидели, у той двери [...]. Я встала, он за мной и еще меня раз вдарил. А, ну и зачем я теперь буду жить? Я говорю, это чегой-то? Это всё! Ну я собралась и пошла. 54

Раиса пошла к отцу.

Пример 49. Поучение от отца. Трек 56

...он детей страшно жалел, сроду никогда ни одного не вдарил и не зашумел ни на одного. Он всегда бывало скажет: «Я щас скажу матери» — отец. Ну матери скажет, значит мать быстренько отлупит, безо всякого. (Смеется.)

Я прихожу, кричу. [...] 1.29 «Чего кричишь?» А я говорю: «Да я с двора ушла». «А ты чего себе ушла?» [...] А как я скажу? (Смеется.) А он говорить: «Говори. Говори, как... почему ты ушла». [...] Вот он взял эту щаплю (лопатка для хлеба на длинной ручке. — АН), [...] говорить: «Говори». (Раиса рассказывает. — АН) И он как лупанет меня этой щаплей. 2.03 «Я тебе покажу как мужу говорить “Брешешь”. Это ктой-то мужу говорить “Брешешь”! [...]» Он меня раз и другой стебанул. Говорит: «Я тебе, я тебе язык оторву, если ты будешь... повторишь это, чтоб ты мужу сказала. Мужу ни в коем случае 2.25

Ну, против когда если чего сказал (т. е. не согласиться можно. — АН), но «брешешь», или там, значить, заругаться, ни в коем разе, это муж. 2.33 А я говорю: «Так это как святой». А он показал вот это и говорит: «Еще говорит дам». «Папаня, ты нас никогда не бил». Он говорит: «Вот так. Боже спаси мужу говорить».

Это, напомним, тот же отец, у которого нашлось сочувствие поделиться кусочком хлеба с румынским пленным. В общей сложности у РИ ушло 300 слов, чтобы рассказать об их разговоре. Для мужа у нее не нашлось ни одного слова. Рассказ обо всей остальной жизни уместается в следующие строки.

Пример 50. Остальная жизнь. Трек 56–57

И вот я с ним прожила — ну я с ним прожила восемнадцать лет только — его убили. (Трек 57) Наши распопинские. И вот, и я осталась одна. И так нехорошо, и так не славно. А у меня пятеро детей было. Самому старшему было 15 лет, а самому младшему год. И вот я одна с ними с пятью детьми, пятерых детей воспитывала. А теперь я осталась одна. Все у меня дети поженились. Все у меня дети хорошие.

РИ родилась в 1925–1926 году, вышла замуж вскоре после окончания войны, в 1945-м, и прожила с мужем 18 лет. Выходит, что ей не было еще и сорока, когда она осталась одна с пятью детьми.

Заключение

Если есть что-то новое в этой статье, оно пришло из рассказов Пелагеи Петровны Романенко и Раисы Ивановны Прониной, которым сейчас было бы почти 100 лет. Их родители — доколхозные люди, которые успели им передать традиционный крестьянский уклад, со всем его богатством и убожеством, жестокостью и добротой. Они также им передали традиционный диалект и манеру повествования, которые стали быстро меняться после коллективизации и войны. Следующие за ними поколения жили, думали и рассказывали по-другому. Между тем в России еще много случайно уцелевших повествований, которые тоже могли бы поведать что-то еще неизвестное о нашем прошлом. Хотелось бы надеяться, что какие-то из них найдутся и расскажут свои истории.

Библиография

- Бердинских В. А. (2011). Речи немых. М.: Ломоносов.
Бердинских В. А. (2020). Воюющая Россия. Что мы помним о войне? // Знамя. № 5. С. 5–20.
Виноградский В. Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.
Виноградский В. Г. (2012). Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.

- Виноградский В. Г. (2017). Голоса снизу: дискурсы сельской повседневности. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
- Голоса крестьян (1996): сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обработка. Е. М. Ковалев. М.: Аспект пресс.
- Гольдин В. Е. (1997). Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.
- Дробязко С. И. (2004). Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо.
- Зензинов В. М. (1944). Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе: Письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк.
- Касаткин Л. Л. (2017). Избранные труды. Т. 2. М.: Изд-во ЯСК.
- Качинская И. Б., Малышева А. В. (2019). Народная речь в Национальном корпусе русского языка // Русская речь. № 4. С. 103–118.
- Ковалев Б. Н. (2011). Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия.
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. (2011). Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: Изд-во РГГУ. С. 359–367.
- Лоскутова М. В. (2002). Устная история: методические рекомендации по проведению исследования. СПб.: Изд-во «Европейский Дом».
- Лоскутова М. В. (2003). Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 5–31.
- Лунгина Л. З. (2009). Подстрочник. М.: Астрель.
- Нахимовский А. Д. (2021). Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. Т. 6. № 1. С. 91–125.
- Русская деревня в рассказах ее жителей (2010) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: АСТ-Пресс Книга.
- Щеглова Т. К. (2011). Устная история: Учебное пособие. Барнаул: АлтГПА.
- Щеглова Т. К. (2020). Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8–22.
- Beevor A. (1998). Stalingrad: The Fateful Siege: 1942-1943. Penguin.
- Budnitskii O., Morton Jason (2014). The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42. // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 15. № 4. P. 767–797.
- Edele M. (2006). Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavic Review. Spring, 2006. Vol. 65. № 1. P. 111–137.
- Enstad J. (2018). Soviet Russians under Nazi Occupation. Cambridge: Cambridge University Press.
- Glantz D. M., Jonathan M. H. (2017). The Stalingrad Trilogy, abridged. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas.
- Gross J. (2001). Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hellbeck J. (2016). Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich. New York: PublicAffairs.
- Lynd S. (1993). Oral History from below // The Oral History Review. Vol. 21. № 1. P. 1–8.
- Nakhimovsky A. (2020). The language of Russian peasants in the 20th century. Lexington Books, Rowan & Littlefield.
- RuReg. Русские регионы: акустическая база данных / URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio>
- Viola L. (2007). Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. New York: Oxford University Press.

Evidence of war and occupation in the memoirs of Russian peasants: Two Cossack women near Stalingrad

101

Alexander D. Nakhimovsky, PhD, Associate Professor of Computer Science and Linguistics (Emeritus), Colgate University, 13 Oak Drive, Hamilton, New York, 13346 USA. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

А. Д. Нахимовский
Свидетельства
о войне и оккупации
в воспоминаниях
русских крестьян:
две казачки под
Сталинградом

Abstract. The article examines the life of Russian peasants in the steppe regions adjacent to Stalingrad and occupied by the German army at the time of the Stalingrad battle. The battle began in these regions in July–August 1942. In September, when the fighting moved into the city set on a narrow strip along the Volga River, the surrounding steppe was taken over by a more or less organized occupation regime. The occupation came to an end after the Soviet counterattack on November 19–23. While abundant literature has been devoted to the battle in the city, there is practically nothing on the life of peasants under occupation in the surrounding area. Relatively little has been written about the life of peasants during the Great Patriotic War. Studies of the occupation have focused on the western regions of the Soviet Union, where the occupation lasted for years. In the Volga Region, it lasted only for months. There was no occupation administration — only soldiers mostly preoccupied with daily fighting. The local population consisted primarily of the Don Cossacks who preserved Cossack traditions and retained sharp memories of collectivization. The article considers: (1) how the occupiers and the occupied negotiated such unusual conditions; (2) how traditional peasant values and behavioral norms were expressed; (3) how on occasion the occupiers defied their usual stereotypes. The study is based on the records of linguists, specifically dialectologists. Dialectology and oral history frequently use similar materials for different tasks. It is worth noting that the oral history began to develop in Russia only in the 1990s, while dialectology continues a tradition established in the 19th century. Especially in the study of the Russian peasantry, records made by dialectologists can be a valuable source for historians.

Key words: oral history, World War II, Stalingrad, Nazi occupation, peasantry, Don Cossacks, Nazi collaboration, partisans, collectivization, de-kulakization

References

- Beevor A. (1998) *Stalingrad: The Fateful Siege: 1942–1943*, Penguin.
- Berdinskih V. A. (2011) *Rechi nemyh* [Speech of the Mute], Moscow: Lomonosov.
- Berdinskih V. A. (2020) *Voyuyushchaya Rossiya. Chto my pomnim o vojne?* [Warring Russia. What do we remember about the war?]. *Znanya*, no 5, pp. 5–20.
- Budnitskii O., Morton J. (2014) The Great Patriotic War and Soviet society: defeatism, 1941–42. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 15, no 4, pp. 767–797.
- Drobyazko S. I. (2004) *Pod znamyonami vraga: Antisovetskie formirovaniya v sostave germanskikh vooruzhennykh sil 1941–1945 gg.* [Under the Banner of the Enemy: Anti-Soviet Formations in the German Armed Forces 1941–1945], Moscow: Eksmo.
- Edele M. (2006) Soviet veterans as an entitlement group, 1945–1955. *Slavic Review*, vol. 65, no 1, pp. 111–137.
- Enstad J. (2018) *Soviet Russians under Nazi Occupation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Glantz D. M., Jonathan M. H. (2017) *The Stalingrad Trilogy*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Goldin V. E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoj dialektologii* [Theoretical Issues of the Communicative Dialectology], Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta.
- Golosa krestyan* (1996): *selskaya Rossiya XX veka v krestyanskih memuarah* [Voices of Peasants: Rural Russia of the 20th Century in Peasant Memoirs]. Sost. i obrab. E. M. Kovalev, Moscow: Aspekt press.

- Gross J. (2001) *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*, Princeton: Princeton University Press.
- Hellbeck J. (2016). *Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich*, New York: Public Affairs.
- Kachinskaya I. B., Malysheva A. V. (2019) Narodnaya rech v natsionalnom korpuse russskogo yazyka [Folk speech in the national corpus of the Russian language]. *Russkaya rech*, no 4, pp. 103–118.
- Kasatkin L. L. (2017) *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 2, Moscow: Izd-vo YASK.
- Kovalev B. N. (2011) *Povsednevnyaya zhizn naseleniya Rossii v period natsistskoj okkupatsii* [Daily Life of the Russian Population during the Nazi Occupation], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E. (2011) Korpus russskoj dialektnoj rechi: kontseptsiya i parametry otsenki [Russian dialect speech: Concept and evaluation parameters]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*, vol. 10, Moscow: Izd-vo RGGU, pp. 359–367.
- Loskutova M. V. (2002) *Ustnaya istoriya: metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu issledovaniya* [Oral History: Guidelines for Research], Saint Petersburg: Izd-vo "Evropejsky Dom".
- Loskutova M. V. (2003) Vvedenie [Introduction]. *Khrestomatiya po ustnoj istorii*, Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb, pp. 5–31.
- Lungina L. Z. (2009) *Podstrochnik* [Subscript], Moscow: Astrel.
- Lynd S. (1993) Oral history from below. *Oral History Review*, vol. 21, no 1, pp. 1-8.
- Nakhimovsky A. D. (2021) Ustnaya istoriya snizu. Materialy k ustnoj istorii russkikh krestyan v XIX veke [Oral history from below. Materials for the oral history of Russian peasants in the 20th century]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 91–125.
- Nakhimovsky A. (2020) *The Language of Russian Peasants in the 20th Century*, Lexington Books, Rowan & Littlefield.
- Russian Regions Acoustic Speech Database. URL: <http://rureg.ub.rub.de/search/audio>.
- Russkaya derevnya v rasskazah ee zhitelej* [Russian Village in the Stories of Its Inhabitants] (2010), otv. red. L. L. Kasatkin, Moscow: AST-PRESS-Kniga.
- Shcheglova T. K. (2011) *Ustnaya istoriya* [Oral History], Barnaul: AltGPA.
- Shcheglova T. K. (2020) Ustnaya istoriya v rossijskom istoriograficheskom prostranstve 1990 — 2010-h godov: vyzovy, dostizheniya i riski [Oral history in the Russian historiography of the 1990s — 2010s: Challenges, achievements and risks]. *Istorichesky kurier*, no 5, pp. 8–22.
- Vinogradsky V. G. (2009) *'Orudiya slabyh': tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* ['Weapons of the Weak': Technology and Social Logic of the Everyday Peasant Life], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.
- Vinogradsky V. G. (2012) *Protokoly kolhoznoj epohi* [Protocols of the Collective-Farm Era], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.
- Vinogradsky V. G. (2017) *Golosa snizu: diskursy selskoj povsednevnosti* [Voices from Below: Discourses of the Everyday Rural Life], Moscow: Izd. dom "Delo" RANKhiGS.
- Viola L. (2007) *Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*, New York: Oxford University Press.
- Zenzinov V. M. (1944) *Vstrecha s Rossiej: Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze: Pisma v Krasnyu Armiju, 1939–1940* [Meeting with Russia: How and What People Live in the Soviet Union: Letters to the Red Army, 1939-1940], New York.

Постсоветская трансформация сельского хозяйства: и все-таки успех?¹

М. Петрик

Мартин Петрик, профессор, доктор наук, декан по учебной работе Университета им. Юстуса Либиха в г. Гиссен (ФРГ), приглашенный исследователь Института сельскохозяйственного развития в странах с переходной экономикой им. Лейбница (IAMO) (г. Галле, ФРГ); Зенкенбергштрассе 3, Зейгхаус 35390 Гиссен Германия. E-mail: martin.petrick@agr.uni-giessen.de

Любовь Александровна Овчинцева (переводчик), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского д. 82, стр.1. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

Аннотация. В докладе, сделанном автором на научном семинаре «Аграрная реформа в странах бывшего СССР» Центра аграрных исследований Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 24 ноября 2021 года, озвучены результаты сравнительных исследований хода и итогов аграрных реформ в странах постсоветского пространства. На базе обширного анализа литературных источников, данных международной и национальной статистики автор демонстрирует изменение траектории процесса реформирования аграрного сектора в различных странах, возникших на постсоветском пространстве, выявляет факторы, повлиявшие на изменение первоначального замысла реформ и достигнутые к настоящему времени результаты, часть из которых в некотором смысле можно считать парадоксальными. Отмечается важное значение институциональной и внутренней политической парадигмы, на фоне которой идет реформирование. Не меньшее значение имеют и преобладающие отрасли аграрной экономики каждой страны, неизбежно диктующие оптимальное экономическое русло для развития аграрного сектора. Эмпирический анализ, проведенный автором, подводит и к некоторым вопросам, остающимся открытыми, например, возможно ли с помощью реформ перешагнуть через ступеньку эволюции аграрного развития, или насколько устойчивы экономические формы, складывающиеся в масштабах той или иной национальной экономики.

Ключевые слова: итоги аграрной реформы, постсоветские страны, результаты приватизации земли, реорганизация колхозов, роль фермерских хозяйств

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-103-130

1. Перевод подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Когда началось реформирование аграрного сектора в странах, возникших после распада советской системы, все ожидали, что колхозы и совхозы будут реорганизованы в фермерские хозяйства. Однако сейчас уже очевидно, что процесс реформирования пошел двумя путями. В постсоветских странах, расположенных на территории Европы и в Казахстане, наряду с фермерскими хозяйствами сформировались крупные частные предприятия, причем именно они стали доминировать. Инвестиции, направленные в сельское хозяйство этих стран, способствовали росту производительности труда и сокращению занятости в аграрном секторе, и такой путь развития можно назвать «вестернизацией» или «западной ориентацией». А в странах Закавказья и Центральной Азии распределение всех земель совхозов и колхозов между фермерскими хозяйствами не привело к существенному повышению производительности труда, результатом чего явилось снижение доходов сельского населения. Этот путь развития можно назвать движением в сторону Глобального Юга, «южанризацией» или «южной ориентацией». В перспективе аграрная политика в этих странах должна способствовать созданию альтернативных источников дохода в сельской местности, а также обеспечивать гибкость и прозрачность процесса консолидации фермерских хозяйств.

Сразу же после распада Советского Союза начались дискуссии о реформировании аграрного сектора и его реструктуризации, которые продолжаются и по сей день. В качестве наследия советской эпохи новым независимым государствам, расположенным на всем пространстве от Прибалтики до Дальнего Востока, достались многочисленные совхозы и колхозы.

Следующие три десятилетия политики, ученые, директора сельхозпредприятий и их работники были вынуждены заниматься реформированием предприятий таким образом, чтобы встроиться в создаваемые национальные модели рыночной экономики.

Накануне краха советской системы в аграрном секторе было занято более четверти трудовых ресурсов, что значительно превышало аграрную занятость в западных странах (Lerman et al., 2004: 14). И хотя все считали постсоветский аграрный сектор трудоизбыточным, неэффективным и импортозависимым, однако всем также был очевиден масштаб его ресурсов для развития земледелия и производства кормов. Это обусловило приток инвестиций, ориентированных как на покрытие внутреннего спроса, так и на экспорт. При этом результаты приватизации и развитие земельного рынка до сих пор являются спорным политическим вопросом (Pryor, 1992).

В работе Ю. Кислева и В. Петерсона (1982) описано семейное фермерское хозяйство, которое многие западные экономисты сочли образцом реформирования. Поскольку преимущества фермерских хозяйств с точки зрения использования технологии и инно-

ваний и размещения производства были очевидны, международные консультанты рекомендовали делить имущество бывших колхозов и совхозов между хозяйствами фермеров, чтобы таким образом вернуть контроль и права собственности производителям, повысить стимулы к повышению производительности и сокращению операционных издержек этих хозяйств (World Bank, 1992: 69–77; Lerman et al., 2004: 49–51).

В последующие годы постсоциалистические страны использовали разные политические механизмы приватизации и реформ в целом, что, по сути, превратило их в экспериментальные площадки по реформированию аграрного сектора. К концу первого десятилетия трансформации констатирован заметный рост производительности в сельском хозяйстве стран Центральной и Восточной Европы благодаря реституции земли, росту арендной платы на землю и финансовому оздоровлению крупных хозяйств (Swinnen, Rozelle, 2006). Еще больший рост был зафиксирован в Восточной Азии, а именно в Китае, где в результате реформы прав собственности возникли миллионы крестьянских семейных ферм.

По сравнению с этими двумя группами стран результаты реформ в постсоветских странах, образовавших Содружество Независимых Государств (СНГ), выглядели скромно. В богатых землями европейских и большинстве центральноазиатских стран СНГ реформы шли медленно, реформирование прав собственности буксовало, а показатели объемов производства и производительности снизились еще больше. Сельские сообщества нередко выступали за продолжение ведения коллективного сельского хозяйства, что очевидно противоречило западным моделям реформ. В тех случаях, когда политические условия позволяли открытое обсуждение, например, в России, политики и ученые высказывали диаметрально противоположные мнения относительно желательной модели реформирования, что часто вело к торможению процесса реформ и политическому тупику (Van Atta, 1993; Wegren, 2005: 52–59).

В своем выступлении мне хотелось бы показать результаты земельной реформы и изменения производительности в постсоветском сельском хозяйстве в ходе последних двух десятилетий. Этим исследованием я проверяю сформулированную ведущими учеными гипотезу о том, что укрепление прав собственности и передача земли фермерским хозяйствам являются ключевыми факторами повышения производительности сельского хозяйства в странах бывшего Советского Союза. Таким образом, возникают следующие вопросы: удалось ли странам СНГ за время второго и третьего десятилетия реформ добиться того, что страны Центральной Европы и Восточной Азии достигли за первое десятилетие реформ, как это предполагали Й. Суиннен и С. Розелл (Swinnen, Rozelle, 2006: п. 184). Как продвигалось реформирование сельскохозяйственных предприятий

и какую роль оно сыграло в росте производительности? В каком виде сформировались долгосрочные тенденции развития аграрного сектора? Как следует оценить первоначальные ожидания относительно результатов передачи земли фермерским хозяйствам и какова их роль в процессе реформ?

Для эмпирического анализа мною использованы показатели затрат и производства продукции сельского хозяйства на национальном уровне, опубликованные международными агентствами, а также актуализированные данные национальных статистик, характеризующие реформирование сельскохозяйственных предприятий и отсутствующие на сегодняшний день в англоязычных источниках. Хотя детальный эмпирический анализ на микроуровне выходит за рамки задач моего исследования, я все же привлекал, где это возможно, данные более глубоких и детализированных локальных исследований, опубликованные в последнее время.

В опровержение предположения о том, что во всех странах реформирование будет идти исключительно в направлении развития частных фермерских хозяйств, я утверждаю, что за последние два десятилетия большая часть постсоветских стран разделилась на два кластера, различающихся по направлению реформирования в сельском хозяйстве. В один кластер входят европейские страны СНГ и Казахстан, в которых сельскохозяйственные корпорации соседствуют с семейными фермами, при этом рабочая сила из сельского хозяйства перемещается в другие сектора экономики, а благодаря притоку капитала растет производительность труда. Такой путь развития я называю «вестернизацией», или «западным» путем трансформации постсоветского сельского хозяйства, поскольку это напоминает структурные изменения, наблюдавшиеся во многих западных странах (например, в США) (Sumner, 2014).

Другой кластер образуют страны Закавказья и остальные страны Центральной Азии, в которых коллективные предприятия почти полностью распались на фермерские хозяйства. Этот процесс способствовал росту занятости в аграрном секторе, а фактор роста производительности, обычно связываемый с образованием частных фермерских хозяйств, не привел в этих странах к повышению производительности труда, что, в свою очередь, дало снижение доходов сельского населения и сохранение очагов бедности. Такой процесс можно назвать «южным», имея в виду модели сельского хозяйства с избыточной занятостью, которые мы видим на Глобальном Юге (Gollin et al., 2014).

Я хотел бы вернуться к определению «частного фермерского хозяйства» в контексте дискурса о постсоветских реформах в новейших публикациях, в которых показано, что небольшие фермы, как правило, не оправдывают ожидания представителей среднего класса с точки зрения возможных доходов, которые они могут

приносить (Adamopoulos, Restuccia, 2014; Gollin, 2018). В отличие от большинства авторов, высказывавшихся о постсоветской реструктуризации фермерских хозяйств, с учетом этой более поздней тенденции я пришел к выводу, что, если оценивать по критерию производительности труда, семейное фермерское хозяйство выглядит не столь привлекательным результатом реформ. На основе обзора литературы, посвященной результатам аграрного реформирования на постсоветском пространстве, я определил направления для дальнейших исследований.

Свой доклад я начну с анализа ожиданий, которые эксперты из разных стран высказывали в начале постсоветского реформирования колхозов и совхозов. После раздела, в котором представлены собранные мною показатели и данные, будет продемонстрирована динамика объемов производства и производительности, а также результаты создания частных фермерских хозяйств и земельной реформы. Далее следуют агрегированные данные по странам и обзор публикаций о более глубоких исследованиях. После анализа основных стимулов и барьеров процесса реформирования будет дана общая оценка реформирования аграрного сектора.

Ожидания от постсоциалистического реформирования сельского хозяйства

В начальный период перехода от социализма советского образца к капитализму большинство влиятельных западных советников полагали, что суть реформирования сельского хозяйства состоит в том, чтобы создать небольшие семейные фермерские хозяйства, основанные на частной собственности на землю и интегрированные в либерализованную рыночную среду. Сторонники таких реформ, многие из которых были связаны с Всемирным банком, утверждали, что коллективизация как стратегия экономического развития исторически потерпела неудачу (Johnson, 1993) и что укрепление права собственности на землю, а не сохранение коллективных хозяйств, будет стимулировать инвестиции в отрасль (Stiglitz, 1993). Семейные фермы сравнительно небольшого размера имели бы меньше проблем с организацией управленческого контроля над процессом производства и работниками (Schmitt, 1991; World Bank, 1992; Stiglitz, 1993). Экономическое превосходство семейных ферм, управляемых собственниками, подтверждалось значительным объемом данных международной статистики (Binswanger, 1995), а опыт прошедших ранее реформ 1980-х годов в Китае и Вьетнаме показывал, что в результате деколлективизации и уменьшения размеров предприятий можно ожидать быстрого роста производства (Lerman, 1998).

Сами же реформаторы вопреки «теории семейных фермерских хозяйств» всего лишь рекомендовали переход к индивидуально-

му фермерству как крайне желательный. И таким образом «переходный период» развязал конкуренцию между бывшими колхозами и их формальными преемниками, с одной стороны, и появляющимися частными фермерскими хозяйствами, с другой. Но и в этих условиях стремительное развитие фермерских хозяйств было бы эволюционно неизбежно, если бы этот процесс не был заблокирован вмешательством государства, сохранявшего статус-кво, на что указывали некоторые ученые (Binswanger и др., 1995; Sarris и др., 1999). Исходя из таких предпосылок делался вывод, что все страны, вступающие на путь передачи земель совхозов и колхозов фермерам, ощутят быстрый рост производительности в сельском хозяйстве (Lerman, 1998: 31; Lerman, 2017; Lerman, Sedik, 2018). Таким образом, цель «переходного периода» была четко определена (Lerman et al., 2004: 49–51).

В то же время многие ученые предвидели значительные трудности, с которыми столкнется деколлективизация. Их диапазон варьировался от отсутствия гарантированных рынков продукции и ресурсов, затрудненного доступа к кредитам, проблем с управлением рисками до социальных и политических факторов, таких как отсутствие предпринимательских навыков у крестьян и сопротивление работников, а также политиков из-за идеологических установок или корыстных интересов (Pryor, 1992: 265–295). Название изданной в 1993 году книги под редакцией Дейла Ван Атта «Фермерская угроза — политическая экономия аграрной реформы в постсоветской России» прекрасно показывает, какое политическое сопротивление встречают столь масштабные перемены в формах организации сельского хозяйства.

Система показателей и источники данных

Подобно Суиннену и Розеллу (Swinnen, Rozelle, 2006: 13–14) и большей части исследователей переходной экономики, я опираюсь на динамику объема производства и производительности как на ключевые показатели эффективности реформ в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство производит сырье для других отраслей и продовольствие, которое удовлетворяет насущные потребности человека, успехи в сельском хозяйстве способствуют росту доходов сельского населения и позволяют получать доходы от экспорта. Комплексным индикатором экономически успешной реформы является изменение общей факторной производительности (TFP), но из-за ограниченности данных я использую производительность труда в сельском хозяйстве как критерий эффективности использования факторов и как ключевой показатель потенциала получения дохода (Gollin et al., 2014; Gollin, 2018).

При изучении процесса приватизации земли мы также оценили ее перераспределение. Приватизация и образование фер-

мерских хозяйств в принципе способствуют более равному доступу к ресурсам, если этот процесс в ходе земельной реформы сопровождается перераспределением земли (Lipton, Saghai, 2017). Заметим, что земельная реформа как таковая вовсе не гарантирует, что у каждого бенефициара есть справедливый шанс получить свою долю и что весь процесс происходит прозрачным образом (см., например: Allina-Pisano, 2008). Оценка воздействия реформирования на окружающую среду и доступ к иным ресурсам в целом выходит за рамки данной статьи. Упомянем лишь, что экономический спад в ходе переходного периода привел к повсеместному сокращению производственных ресурсов и появлению больших площадей заброшенных пахотных земель (Schierhorn et al., 2013).

Для анализа мною использованы индексы производства продукции сельского хозяйства на уровне стран, опубликованных Статистическим отделом Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), т. е. индексы валового производства сельского хозяйства каждой страны (ФАО) (2014–2016 гг. принят за 100) (2021 г.). Продукция сельского хозяйства включает показатели валовой продукции сельского хозяйства (ВПСХ), растениеводства и животноводства. Валовая продукция растениеводства не включает семена и корма, но включает технические культуры. Валовая продукция животноводства — обработанные молочные продукты и технические продукты животного происхождения, такие как шерсть или шкуры. Индексы рассчитаны от показателей объемов, взвешенных по базисным (твердым) международным ценам 2014–2016 годов. Эта процедура позволяет избежать влияния колебания обменных курсов, внутренней гиперинфляции или контроля над ценами.

Кроме того, я использую данные о количестве и доле занятых в сельском хозяйстве, рассчитанные Международной организацией труда (МОТ) и опубликованные в Индикаторах мирового развития Всемирного банка (World Bank, 2020). Затраты труда характеризуются расчетными оценками МОТ занятости в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве и рыболовстве.

МОТ не дает достаточно детальную информацию о том, как осуществляются расчеты для конкретных стран. Не исключено, что затраты труда в сельском хозяйстве оцениваются по-разному в разных странах и почти наверняка включают в себя условно исчисленную стоимость. Проблема сопоставимости данных может возникнуть, если работники считаются занятыми полный рабочий день, тогда как фактически они тратят часть своего рабочего времени на другую деятельность, если они временно мигрировали в города или за границу. Также в официальной статистике может занижаться неформальная занятость или принудительный труд. В первом случае недооценивается производительность труда в сельском хозяйстве; во втором переоценивается. Для даль-

нейшего обсуждения проблем измерения затрат труда в сельском хозяйстве в странах с переходной экономикой см.: (Суиннен и Розелл, 2006: 26–27). Данные о рабочей силе невозможно разделить по разным типам хозяйств. Но моя основная цель — изучить динамику использования рабочей силы в разных странах. Хотя я и осознаю, что такой подход может скрывать внутристрановые различия, например, в некоторых странах могут наблюдаться региональные различия в траекториях реформирования фермерских хозяйств, аналогичные тем, которые представлены ниже в сравнении стран.

Для получения необходимых числовых рядов индексы были пересчитаны, что дало представление о динамике объемов производства и производительности за три десятилетия с начала реформ.

Наконец, нами рассчитаны данные о землепользовании по типам хозяйств на основании данных национальной статистики стран всего исследуемого региона. Хотя терминология в разных странах немного различается, все же обычно данные приводятся в разрезе сельскохозяйственных предприятий, частных фермерских хозяйств и сельских домохозяйств. Эти данные использованы для выявления хода приватизации земли, что будет обсуждаться ниже. Нередко сельскохозяйственные предприятия, являющиеся организациями-правопреемниками бывших колхозов, относятся к корпоративному сектору.

Динамика объемов производства и производительности

В этом разделе будут показаны различия на основе агрегированных показателей по пяти группам стран в соответствии с социально-экономическими и агроэкологическими критериями (табл. 1). Центральная Европа представляет собой образец успешных реформ, как указывали Суиннен и Розелл (2006). Прибалтика составляет отдельную группу стран-преемников Советского Союза, во многих отношениях приближающихся к Центральной Европе. Богатые земельными ресурсами страны СНГ объединены вместе с Казахстаном в группу стран степной зоны, поскольку они характеризуются схожими агроэкологическими условиями и производственными технологиями. Страны Закавказья и Центральной Азии представляют собой две отдельные группы: в первой преобладают неоднородные условия ведения сельского хозяйства со значительной долей многолетних культур, таких как сады и виноградники, а во второй — монокультуры хлопка и пшеницы на орошаемых землях. Приведенные ниже агрегированные показатели представляют собой средние показатели по группам, взвешенные по годовой пахотной площади в каждой стране, на основе данных ФАО.

Таблица 1. Группы постсоциалистических стран по доле обрабатываемых сельхозземель и занятых в сельском хозяйстве

Группа стран	Входящие в нее страны	Обрабатываемые сельхозземли, млн га, на 1992 год (%)	Занятые в сельском хозяйстве, млн чел. (%)
Центральная Европа	Чехия, Венгрия, Польша, Словакия	24,0 (10%)	5,7 (15%)
Страны Балтии	Эстония, Латвия, Литва	5,7 (2%)	0,8 (2%)
Европейские страны — члены СНГ и Казахстан	Беларусь, Молдова, Россия, Украина, Казахстан	208,2 (84%)	22,0 (60%)
Закавказье	Армения, Азербайджан, Грузия	2,9 (1%)	3,1 (9%)
Центральная Азия	Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан	8,1 (3%)	5,1 (14%)
Все страны		249,0 (100%)	36,7 (100%)

Источник: *Расчеты автора на основании статистики ФАО и МОТ*

Примечание. Данные по Чешской и Словацкой республикам за 1992 год отсутствуют, поэтому делаем допущение, что все показатели для этих двух стран оставались неизменными с 1992 по 1993 год.

Данные таблицы 1 указывают на концентрацию сельскохозяйственных ресурсов в европейских странах СНГ и Казахстане. Однако в ней также видно, что соотношение между долей занятых в сельском хозяйстве и долей обрабатываемых земель в Центральной Европе, Закавказье и Средней Азии выше, чем в первых двух группах стран.

За 30 лет успешных реформ общий объем сельскохозяйственного производства в странах Центральной Европы мало изменился (рис. 1). Очевидно, что эта группа стран в ходе первого десятилетия реформ меньше пострадала от потрясений переходного периода, связанных с реформированием цен, приватизацией, дезорганизацией и попытками восстановить эффективность отрасли, на что указывали, например, Суиннен и Розелл (2006: 28–49).

На рисунке 1 красная линия стран Центральной Европы разделяет две группы. Объем производства в Закавказье и Центральной Азии существенно вырос после первого десятилетия переходного периода и за двадцать последующих лет удвоился. Объем производства в странах СНГ и Балтии, напротив, резко упал. Европейским странам СНГ и Казахстану, на долю которых приходится основной объем сельскохозяйственного производства в исследуемом регионе, понадобилось четверть века, чтобы вернуться к уровню

М. Петрик

Постсоветская трансформация сельского хозяйства: и все-таки успех?

производства советского периода. Страны Балтии пока даже не достигли уровня тех лет. Производство животноводческой продукции в этих странах так и не восстановилось (рис. 2). Ниже будут даны комментарии к этой ситуации.

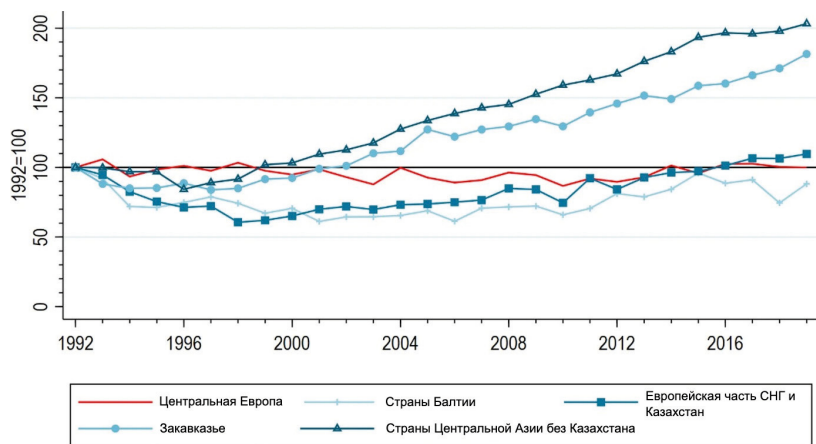

Рис. 1. Динамика валового продукта сельского хозяйства по группам постсоциалистических стран (1992 = 100), 1992–2019 гг.

Источник: *Расчеты автора на основе данных ФАО*

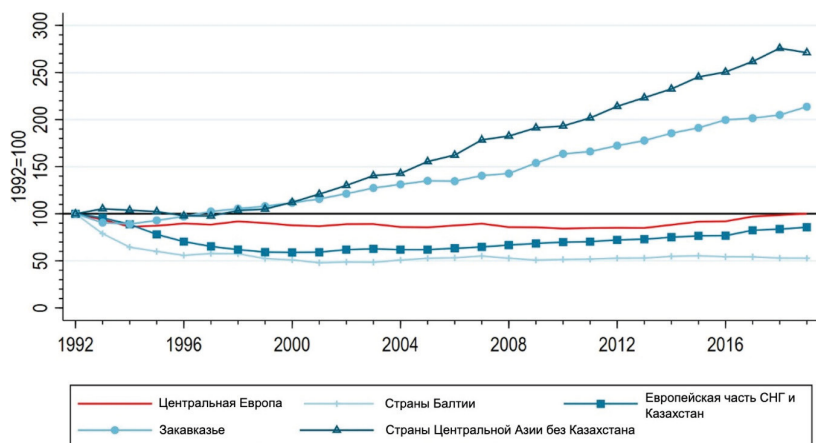

Рис. 2. Индекс животноводства в группах постсоциалистических стран (1992 = 100), 1992–2019 гг.

Источник: *Расчеты автора на основе данных ФАО*

Что касается использования рабочей силы и, как следствие, производительности труда, картина выглядит совсем иначе. В Центральной Европе и странах Балтии наблюдались наибольшее сокращение работников сельского хозяйства и самый заметный рост

производительности труда (рис. 3). Также занятость в сельском хозяйстве резко выросла в Закавказье и Средней Азии, но эти страны сильно отстают по производительности труда. В европейской части СНГ и Казахстане темпы сокращения рабочей силы в последнее время возросли. Этой группе стран удалось догнать уровень производительности труда стран Центральной Европы лишь несколько лет назад.

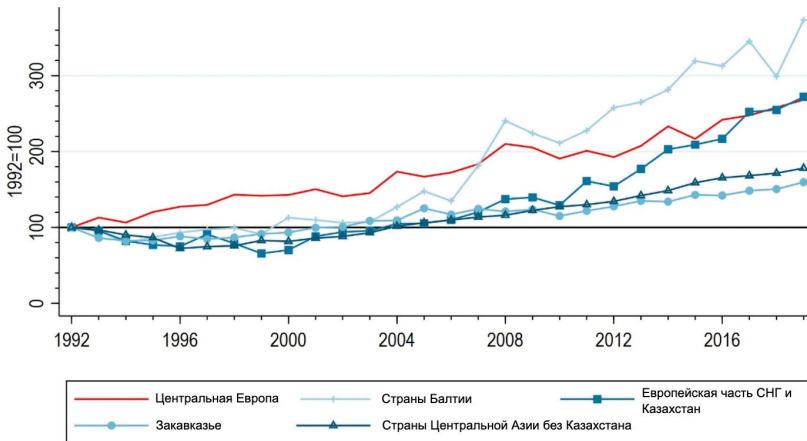

Рис. 3. Индекс производительности труда в сельском хозяйстве по группам стран

Источник: *Расчеты автора на основе данных ФАО и МОТ*

Приватизация земли и особенности возникших хозяйств

Использование термина «приватизация» для характеристики процесса распределения земель бывших колхозов отвлекает внимание от того факта, что производство продукции сельского хозяйства в личных «частных» хозяйствах жителей села было основой продовольственного снабжения в советский период на протяжении десятилетий (Wädekin, 1973). Именно поэтому официальная статистика в большинстве стран СНГ дополнительно выделяет отдельные категории хозяйств, с одной стороны, «частные», или «крестьянские» «фермерские» (sic!) хозяйства, которые возникли как новое явление в 1990-х годах, и, с другой стороны, сельские домохозяйства или личные подсобные хозяйства, которые существовали как категория и раньше. Но и в этом случае некоторые ученые без разбора присваивают ярлык «частное» или «мелкое фермерское хозяйство» целому набору различных хозяйственных практик, которые имеют мало общего.

К сожалению, статистика не всегда разграничивает товарные и натуральные хозяйства. В странах, где в структуре частных кре-

стьянских хозяйств в целом преобладают мелкие фермеры, решение о том, считается ли конкретное хозяйство фермерским или личным домашним, может быть чисто административным. Например, в Азербайджане индивидуальный сектор почти полностью представлен домашними хозяйствами (рис. 4).

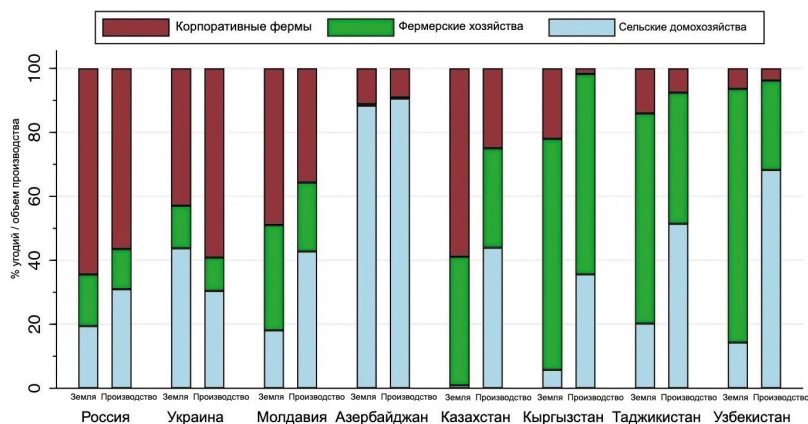

Рис 4. Сравнение структуры землепользования и структуры производства продукции сельского хозяйства по типам хозяйств

Источник: *Национальные статистические управления*

Примечание. Данные за 2019 год; для России, Молдовы и Кыргызстана данные за 2018 год.

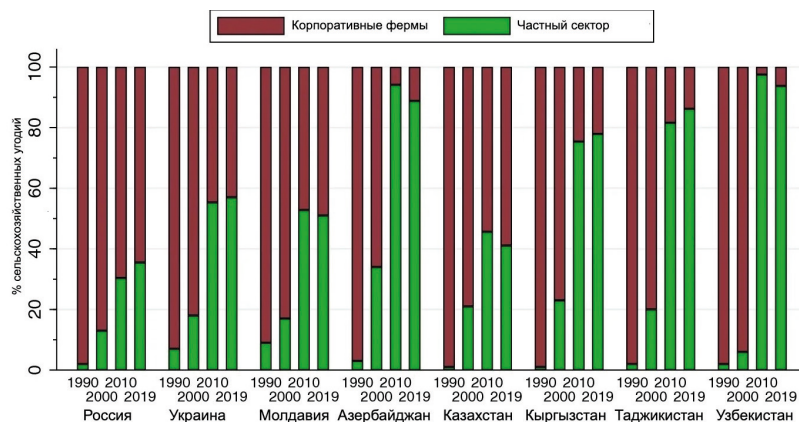

Рис. 5. Динамика землепользования по типам хозяйств, 1990–2019 гг.

Источник: *Национальные статистические управления (Lerman et al., 2004: 113) для 1990 и 2000 гг.*

Примечание. Индивидуальный сектор включает частные фермерские хозяйства и сельские домохозяйства. Земли сельхозиспользования оценены как посевные площади в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

С другой стороны, в странах, где земли много, отдельные производители могут владеть достаточно большими участками земли. Сельскохозяйственная перепись 2016 года в России выявила «крестьянские хозяйства», которые обрабатывают до 40 тыс. гектаров (Yanbykh et al., 2020: 27). Таким образом, во всем регионе СНГ «частные» производственные единицы варьируются от огородов в непосредственной близости от городских центров до коммерческих растениеводческих ферм, обрабатывающих в евразийских степях несколько сотен гектаров и нанимающих десятки рабочих (Pallot, Nefedova, 2007; Petrick et al., 2013).

Кроме того, приватизация не обязательно означает, что фермеры обладают полной свободой принятия решений и правами собственности на свои активы. Даже после полного распределения земель коллективного сектора между частными хозяйствами правительство или местные элиты продолжают контролировать производственные решения во многих странах. В большей степени это касается фермеров, а не домашних хозяйств. Производство хлопка в Таджикистане и Узбекистане представляют собой наиболее выраженные случаи такого контроля со стороны местных элит (Hofman, 2018; Veldwisch, Spoor, 2008).

Текущая статистика показывает, что сельские домохозяйства продолжают обрабатывать значительную долю земель почти во всех странах и вносят все еще заметный вклад в общий объем производства (рис. 4). Получается, что сельские домохозяйства демонстрируют более высокую производительность, чем другие типы хозяйств. Большинство аналитиков считают сектор частных (фермерских и домашних) хозяйств статичным, а между тем возникшие в последнее время частные хозяйства значительно увеличили свое землепользование и объемы производства. Поскольку в разрезе стран не имеется данных о товарности как фермеров, так и домашних хозяйств, мы используем агрегированные статистические данные по домохозяйствам и фермерским хозяйствам в категории «индивидуальный сектор», помня о ее значительной внутрэнной неоднородности.

Новейшие изменения в структуре хозяйств

Если вспомнить первоначальный замысел реформ, о котором говорилось выше, может возникнуть вопрос, почему же реформаторы в странах Центральной Европы не пошли по пути распределения всех земель коллективных хозяйств между частными фермерскими хозяйствами. Хотя и принято считать, что процесс приватизации в ходе земельных реформ прошел успешно, тем не менее значительная часть земель осталась в корпоративных хозяйствах. В странах Центральной Европы приватизация в основном проходила через реституцию — возвращение сельскохозяйственных угодий бывшим владельцам, а не через распределение прав собственности между работниками, как в странах СНГ (Lerman et al., 2004: 105–162). Реституция способствовала сохра-

нению корпоративных ферм, поскольку новые владельцы часто не собирались обрабатывать землю сами и поэтому сочли рентабельной сдачу ее в аренду существующим крупным фермам (Swinnen, Rozelle, 2006: 60–62). В течение общего хода экономических реформ в Центральной Европе руководители хозяйств вскоре столкнулись с жесткими бюджетными ограничениями и другими рыночными регуляторами. Подобные условия быстро сложились и в странах Балтии.

Рассмотрим страны, в которых реформы натолкнулись на большое число препятствий. На рисунке 3 представлены изменения в структуре производства в оставшихся трех из пяти группах (см. табл. 1) на примере восьми стран: Россия, Украина, Молдова и Казахстан представляют третью группу, Азербайджан — Закавказье (четвертая группа), Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан — Центральную Азию (пятая группа).

В первое десятилетие переходного периода, за исключением Азербайджана и в некоторой степени Кыргызстана, развитие фермерских хозяйств в регионе происходило медленно. На рубеже столетий этот процесс активизировался, причем не только в Азербайджане, но и во всех странах Центральной Азии. Исключение составил только Казахстан, где более половины земли осталось в корпоративных хозяйствах и, таким образом, развитие там пошло по такому же пути, как в основных европейских «житницах» — России, Украине и Молдове.

В ходе третьего десятилетия реформ существенных изменений в структуре землепользования не происходило. В некоторых из перечисленных стран корпоративные сельскохозяйственные предприятия продолжали расширять свое землепользование. Таким образом, крупные сельхозпредприятия, как и раньше, остались главными землепользователями в группе европейских стран СНГ и Казахстане. Заметим, однако, что сделанный некоторыми авторами вывод о «значительном сокращении количества мелких фермерских хозяйств», на наш взгляд, представляется преждевременным (Burkitbayeva, Swinnen, 2018: 89с).

Поскольку детальный обзор процесса реформирования аграрной структуры выходит за рамки доклада, остановимся лишь на наиболее важных моментах.

Из трех стран с наибольшими запасами пахотных земель — России, Украины и Казахстана — Россия добилась наибольшего прогресса в приватизации земли (Shagaida, Lerman, 2017). Однако в России, а также в двух соседних странах право собственности на землю продолжает переходить не исключительно путем передачи отдельных участков, а зачастую путем смены собственников целых хозяйств. Это привело к появлению так называемых агрохолдингов, то есть вертикально и горизонтально интегрированных хозяйственных конгломератов, которые контролируют огромные земельные площади, нередко в разных регионах (Rylko et al., 2008; Visser et al., 2012). В то же время отдельные фермерские хозяйства вышли за рамки сво-

ей роли нишевых производителей и получили признание со стороны правительства в качестве потенциальной стратегической силы развития аграрного сектора (Wegren, 2011; Petrick, Götz, 2019).

Украина пережила длительный период правовой неопределенности в ожидании отмены действовавшего с 1990-х годов моратория на продажу земли (Lerman et al., 2007). Нынешнее правительство разрешило рынок продажи земли летом 2021 года. Тем не менее тема прозрачности и контроля над этим рынком, а также моменты, связанные с концентрацией собственности, остаются под вопросом (Lara et al., 2015; Graubner et al., 2021).

И если украинцев беспокоит скупка земли российскими инвесторами, в Казахстане вызывает напряжение растущая активность китайских покупателей. В начале земельных реформ в 1990-х годах процесс перераспределения земель в Казахстане шел довольно быстрыми темпами, и поэтому введение в 2003 году нового земельного кодекса мало повлияло на реформирование хозяйств (Kvartiuk, Petrick, 2021). Агрохолдинги, нередко имеющие финансовые долги, контролируют большую часть пахотных земель в северных степных регионах. А сельское население, как представляется, одновременно широко поддерживает идею коллективных сельскохозяйственных предприятий (Petrick et al., 2013).

Обширное поголовье скота, ранее принадлежавшего колхозам, резко сократилось в самом начале реформ. Однако в последующие десятилетия животноводство увеличилось в хозяйствах населения, особенно в Закавказье и Центральной Азии. Мелкие землевладельцы имеют большую зависимость от доступа к пастбищам, который во многих странах остается плохо регулируемым (Robinson, Petrick, 2021: 23–36). Корпоративное животноводство стало подниматься лишь в последнее время, отчасти благодаря щедрой государственной поддержке (Nefedova, 2017; Petrick, Götz, 2019).

Стимулы и препятствия для осуществления реформ

На основе анализа начального периода реформ Суиннен и Розелл убедительно показали основные причины массового сокращения производства в европейских странах СНГ (Swinnen, Rozelle, 2006). В первые годы прибыли упали из-за ухудшения условий торговли вследствие ликвидации надбавок к цене производителя и субсидий. Более того, либерализация рынка вызвала значительные издержки из-за дезорганизации каналов сбыта, поскольку существующая сеть была разрушена и восстановилась далеко не сразу. В странах СНГ повсеместная неопределенность в отношении реформирования прав собственности ослабила стимулы в большей степени, чем в странах с переходной экономикой.

Последний аспект многие экономисты считали очень важным для последующего развития. За исключением Азербайджана и Кыргыз-

стана, земельная реформа во всех странах, упомянутых на рисунке 5, первоначально включала распределение земли с помощью выдачи свидетельств на паи, смысл которых нередко был не до конца понятен тем, кто их получил, и зачастую эти свидетельства не были привязаны к конкретным земельным участкам (Lerman et al., 2004). Рынки продажи и аренды земли развивались медленно, государство, как правило, формально оставалось владельцем сельскохозяйственных земель. Таким образом, компании, заинтересованные в использовании земли, столкнулись с ограничением прав у собственников и с трудом могли привлечь земли на законном основании.

Местные заинтересованные стороны и даже потенциальные бенефициары перераспределения активов и приватизации поддержали реформы гораздо меньше, чем в Восточной Азии. Наиболее вероятная причина заключается в том, что работники сельского хозяйства из стран бывшего Советского Союза опасались потерять субсидии на хлеб, социальные услуги, которые колхозы предоставляли своим работникам, доступ к значимым сельскохозяйственным технологиям, а также их пугали весьма вероятные риски работы в условиях рыночной конкуренции (Pryor, 1992: 265–290; Swinnen, Rozelle, 2006: 109–115).

Чиновники-бюрократы на местном уровне выступали против реформ по аналогичным причинам. Кроме того, распределение всей земли между фермерами могло лишить их политического влияния и привилегий. Используя свою власть для управления информационными потоками и проведения централизованно управляемых кампаний по деколлективизации, они иногда открыто манипулировали сельским населением, чтобы противостоять реформам (Allina-Pisano, 2008; Petrick, Carter, 2009).

На рубеже столетий рост цен на сырье и увеличение спроса на продукты питания в городах помогли российскому сельскому хозяйству вернуться на траекторию роста. Как в России, так и в Казахстане была увеличена государственная поддержка сельского хозяйства (Uzun et al., 2019; Petrick et al., 2017). Политические элиты в этих странах сохраняли большой интерес к торговле сельскохозяйственным сырьем и потому продолжали вмешиваться в ход реформирования с учетом своих интересов. В России сельскохозяйственные субсидии в основном получают агрохолдинги — крупнейшие сельхозтоваропроизводители, которые зачастую уже связаны с внутренними инвесторами из других секторов экономики (Uzun et al., 2019). Они также выигрывают от российской политики импортозамещения за счет более высоких внутренних потребительских цен (Sedik et al., 2018). Такое участие государства затрудняет оценку международной конкурентоспособности сельхозтоваропроизводителей. В то же время государственные субсидии почти не оказали сдерживающего влияния на массовую миграцию из сельской местности в города (Nefedova, 2017).

В Узбекистане подкрепленная политически заинтересованность в экспорте хлопка определяла политику реформ на протяжении большей части периода после обретения независимости (Veldwisch, Spoor, 2008; Djanibekov et al., 2012). Страна прошла целую серию этапов «оптимизации» и «кластеризации» хозяйственных операций, инициированных государством (Zorgu et al., 2019). В Таджикистане, несмотря на формально прошедшее реформирование сельскохозяйственных предприятий, хлопководство по-прежнему находится под большим политическим влиянием (Hofman, 2018).

Несмотря на продолжающееся политическое вмешательство, довольно впечатляющий рост производства в Центральной Азии и Закавказье, по всей видимости, происходит в значительно меньшей степени под воздействием политических стимулов, чем в европейских странах СНГ. Хотя данных для систематического анализа не хватает, рост населения сам по себе вызывает расширение землепользования, и подобные процессы уже давно наблюдаются на Глобальном Юге (Boserup, 1965). Отдельные данные свидетельствуют о том, что крестьяне в Центральной Азии все чаще практикуют улучшенные приемы растениеводства и повышают интенсивность выращивания на приусадебных участках и огородах высокотоварных культур, таких как фрукты и овощи (Mukhamedova, Pomfret, 2019). В Азербайджане, Таджикистане и Узбекистане вклад домохозяйств в общий объем производства самый высокий в выделенной нами группе стран (табл. 1 и рис. 4). Также в этих странах наблюдается значительный рост поголовья скота и, соответственно, расширение производства продукции животноводства (рис. 2). В какой степени технологическая модернизация, например, новые сорта семян, улучшенная агрономическая практика, ирригационные сооружения или механизация, повлияла на рост производства, остается неясным и требует дальнейшего изучения.

Еще один малоизученный момент — это роль международных доноров в реформировании сельскохозяйственных предприятий, особенно в странах Центральной Азии и в Закавказье. Ц. Лерман и Д. Седик (2018: 910–911) показывают, как международное сообщество способствует глубокому реформированию и передаче земель колхозов и совхозов фермерским и домашним хозяйствам в Центральной Азии, лоббируя на уровне государственных органов власти и тем самым компенсируя отсутствие политического представительства у мелких землевладельцев. И. Хофман (Hofman, 2018) высказывает гораздо более осторожное мнение и описывает различные альтернативные стратегии, которые позволяют политическим элитам продолжать оказывать влияние на производственные решения и тормозить приватизацию даже вопреки международному давлению со стороны доноров.

Возвращаясь к утверждению, что передача земель коллективных предприятий в частные руки является ключевым фактором повышения производительности, сопоставим теперь динамику объемов производства и производительности с приростом числа фермерских хозяйств. На первый взгляд картина, представленная на рисунке 7, подтверждает идею о том, что чем больше земель переходит в частный некорпоративный сектор, тем выше производительность по сравнению с дореформенной ситуацией. Более того, половинчатость и медлительность в проведении реформ еще больше усугубляют ситуацию, о чем свидетельствует сокращение объемов выпуска продукции, наблюдаемое в середине горизонтальной оси. Но подтверждают ли эти цифры гипотезу о том, что приватизация земли является основной причиной роста производства? Представляется, что без учета других факторов производства на основании простой двумерной зависимости делать такой вывод преждевременно.

Действительно, если сравнить динамику занятости в сельском хозяйстве и процесс приватизации земли, напрашиваются совсем другие оценки. Как отмечалось ранее, затраты труда резко изменились за 30 лет (рис. 6). На графике на фоне роста приватизации появляются два четко различимых кластера стран (рис. 7). В Закавказье и Средней Азии коллективные хозяйства массово реформировались в небольшие частные хозяйства, и при этом наблюдался значительный рост аграрной занятости. В европейских странах СНГ и Казахстане корпоративные фермы остались ключевыми игроками, но там имело место резкое сокращение рабочих мест (см.: Nefedova, 2017). Таким образом, наряду с приватизацией земли в странах с наиболее высокими темпами роста производства значительно увеличились затраты труда.

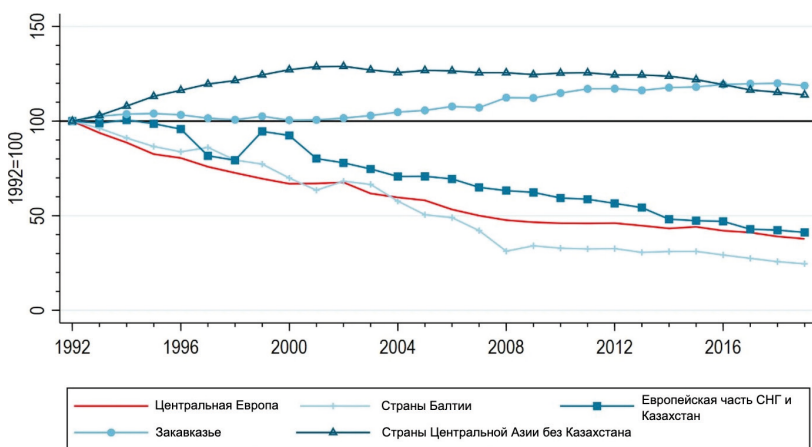

Рис. 6. Индекс использования рабочей силы в сельском хозяйстве по группам постсоциалистических стран (1992 = 100), 1992–2019 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных МОТ

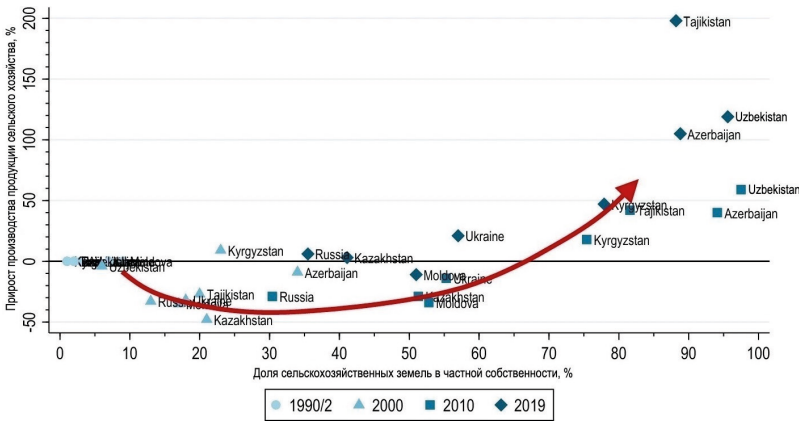

Рис. 7. Приватизация земли и динамика производства продукции сельского хозяйства (%), 1990–2019 гг.

Источник: Расчеты автора на основе данных ФАО

Примечание. При исчислении индекса производства за базу взят 1992 год. Приватизированный сектор включает фермерские хозяйства и личные хозяйства жителей села. Землями сельхозиспользования = посевные площади в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

Трудно сказать определенно, что именно обусловило рост производства в Закавказье и Средней Азии: приватизация или увеличение трудозатрат. Также следует принимать во внимание другие возможные факторы роста объемов продукции, такие как рост инвестиций или цен. Оздоровление коллективных хозяйств нередко включало замену рабочей силы капиталом, тогда как многие фермерские хозяйства в Закавказье или Средней Азии не имеют к нему доступа (см., например: Petrick et al., 2017).

Из-за недостатка данных я не могу провести здесь более полный анализ причин увеличения производительности. Но доступные количественные данные, представленные выше, тем не менее позволяют сделать некоторые предварительные выводы об общей роли приватизации земли и возникших фермерских хозяйств. В течение тридцати лет в постсоветских странах реформирование сельского хозяйства шло по двум основным направлениям (рис. 9).

В европейских странах СНГ и Казахстане около половины сельскохозяйственных земель, ранее принадлежавших колхозам и совхозам, перешло в собственность фермеров. В то время как внешние инвесторы реструктуризировали долги и модернизировали существующие корпоративные предприятия, во многих сельских районах наблюдался отток работников. Я называю этот путь «вестернизацией» постсоветского сельского хозяйства. Он указывает на известные процессы замещения факторов в ходе экономического развития. Также для эволюции сельскохозяйственного сектора в этой группе

ждаемости удерживают рабочих в сельском хозяйстве, если только они не мигрируют за границу. Поскольку капитал проникает в сельское хозяйство довольно медленно, рост объемов производства происходит за счет увеличения затрат труда вкупе с упомянутыми ранее преимуществами, которые возникают за счет приватизации земли и создания фермерских хозяйств. Спустя тридцать лет прирост производительности труда в сельском хозяйстве здесь оказался гораздо ниже, чем в странах, следующих по первому пути, в абсолютном выражении разрыв еще больше (рис. 9). Поскольку такая ситуация напоминает условия в сельском хозяйстве большей части стран Глобального Юга (Gollin et al., 2014), я называю этот путь «южанизацией», или «южной ориентацией» постсоветского сельского хозяйства.

Кроме сравнительно избыточной занятости и низкой производительности труда сельские районы в группе стран Закавказья и Центральной Азии демонстрируют и другие черты, присущие сельскому хозяйству в странах с низкими доходами. Остается проблемой сельская бедность в отдельных странах этой группы (Akramov et al., 2020). Контрактные отношения здесь характеризуются неформальным характером, патернализмом и асимметрией власти, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время многочисленные публикации об управлении ирригационными системами и землепользовании в Центральной Азии (см., например: Djanibekov et al., 2013; Mukhamedova, Pomfret, 2019).

Несмотря на различия между странами Закавказья и Центральной Азии, общей чертой для всех является устойчивость производства в сельских домохозяйствах. Во всех странах, рассматриваемых здесь, сектор домашних хозяйств можно охарактеризовать как преимущественно статичный, ориентированный на натуральное хозяйство, поэтому он и выдержал политические потрясения и экономические трудности (рис. 4). Таким образом, в сельских экономиках, реформирующихся по западному образцу, возникла сильно поляризованная структура сельхозтоваропроизводителей, которая уже существовала в советские времена (Sedik et al., 2018). В странах «южной ориентации» границы индивидуальных хозяйств часто размыты, их трудно определить эмпирически. Я считаю, что устойчивость сельских домохозяйств как производителей продукции является одним из объединяющих структурных элементов в регионе, который до сих пор в целом вполне соответствует своему названию «постсоветский».

Выводы

Превратились ли тридцать лет постсоветского реформирования сельского хозяйства в историю успеха? Если представить себе, что инициаторы реформ и приверженцы «теории семейных фермерских хозяйств» посетили сегодня страны постсоветского пространства,

они, вероятно, были бы удивлены, увидев, что корпоративные хозяйства по-прежнему (или снова!) играют ведущую роль в «житнице» евразийской степи. Надежды на то, что индивидуальные фермерские хозяйства победят во всем регионе, не оправдались. Причем некоторые эксперты указывали на это с самого начала. В сохраняющей свое значение монографии покойный Фредерик Л. Прайор (1992: 295) писал: «Рассматривая подъем и падение коллективизированного сельского хозяйства, я испытываю сильное искушение добавить знак вопроса после слова “падение”. Эта система капиталоемкого “помещичьего” хозяйства с использованием большого числа рабочих может сохраниться во многих странах, хотя и не так широко, как в 1980-х годах. Действительно, это может оказаться одним из непреходящих наследий Сталина».

Четкая цель «перехода» 1990-х годов уступила место более разнообразному набору траекторий, пункты назначения которых часто неопределенны.

Сегодня мы видим, что в европейских странах СНГ и Казахстане, на которые приходится 93% пахотных земель бывшего Советского Союза, на результаты реформирования в большей степени оказали влияние другие факторы, нежели преимущество стимулов к труду у работников семейных ферм. Отсутствие эффекта масштаба на низовом уровне производства на сегодняшний день оказалось более значимым для результатов реформирования. Доступ к корпоративному управлению, капиталу и политической поддержке, а также вертикальная интеграция сыграли решающую роль в траектории изменений, которую я называю «вестернизацией» сельского хозяйства.

И хотя реформирование в аграрном секторе в Закавказье и Центральной Азии почти достигло цели полной приватизации и передачи собственности на землю частникам, в этих странах сохранились факторы, которые очень мешают появившимся фермерским хозяйствам обрести достойную жизнь. По прошествии 30 лет в этих странах производительность труда в сельском хозяйстве намного ниже, чем в европейской части СНГ и Казахстане, и еще ниже, чем в странах Центральной Европы и Балтии, первыми вступивших на путь реформ. Деколлективизация в Закавказье и Центральной Азии в большей степени способствовала равномерному доступу сельского населения к производственным ресурсам. Однако то, что я называю «южанизацией» постсоветского сельского хозяйства, также содержит в себе риски аграрного перенаселения, усиления неформальной экономики и бедности, что занимает видное место в дискурсах развития на Глобальном Юге.

Описанные эмпирические модели, которые могут разочаровать западных вдохновителей реформ, стоявших у их истоков, хорошо согласуются с новейшими публикациями, в которых утверждается, что низкая производительность труда на небольших фермах является признаком нерационального использования ресурсов

(Adamopoulos, Restuccia, 2014). Ряд авторов полагают, что разрыв в производительности труда сгладится по мере общего роста экономики и ускорения урбанизации, а также увеличения размеров хозяйств (Gollin, 2018). Полученные нами данные о связи процессов корпоратизации, миграции населения из сельской местности в города и росте производительности труда в европейских странах СНГ подтверждают эти выводы.

Более того, недавно исследована роль успешных предпринимателей и показано, что они стремятся к укрупнению размеров хозяйств (Adamopoulos, Restuccia, 2014; Gollin et al., 2014; Sumner, 2014). Людям с хорошими менеджерскими способностями, по всей видимости, представляется непривлекательным управление небольшими фермами, так как доход, который такая ферма принесет, оказывается ниже их ожиданий, и поэтому они выбирают себе другую карьеру. В дискуссиях о путях реформ, которые велись в начале переходного периода, этот момент зачастую упускается. Но пока невелико число исследований роли предпринимательских способностей в постсоветском реформировании сельскохозяйственных предприятий.

Таким образом, лицам, принимающим решение, стоило бы перенести фокус своего внимания с укрепления прав собственности на землю на изменчивые рыночные факторы, в том числе и на рынке земли, которые позволяют лучше сочетать материальные ресурсы с человеческим капиталом. В перенаселенных сельских районах мелкие фермерские хозяйства являются в лучшем случае временным решением для смягчения экономических трудностей в отсутствие более доходных возможностей для трудоустройства за пределами сельского хозяйства. Ключевая задача правительств — поощрять и гарантировать создание экономических возможностей для всех — как внутри, так и особенно за пределами сельскохозяйственного сектора.

В данном докладе я обозначил некоторые заблуждения, которые можно найти в литературе о постсоветском реформировании сельского хозяйства. Приведенный здесь анализ опровергает представление о том, что все постсоциалистические страны стремятся к полностью индивидуализированному сельскому хозяйству. Следовательно, трансформирование колхозов в фермерские хозяйства само по себе не является фактором успеха, и это не то же самое, что гарантированные права собственности на землю. Частные, мелкие и семейные фермерские хозяйства — не одно и то же. Частные фермы в странах «западной ориентации» напоминают коммерческие семейные фермы в Америке или в странах Европейского союза, и нередко на них трудится значительное число наемных работников. В странах «южной ориентации» частные хозяйства обычно обрабатывают гораздо меньше земли в расчете на одну ферму и нередко используют значительную часть своих ресурсов на обеспечение членов домохозяйств продуктами питания.

Большинству стран СНГ, вероятно, еще предстоит пройти довольно долгий путь, прежде чем распределение земли, рабочей

силы и капитала согласуется с идеалом гибкого рыночного механизма и тем самым достигнет цели, часто высказывавшейся в дискуссиях о «переходе» к рыночной экономике на начальном этапе реформирования. За исключением того, что предполагалось такими авторами, как Д. Голлин (Gollin, 2018), земля обычно не переходит к более талантливому предпринимателю через гибкие и прозрачные договоры об аренде или продаже. Консолидация земли и капитала в руках более способных менеджеров часто происходит через политическое покровительство или контакты внутри замкнутой группы инвесторов, например, в случае агрохолдингов, или не происходит вообще, поскольку земельные рынки парализованы законодательными положениями или политическими ограничениями (Visser et al., 2012; Lara et al., 2015; Kvartiuk, Petrick, 2021). Удастся ли будущим реформаторам преодолеть эти препятствия, будет решаться в основном за пределами сельскохозяйственного сектора.

В заключение я выделил ряд направлений, продолжение исследований в которых могло бы помочь лучше понять и, возможно, придать форму все еще продолжающемуся реформированию постсоветского сельского хозяйства:

- Факторы, влияющие на повышение производительности в различных типах хозяйств на удивление мало изучены. Чем объясняется недавний рост производительности труда на российских предприятиях (несколько невнятно названный «неформальными техническими изменениями» (Rada et al., 2020)) или такой впечатляющий рост отдачи с гектара в Центральной Азии и Закавказье?
- Мало что известно о механизмах внутреннего управления, финансовых показателях и прибыльности корпоративных сельскохозяйственных структур на постсоветском пространстве. Учитывая широко распространенные практики явной или неявной государственной поддержки, международную конкурентоспособность крупного сельского хозяйства трудно оценить. Для всестороннего анализа необходимы методы исследований, отличные от традиционных обследований фермерских хозяйств или финансового анализа, и, возможно, нужны качественные социологические исследования с использованием партисипативных методов для того, чтобы выявить скрытые механизмы таких организаций.
- «Частный сектор» состоит из разнородной смеси производителей: некоторые из них ориентированы на товарное производство, а некоторые — на натуральное хозяйство. Требуется дальнейший микроанализ характеристик этих различных групп и траекторий их развития с течением времени.
- В будущем роль квалифицированных менеджеров в развитии сельскохозяйственного сектора будет играть определяющую роль для дальнейшего роста и занятости, а также

для его стратегической перестройки, например, в отношении животноводства или производства более ценных культур. Каким образом управленцы, не имеющие опыта работы в сельском хозяйстве, заработали состояние в этом секторе (Kvartiuk et al., 2020)? И как преодолеть негативные стереотипы об отсталости сельского хозяйства?

- Учитывая впечатляющий рост поголовья скота в Закавказье и Центральной Азии и возвращение темы животноводства в повестку дня аграрной политики в европейских странах СНГ, каковы движущие силы и перспективы этого возрождения? Какое влияние животноводство оказывает на средства к существованию в сельской местности и на окружающую среду?
- По сравнению с другими регионами мира роль международных доноров в реформировании сельского хозяйства привлекла недостаточно внимания со стороны независимых ученых на ранних этапах реформирования в европейских странах СНГ, а также в таких странах, как Кыргызстан или Таджикистан в последнее время. На что повлияла деятельность доноров и насколько хорошо она была согласована с местными участниками процесса или, возможно, им противодействовала?

References

- Adamopoulos T., Restuccia D. (2014) The size distribution of farms and international productivity differences. *American Economic Review*, vol. 104, no 6, pp. 1667–1697.
- Akramov K. T., Romashkin R., Park A., Ilyasov J. (2020) *Central Asia. IFPRI global food policy report 2020 regional developments*, Washington, DC: IFPRI.
- Allina-Pisano J. (2008) *The post-Soviet Potemkin village: Politics and property rights in the black earth*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Binswanger H. P., Deininger K., Feder G. (1995) Power, distortions, revolt and reform in agricultural land relations. *Handbook of development economics*, ed. J. Behrman and T. N. Srinivasan, vol. III, Amsterdam: Elsevier, pp. 2659–2772.
- Boserup E. (1965) *The conditions of agricultural growth: The economics of agrarian change under population pressure*, Chicago: George Allen & Unwin.
- Burkitbayeva S., Swinnen J. (2018) Smallholder agriculture in transition economies. *Journal of Agrarian Change*, vol. 18, no 4, pp. 882–892.
- Djanibekov N., van Assche K., Bobojonov I., Lamers J. P. A. (2012) Farm restructuring and land consolidation in Uzbekistan: New farms with old barriers. *Europe-Asia Studies*, vol. 64, pp. 1101–1126.
- Djanibekov U., van Assche K., Boezeman D., Djanibekov N. (2013) Understanding contracts in evolving agro-economies: Farmers, dekhqans and networks in Khorezm, Uzbekistan. *Journal of Rural Studies*, vol. 32, pp. 137–147.
- FAO (2021) FAOSTAT database, <http://www.fao.org/faostat/en/#home>.
- Gollin D., Lagakos D., Waugh M. E. (2014) The agricultural productivity gap. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 129, no 2, pp. 939–993.
- Gollin D. (2018) *Farm size and productivity. Lessons from recent literature*, IFAD Research Series 34, Rome: IFAD.

- Graubner M., Ostapchuk I., Gagalyuk T. (2021) Agroholdings and land rental markets: A spatial competition perspective. *European Review of Agricultural Economics*, vol. 48, pp. 158–206.
- Hofman I. (2018) Soft budgets and elastic debt: farm liabilities in the agrarian political economy of post-Soviet Tajikistan. *Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no 7, pp. 1360–1381.
- Johnson D. G. (1993) Historical Experience of Eastern and Central European and Soviet Agriculture. *The agricultural transition in Central and Eastern Europe and the former U. S. S. R.* A World Bank Symposium, ed. A. Braverman, K. M. Brooks, C. Csaki, pp. 11–26, Washington, DC: World Bank.
- Kislev Y., Peterson W. (1982) Prices, technology, and farm size. *Journal of Political Economy*, vol. 90, pp. 578–595.
- Kvartiuk V., Petrick M. (2021) Liberal land reform in Kazakhstan? The effect on land rental and credit markets. *World Development*, no 138, p. 105285.
- Kvartiuk V., Petrick M., Bavorova M., Bednařiková Z., Ponkina E. (2020) A brain drain in Russian Agriculture? Migration sentiments among skilled Russian rural youth. *Europe-Asia Studies*, vol. 72, no 8, pp. 1352–1377.
- Lapa V., Gagalyuk T., Ostapchuk I. (2015) The emergence of agroholdings and patterns of land use in Ukraine. *Transition to agricultural market economies: The future of Kazakhstan, Russia, and Ukraine*, ed. A. Schmitz and W. H. Meyers, Wallingford (UK): CABI, pp. 102–110
- Lerman Z. (1998) Does land reform matter? Some experiences from the former Soviet Union. *European Review of Agricultural Economics*, vol. 25, pp. 307–330.
- Lerman Z. (2017) Privatisation and changing farm structures in the Commonwealth of Independent States. *The Eurasian wheat belt and food security: Global and regional aspects*, ed. S. Gomez y Paloma, S. Mary, S. Langrell, P. Ciaian, New York: Springer, pp. 15–32.
- Lerman Z., Sedik D. (2018) Transition to smallholder agriculture in Central Asia. *Journal of Agrarian Change*, vol. 18, no 4, pp. 904–912.
- Lerman Z., Csaki C., Feder G. (2004) *Agriculture in transition: Land policies and evolving farm structures in post-Soviet countries*, Lanham: Lexington Books.
- Lerman Z., Sedik D., Pugachov N., Goncharuk A. (2007) *Rethinking agricultural reform in Ukraine*, Halle (Saale): IAMO.
- Lipton M., Saghai Y. (2017) Food security, farmland access ethics, and land reform. *Global Food Security*, vol. 12, pp. 59–66.
- Mukhamedova N., Pomfret R. (2019) Why does sharecropping survive? Agrarian institutions and contract choice in Kazakhstan and Uzbekistan. *Comparative Economic Studies*, vol. 61, no 4, pp. 576–597.
- Nefedova T. G. (2017) Twenty-five years of Russia's post-Soviet agriculture: Geographical trends and contradictions. *Regional Research of Russia*, vol. 7, no 4, pp. 311–321.
- Pallot J., Nefedova T. G. (2007) *Russia's unknown agriculture: Household production in post-socialist Russia*, Oxford: Oxford University Press.
- Petrick M., M. R. Carter. (2009) Critical masses in the decollectivisation of post-Soviet agriculture. *European Review of Agricultural Economics*, no 36, pp. 231–252.
- Petrick, M., Götz L. (2019) Herd growth, farm organisation and subsidies in the dairy sector of Russia and Kazakhstan. *Journal of Agricultural Economics*, vol. 70, no 3, pp. 789–811.
- Petrick M., Wandel J., Karsten K. (2013) Rediscovering the virgin lands: Agricultural investment and rural livelihoods in a Eurasian frontier area. *World Development*, no 43, pp. 164–179.
- Petrick M., Oshakbaev D., Wandel J. (2017) More than pouring money into an ailing sector? Farmlevel financial constraints and Kazakhstan's 'Agribusiness 2020' strategy. *The Eurasian wheat belt and food security: Global and regional aspects*, ed. S. Gomez y Paloma, S. Mary, S. Langrell, P. Ciaian, New York: Springer, pp. 103–118.

- Pryor F. L. (1992) *The red and the green: The rise and fall of collectivized agriculture in Marxist regimes*, Princeton: Princeton University Press.
- Rada N., Liefert W., Liefert O. (2020) Evaluating agricultural productivity and policy in Russia. *Journal of Agricultural Economics*, vol. 71, no 1, pp. 96–117.
- Robinson S., Petrick M. (2021) Trade-offs among sustainability goals in the Central Asian livestock sector: A research review, *SDGnexus Network Working Paper 01-2021*, Gießen: Center for international Development and Environmental Research (ZEU).
- Rylko D., Khramova I., Uzun V., Jolly R. (2008) Agroholdings: Russia's new agricultural operators. *Russia's agriculture in transition: Factor markets and constraints on growth, rural economies in transition*, ed. Z. Lerman, Lanham: Lexington Books, pp. 95–133.
- Sarris A. H., Doucha T., Mathijs E. (1999) Agricultural restructuring in central and eastern Europe: Implications for competitiveness and rural development. *European Review of Agricultural Economics*, vol. 26, pp. 305–329.
- Schierhorn F., Müller D., Beringer T., Prishchepov A. V., Kuemmerle T., Balmann A. (2013) PostSoviet cropland abandonment and carbon sequestration in European Russia, Ukraine, and Belarus. *Global Biochemical Cycles*, vol. 27, no 4, pp. 1175–1185.
- Schmitt G. (1991) Why is the agriculture of advanced Western economies still organized by family farms? Will this continue to be so in the future? *European Review of Agricultural Economics*, vol. 18, pp. 443–458.
- Sedik D., Lerman Z., Shagaida N., Uzun V., Yanbykh R. (2018) Agricultural and rural policies in Russia. *Handbook on international food and agricultural policy: Volume I: Policies for agricultural markets and rural economic activity*, ed. W. H. Meyers and T. Johnson, Singapore: World Scientific, pp. 433–460.
- Shagaida N., Lerman Z. (2017) Land policy in Russia: New challenges. *The Eurasian wheat belt and food security: Global and regional aspects*, ed. S. Gomez y Paloma, S. Mary, S. Langrell, P. Ciaian, New York: Springer, pp. 33–50.
- Stiglitz J. E. (1993) Incentives, organizational structures, and contractual choice in the reform of socialist agriculture. *The agricultural transition in Central and Eastern Europe and the former U.S.S.R.* A World Bank Symposium, ed. A. Braverman, K. M. Brooks, C. Csaki, Washington, DC: World Bank, pp. 27–46.
- Sumner D. A. (2014) American farms keep growing: size, productivity, and policy. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, pp. 147–166.
- Swinnen J. F. M., Rozelle S. (2006) *From Marx and Mao to the Market: The economics and politics of agricultural transition*, Oxford: Oxford University Press.
- Uzun V., Shagaida N., Lerman Z. (2019) Russian agriculture: Growth and institutional challenges. *Land Use Policy*, vol. 83, pp. 475–487.
- Van Atta D. (ed.). (1993) *The "Farmer threat": The political economy of agrarian reform in post-Soviet Russia*, Boulder: Westview Press.
- Veldwisch G. J., Spoor M. (2008) Contesting rural resources: Emerging "Forms" of Agrarian production in Uzbekistan. *Journal of Peasant Studies*, vol. 35, no 3, pp. 424–451.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M. (2012) Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding land grabbing in Russia. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, pp. 899–931.
- Wädekin K.-E. (1973) *The private sector in Soviet agriculture*, Berkeley: University of California Press.
- Wegren S. K. (2005) *The moral economy reconsidered: Russia's search for agrarian capitalism*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Wegren S. K. (2011) Private farming in Russia: An emerging success? *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no 3, pp. 211–240.
- World Bank (1992) *Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. An Agenda for the Transition, Studies of Economies in Transformation 1*, Washington, DC: World Bank.
- World Bank (2020) World Development Indicators database, <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. Accessed 04 Oct 2020.

- Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. (2020) Changes in Russia's agrarian structure: What can we learn from agricultural census? *Russian Journal of Economics*, vol. 6, no 1, pp. 26–41.
- Zorya S., Djanibekov N., Petrick M. (2019) *Farm restructuring in Uzbekistan: How did it go and what is next?* ASA "support to Agricultural Modernization in Uzbekistan", Washington, DC: World Bank.

Post-Soviet transformation of agriculture: A success after all?

Martin Petrick, PhD, Professor, Dean for Academic Affairs, Justus-Liebig-University Giessen (Germany); Visiting Researcher, Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO) (Halle, Germany), Institute of Agricultural Policy and Market Research, Senckenbergstraße 3, Zeughaus 35390, Giessen, Germany. E-mail: martin.petrick@agr.uni-giessen.de

Lubov A. Ovchintseva (translator), PhD, leading researcher, Center for Agrarian studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 82 Vernadsky Prosp., p. 1, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

Abstract. In the presentation at the scientific seminar "Agrarian reform in the former USSR countries" of the Center for Agrarian Studies (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) on November 24, 2021, the author presented the results of the comparative studies of agrarian reforms in the post-Soviet countries. Based on an extensive analysis of scientific research and international and national statistics, the presentation explains changes in the reforming of the agrarian sector in various post-Soviet countries, identifies factors that determined changes in the initial tasks of reforms, and results achieved so far, some of which can be considered quite paradoxical. The author emphasizes the importance of both the institutional political paradigm as a basis of reforms and the prevailing branches of the agrarian economy, which inevitably determine an optimal economic direction for the development of the agrarian sector. The empirical analysis conducted by the author raises some questions that remain open, for instance, whether reforms can help to skip over a step in the agrarian evolution, or how sustainable are those economic forms that develop within a specific national economy.

Key words: results of agrarian reform, post-Soviet countries, results of land privatization, reorganization of collective farms, role of farms

Отечественное фермерство: сигналы новизны¹

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник, Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru, Москва

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления разного рода обстоятельств, связанных с объективным фактом смены сельских (в частности, фермерских) поколений новой России. Фермерство рассматривается в двойной лингвистической проекции — как общая дефиниция и как именование аграрных хозяйственных практик, взятых в их исторической эволюции. Проводится анализ специфической формы законодательного закрепления понятия фермерства, прямо указывающей на его транзитивную социально-культурную миссию. Предлагается аналитическая оценка потенциала поколенческого рассмотрения феномена фермерства. Набрасываются основные контуры нового фермерского мира, то есть способов присутствия на земле очередного поколения сельских хозяев. Обосновывается вывод, что нынешний фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал уже прошедших первоначальную апробацию перемен, который в состоянии сконструировать арсенал различных, в том числе и весьма перспективных, детерминированных будущим, деятельностных моделей, форм и привычек.

Ключевые слова: фермерство, поколенческая проекция, поколение, крестьянское (фермерское) хозяйство, фермер, сельский мир, сельские территории, повседневные жизненные практики

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-131-145

По своей человеческой природе нынешний фермер — это умелый крестьянский сын, поднаторевший в перипетиях рынка, набравшийся технологических и бизнес-знаний. Как и крестьянин, фермер остается человеком земли, живущим на земле и землей.

«Своя земля и в горсти мила». Так говорит крестьянский народ, примериваясь к ключевым параметрам полноты житейского существования. Существования не только органического — когда человек себя кормит, одевает, обогревает и берегает как работающее тело. «Своя

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

земля» — это и деревня, ее окрестные, вдоль и поперек изведенные «у-годья» — всё годное, полезное и желанное. В поговорку вошел экзистенциальный крестьянский вздох: «Всех угодьев не соберешь: вода близко, ин лес далёко». Феномен «своей земли» удерживает на себе сельский мир — особенное жизненное настроение, тихую мелодию бытия. «Земля» в дискурсе житейской проничательности ухватывается и символической горсточкой, и разворачивается в ее широте и разноликости. Она и Отечество, и родимая сторонка, и мать-кормилица, и место последнего покоя. Деревенские люди с теплотой относят землю к подлинным жизненным ценностям. И в особенности — землю продуктивную, за несколько весенне-летних недель извлекающую из почвенного подземелья горы натурального вещества, способного напитать и людей, и животных. Говорит доколхозная крестьянка: *«За землю сильно переживали. Особенно если нарезали в “степи”, за Грязным лесом. Степь — самая хорошая земля во всей округе. Без дождя родила хлеб. Когда в степи нарезали, по всей деревне разговор. Мечтали: “Хоть бы осьминничек достался...” Степь-то не всем доставалась! Жеребий трясли. Палочки в шапку покидают, и вынают по очереди... А кто вынет жеребий, на котором степь, сразу: “Ой, живем! Ой, живем! С хлебом мы таперя...”»* (Виноградский, 2012: 76).

Вот уж поистине — «чья земля, того и хлеб». Вот оно, натуральное крестьянское чувство! А что нынешнее фермерство? Сегодня на смену бывалым фермерам «призыва 1990-х» приходят новые люди, уже «крестьянские внуки». Кто они? Далеко ли ушли от крестьянского бытийного настроения? Что нового принесли в нынешний сельский мир? Начнем с дефиниций.

Фермерство: вариации исходного определения

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН в связи с начавшимся Десятилетием (2019–2028 гг.) семейных фермерских хозяйств дает такое определение: «Семейное фермерское хозяйство охватывает все виды ведения сельского хозяйства силами семьи. Оно является неотъемлемой частью развития сельских районов. Семейное фермерское хозяйство — это земледельческое, лесное, рыболовное, пастбищное производство и производство аквакультуры, которое ведет и которым распоряжается семья и которое преимущественно полагается на семейный труд — как мужчин, так и женщин. Семейное фермерское хозяйство также играет важную социально-экономическую, экологическую и культурную роль»².

Здесь учтены свойства и функции фермерства, сложившиеся в мире к началу XXI века. Наша страна не исключение. Прототипиче-

2. FAO and IFAD. 2019. *Начало десятилетия семейных фермерских хозяйств Организации Объединенных Наций, 2019–2028 гг.* Рим. URL: <http://www.fao.org/family-farming-decade/about/ru/> (дата обращения: 24.07.2021).

ские формы фермерства укоренены в хозяйственно-экономических акциях традиционного крестьянского двора. Его многовековая история претерпевает нынче новые, еще неясные по последствиям трансформации. Обновляется и языковой инструментарий: на смену крестьянскому «двору» все чаще приходят «подворье», «усадыба», «поместье». Принятие в 1990 году Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»³ привело к взлету частотности словоформы «фермер», «фермерство», и это зафиксировал Национальный корпус русского языка.

В европейских языках понятие «фермерство» имеет лаконичное, не прибегающее к детализации, определение. Фермерство — это и *farming* (англ.), и *die Landwirtschaft* (нем.), и *agriculture* (франц.), и *contadini* (итал.), и *labranza* (исп.)⁴. В современном русском языке содержание этого понятия выражается описательными лингвистическими конструкциями. Так, «фермерство» — это «занятие фермера» (Толковый словарь Ушакова, 2008), «ведение хозяйства на ферме» (Словарь иностранных слов русского языка, 2012), «фермерская система хозяйства» (Энциклопедический словарь, 2002), «пребывание в должности фермера» (Толковый словарь Ефремовой, 2006).

В просмотренных словарях не найдено примеров определения фермерства посредством интегральной словоформы, отвечающей канонам научного понятия, — быть выраженным с помощью цельной лексемы. Однако будучи даже поверхностно знакомым с тезаурусом богини плодородия Деметры, давно усвоенным в корпусе русского языка, резонно определять «фермерство» лаконичней, проще и привычней для слуха — как «земледелие», «хлебопашество», «хлеборобство». Как «крестьянство». Есть же старинный глагол «крестьянствовать», то есть «заниматься земледелием, крестьянским трудом» (Толковый словарь Ушакова, 2008); «пахать, заниматься крестьянством» (Словарь Даля).

Спустившись на глубокие горизонты языка, мы видим архаический, но легко распознаваемый лингвостилистический пейзаж: «тяжание». Так обозначается в церковно-славянском языке «земледелие», «крестьянство», «землепашество». Эта лексема втянула в себя значимые событийные сгущения. «Тяжание» «рифмуется» с «послушанием» как добродетелью христианина («крестьянина»). В «тяжании» слышится и «труд», и «трудность», и «тяжесть труда». В «тяжании» человек библейски приговорен к неотменимому его «тяготе» — «в поте лица твоего...» (Быт 3:19). Это существенное рисует процессуальность хлебопашества как безотдышного физического усилия: крестьянин знай себе тянет по земле инструмент выживания — орало, соху, борону, волокушу.

3. Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

4. Источник определений: Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/dictionaries> (дата обращения: 24.07.2021).

Но если бы только земля, пашня, жатвина! Если бы только эта крестьянская беготня! Войдя в сельскую общину, заглянув в крестьянский двор, мы видим, что в «тяжании» запрятан важный организационно-управленческий, политико-экономический, а также фискальный смысл. Последний штучно схвачен в языке — существительное «тяжание», посредством чередования согласных в корне, преобразуется в отглагольную форму «тягло». Оттолкнувшись от свойственной русской речи наглядности («тяглый скот», «работать на двух тяглах»), «тягло» перелетает в деловую речь, закрепляя систему отношений крестьянского двора с общиной и государством. «Тяглом» именовались денежные и натуральные повинности крестьян. «Тяглом» обозначалась и крестьянская семья, и количество трудоспособных в семье как единице при разверстке барщины и оброка. Тягло — это и сама крепостная повинность, налагаемая на такую единицу. Тягло — это и представление о земельной оснащённости, а также о «производственной мощности» конкретного двора. Крестьяне оценивали хозяйственную полезность каждого участка в условных единицах, «тяглах», — сколько «тягл» находилось в распоряжении хозяйства, столько же пропорциональных долей оно и должно было вносить в общую сумму поземельных налогов, уплачиваемых сельской общиной⁵. И весь этот многовековой крестьянский жизненный пейзаж, это вечное «тяжание» запечатлевалось в работе миллионов человеческих рук, вооруженных элементарным орудийным набором, первые образцы которого (плуг, цеп, серп, коса) возникли еще в эпоху неолита.

Технический прогресс убирает из сельскохозяйственных технологий мизансцены тяжелого ручного труда. Это отражается и в языковых форматах. Старозаветное «тяжание» сменилось щадящим «крестьянствованием». Возникли описательные формулы, усредняющие аграрные и индустриальные практики, придающие управленческо-распорядительным речам солидность и весомость — «сельхозработы», «сельские занятия», «сельский труд», «аграрная занятость», «аграрная сфера», «агросистема».

Однако именно «фермерство» прочно вошло в ряд русскоязычных дискурсивных форматов — экономических, политических, хозяйственных, юридических, социальных, демографических, статистических, вплоть до разговорно-бытовых. Заимствованное из англоязычного словаря, это понятие укоренилось и удостоверно безусловно «нововведенческую» устремленность нынешних форм сельского хозяйства. Последние также начали именоваться по-новому — «агробизнесом». «Фермерство» — прощальная отмашка «двору», знак «отречения» от тягот «крестьянствования», не говоря уж о каторжности «тяжания». Но вовсе расстаться

5. Подробнее о термине «тягло» см. статью в Википедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%8F%D0%B3%D0%BB%D0%BE> (дата обращения: 09.08.2021).

с «крестьянством» не удается. Лексически выставляемое за ворота, оно то и дело заглядывает в разные щели и окошки, в том числе законодательные. Результат обнадеживает.

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное фермерство: сигналы новизны

Правовое предощущение поколенческого сдвига

О предчаянии перемен свидетельствует не лишняя курьезности формула организационно-юридического закрепления института «фермерства». 1990 год, гремит перестройка, стартуют экономические реформы, открыты валютные обменники. Общее настроение — «время, вперед!». Вчерашний день тускнеет, но его тяга могуча. Сознание законодателей претерпевает состояние некоей раздвоенности, бинарной детерминации — советским прошлым и не вполне ясным будущим. Результат — заглавие Федерального закона № 348-1 от 22.11.1990 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Лексема «фермерское» застенчиво взята в скобки. То же самое наблюдается и в последней редакции закона № 74-ФЗ, принятого в мае 2003 года. Зачем потребовался законодателям такой лексический «дуплет»? Для балансировки политических позиций и социальных времен. Форма названия выдает нутро мировоззрения. Требующее отсылочно-разъясняющих скобок представление о фермерстве говорит о двух — если и не воюющих, то оппонирующих друг другу — взглядах на предмет закона. Это и признание основательности института крестьянства, уважительное отношение к его тысячелетним хозяйственно-экономическим традициям, и растущее понимание пока что извинительного, но все же явного анахронизма традиционных сельских миров. А в целом — это предощущение модернизированных форм аграрного хозяйствования, сберегающих, разумеется, фонд жизненных традиций крестьянства, но все-таки решительно идущих по пути рациональных, рыночно ориентированных действий, уже не вполне откликающихся на устаревающие «крестьянские» имена. Уже сам заголовок Федерального закона № 74-ФЗ выступает как своеобразный «лифт» в будущие порядки аграрной подсистемы общества. Как работает этот идеологический, организационный и социально-культурный «подъемник»?

Отечественное фермерство началось как заведомо современная хозяйственная и социально-экономическая институция, как зона инновационной активности, как модная тема публицистики, увлеченной возможностью говорить о сельских проблемах иначе, чем в дежурном жанре «Вести с полей». «Фермерство» — как формула, как «заморское» имя — принесло с собой в мир особое, для того времени необычное, широко разлитое в тогдашнем общественном сознании и медиапространстве настроение. Начав свою легализованную организаторскую и пропагандистскую работу, фермерское настроение стало во многом определять состав динамично меняющегося сельского мира, начало понемногу, но с настойчивым упор-

ством обводить акцентирующими контурными линиями его новую «сложенность» и «слаженность»⁶.

С той поры миновало тридцать лет. Календарное время стало *временем поколения*. На смену фермерскому «разведотряду» пришли и развернули хозяйственно-экономическую и социальную активность представители следующего поколения («посткрестьяне», «новые фермеры», «новые поселяне»). Высветилась иная, не дробная, размерность сущего. Количество земледельческих сезонов, отработанных людьми деревни, день за днем пропущенных сквозь животворную стихию хозяйственно-экономических практик сельчан, перешло в качество, закономерно упаковалось в некое социально-экономическое единство. Набранная поколенческая высота придает этой картине обозреваемую панорамность. Выделим лишь два момента.

Первый, «счетный», количественный. Всероссийская сельскохозяйственная перепись (ВСХП) 2016 года зафиксировала сокращение крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) почти на 46,0% по сравнению с 2006 годом (до 136,7 тыс.). Однако количество индивидуальных предпринимателей (ИП) за этот же период выросло на 19,1% (до 38,1 тыс.)⁷. Почему произошло падение количества КФХ? Во-первых, со «сцены» ушли фиктивные фермерские хозяйства, которые фактически не занимались производством, а держали землю «на потом» или сдавали ее в аренду. Ужесточение земельного и налогового законодательства вынудило их свернуть эту деятельность. Во-вторых, налицо весьма запутанная система регистрации фермерских хозяйств, которые статистически «размываются» по иным категориям сельхозпроизводителей, усугубляя картину сокращения численности КФХ.

За «послепереписные» пять лет произошло еще большее сокращение КФХ. В очередной ВСХП осени 2021 года планируется охватить всего 144,9 тыс. КФХ и ИП, а это меньше показателя 2016 года на 29,9 тыс. Спрашивается, это плохо? Как посмотреть. Новейшие данные Росстата по производственным показателям говорят, что КФХ и ИП не только не сбавили свое производство со времени последней переписи, но значительно увеличили его, а по ряду культур даже превысили показатели сельхозорганизаций. Так, по данным Росстата, удельный вес валовых сборов КФХ и ИП востребованных сельскохозяйственных культур (зерновые и зернобобовые, лен-долгунец, семена подсолнечника, картофель, овощи) в 2020 году составил 30% от удельного веса таких сборов по хозяйствам всех категорий. Причем удельный вес валовых сборов, рассчитанный как суммарный показатель по таким категориям хозяйств, как малые

6. Подробнее о «сельском мире» как форме человеческого присутствия на земле см. в статьях В. Г. Виноградского (Виноградский, 2018, 2019).

7. Источник: URL: <https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/agropromyishlennyyj-sektor/kopiya-podderzhka-selskogo-khozyaystva-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 28.08.2021).

сельхозпредприятия (фактически те же КФХ), собственно КФХ и ИП, по указанным сельскохозяйственным культурам в рассматриваемом году составил почти 60% от таких сборов по хозяйствам всех категорий, превышая подобный показатель по крупным и средним сельскохозяйственным организациям более чем в 1,5 раза. Подобного рода перемены акцентов не в последнюю очередь порождены, как мы полагаем, именно поколенческими сдвигами.

Второй момент, «кавалитативный», чувствительный. Экономический социолог отмечает: «При впечатляющем росте доли фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве ожидания начала 1990-х о превращении “фермерского класса” в главного кормильца страны не оправдались. Фермерство не стало, да и не могло стать серьезной альтернативой крупным сельхозпредприятиям и особенно агрохолдингам» (Фадеева, 2018: 144). Эта в целом справедливая оценка существенно уточняется, если прильнуть к земле. Вот «голоса снизу». Говорит специалист департамента агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды Белгородской области.

«Фермер по определению не может накормить страну. Точка! Фермеры — это вроде как структурные подразделения крупных холдингов. Они в целом движутся в русле единой финансово-производственной политики холдинга. Пусть они и мелкие, но для них шаг влево, шаг вправо равнозначен побегу. Побегу из большой системы. И только эта система может накормить такую страну, как наша. Есть, конечно, и беглецы. Их у нас мало, наперечет. Я могу назвать несколько таких. Тут особый случай. Досьета накормит страну способен холдинг. А вот угостить человека, потчевать его вполне способен вот такой фермер-беглец. Они уже торгуют на рынке. И к ним, я вижу, очереди стоят...»

Обобщающее наблюдение чиновника подтверждается и нашим экспедиционным опытом.

А теперь фрагмент интервью с владелицей фермы органических продуктов (хутор Савенки, июнь 2021 г.):

«— В чем основное преимущество фермерства перед холдингами?»

— Фермерство сохраняет аутентичность пищевого вещества природы. Вот что главное. Наша продукция максимально специфична. Она природоподобна. В условиях холдинга этого эффекта достичь просто невозможно. Это все равно как заводская столовая, где борщ готовят на пять тысяч человек. Эксклюзивность и качество продукта возможны, строго говоря, лишь в малом, фермерском хозяйстве. В агрохолдинге эта ситуация невозможна и нелепима...

— А почему?»

— Они это сделать просто не смогут. В агрохолдинге эксклюзивную продукцию просто невозможно производить, в агрохолдинге главенствует экономика. Просто разные ценностные приоритеты у фермеров и холдингов. У холдинга на первом месте исключительно экономика. Люди должны получать хорошую зарплату, хозяин заинтересован в максимальной прибыли. А в маленьком фер-

мерском хозяйстве человек получает удовольствие от того, что он каждодневно возится с природой. Это чувство передается и самой фермерской продукции. Это все равно как еду готовит любимая женщина или чужая повариха. Из продуктов уходит некая эфирная субстанция. И все это, как я вижу, доходит до сознания покупателя. Да вы посмотрите на домашние соленья. И на них же, но изготовленных в цеху. И запах, и вид совершенно разные...»

Вряд ли нужно подробно комментировать эту «новофермерскую» позицию. Иной язык, свежие ориентиры, неподдельный кураж.

Что видно в поколенческой проекции?

Поколенческая высота порождает систему исследовательских координат, сглаживающих рябь фактов. Ей присуща аналитическая энергетика, способная переставлять вещи мира в ином констелляционном порядке. Картина меняется. Известная афористическая формула Теодора Шанина «Иное всегда дано» указывает на необходимость удержания в познании представлений о темпах и формах социального времени, отвердевающего в пространстве существования. Именно поколенческий взгляд дает почувствовать и аналитически освоить укрупненные параметры социального бытия, высветив главное и уведя в тень случайное и опрометчивое.

Так что же видно? То, что ранний, захваченный возможностями начала 1990-х, «труженик села», вчерашний колхозник и, с другой стороны, современный, начала 2020-х, искушенный пробными практиками отцов, а также собственным хозяйственным и торговосбытовым опытом, фермер — это различные, один другому «иные» человеческие образцы. Сегодня они физически сосуществуют, наблюдают друг друга, пошучивая либо горячась. Но смена этих разных поколений уже неотвратима.

Такая поколенческая событийность именуется исследователями как время «посткрестьян» (см. разработки историка В. В. Бабашкина, социолога И. П. Басалаевой и др.), как пора «новых крестьян России» (исследовательские проекты этнографа О. Ю. Артемовой). Этот познавательный-аналитический пейзаж возник как реакция на открывшийся взору поколенческий сдвиг. В отечественной социологической науке последних лет, посвященной сельской проблематике, усилиями ряда специалистов создана активная зона интеллектуальных интересов и перспективных замыслов (Бабинцев, Ечин, 2001; Бражник, Шевченко, 2014; Великий, 2016; Дементьев, 2014; Евдокимова, 2016; Калугина, Фадеева, 2009; Кученкова, 2016).

Однако в массовом социологическом дискурсе проблематика перспектив эволюции сельского социума не занимает пока заметного места. Мало внимания уделяется пониманию процессов эволюции сельских миров, редко интересуются экзистенциальным самочувствием нынешних «посткрестьян» и «новых поселян», которые, судя по бег-

лым наблюдениям, способны к производству новых, «иных» форм социальных и культурных практик. Последние отличаются своей многонацеленностью: эпизоды нарочитой архаизации хозяйственно-экономических и бытовых жизненных практик соседствуют с поистине «новоренессансными», порой курьезными пробами, опирающимися на затейливый культурно-исторический кругозор «новых поселян».

При этом целым рядом авторов отмечается некий парадокс: данные государственной статистики России говорят о том, что суммарное количество сельского населения постепенно растёт, в то время как численность занятых в аграрной сфере экономики продолжает сокращаться. В ряде регионов имеет место накачивание урбанизационных векторов и тенденций с параллельным ростом сельской безработицы. Перекраивается картина принадлежности продуктивных земель: их площади переходят в агрохолдинги и концентрируются в них. Владельцы этих аграрных монстров активно выкупают за внушительные для деревни суммы земельные паи сельчан. Лучшие участки земель буквально выдергиваются на правах аренды индивидуальных паёв из многогектарных владений бывших хозяйственных институций (колхозов, совхозов, племенных хозяйств).

Что же касается мелких частных крестьянских образований (а по сути — слегка модернизированных крестьянских семейных дворов), то они вместе с землей присоединяются к более крупным аграрным производственным структурам. А их хозяева, принудительно поставленные в ситуацию, в которой они вынуждены существенно понизить свой социально-экономический статус и утратить внутриселенческий авторитет, становятся наёмной рабочей силой. И это если, что называется, «повезет по жизни». В худшем случае они систематически пополняют деревенский прекариат. Отсюда нередки эксцессы пьянства, соседских ссор, мелкого воровства, изнурительных вахтовых работ, бесцеремонно разрушающих исправно функционирующие прежде семейные организмы. Такие жизненные обстоятельства ведут к мучительному раздвоению личности. Человек, пытаясь как-то наладить или поменять механику своей ежедневной жизни, рвет семейные обязательства, покидает деревню и, как правило, минуя райцентр, где он известен не хуже, чем дома, устраивается в областном городе, соглашаясь на низкооплачиваемую и непрестижную работу (дворники, охранники, работники коммунальных служб, грузчики на предприятиях ритейла и т.п.).

На глазах происходит и социально-пространственное опустошение, примитивизация сельской жизненной среды. Ее покидают скромные по масштабу, но десятилетиями выполнявшие свои задачи институции, ответственные за образовательные, культурные, медицинские услуги. Заметно обескровились, исчезли сети былой, хоть и редкой, но все же до поры исправно действующей транспортной системы, в результате чего обезлюдели прежде обжитые, посещаемые городской роднёй и систематически обихаживаемые (ремонт жилья, поддержка в порядке огородов, садов, ягодников)

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное
фермерство: сигналы новизны

уголки сельских пространств. И это только самые заметные, бросающиеся в глаза моменты «упрощения» сельских территорий.

Так, одно из крупных поволжских сёл, в которых авторам довелось в 1990–1994 годах работать полевыми социологами в крестьяноведческом проекте Теодора Шанина, за прошедшее с той поры время (поколенческая ступень) потеряло: 1) одну водяную мельницу, 2) четыре животноводческих фермы, 3) ремонтные мастерские сельхозтехники, тракторов и комбайнов, 4) великолепную по качеству хлеба пекарню, 5) низовое отделение районной лесоохранной службы, 6) лесопилку, 7) кирпичный завод, 8) 60-гектарный фруктовый сад, 9) старшие классы в местной школе, 10) отделение почты, 11) отделение сбербанка, 12) столовую, 13) магазин промтоваров, 14) книжную лавку, 15) службу пожарной охраны. С начала 2000-х годов отменено регулярное автобусное сообщение этой придорожной деревни как с районным центром, так и с обширным кустом окрестных сел, деревень и хуторов.

Контурь нового поколенческого мира

Справедливости ради нужно отметить, что данная ситуация начинает в последнее время подвергаться интенсивному и умелому ремонту в ряде регионов. Самые заметные социально-пространственные изменения выражаются в том, что такие места уже начали осваиваться так называемыми «одинокими фермерами» — людьми состоятельными, как правило, выходцами из города, работающими «на удаленке» и желающими решительно обновить свои житейские судьбы. Роль такого «фермерства» в повседневной жизни села пока что подробно не изучена, однако его присутствие в деревенском жизненном пространстве стало ощутимо в ряде регионов. Разумеется, официальная статистика имеет основания пока что пренебречь учетом такой и подобных ей социальных групп. Но ее реальное появление сигнализирует о начавшемся очередном поколенческом сдвиге, результаты которого вполне проявятся спустя очередные тридцать лет.

Можно с определенным основанием утверждать, что социально-экономическая ситуация, складывающаяся в последние годы в сфере активного хозяйствования на земле, включая разнообразные организационные формы последнего (агрохолдинги, крупные и мелкие сельхозпроизводители, микромасштабные ЛПХ сельских обывателей), — эта ситуация начинает постепенно претерпевать ряд эволюционных изменений, сущность и формы которых заслуживают специальных исследовательских усилий, связанных с координацией работы социологов в различных регионах сельской России.

Но если сузить это обширное исследовательское поле до обозреваемых масштабов, доступных для системного (не только обзорно-аналитического, но и экспедиционного «включения» в сельские миры) изучения, то весьма целесообразным может стать сосредото-

точение на вопросах, в архитектуре которых заметны тенденции суммирования, накопления, интегрирования опытов хозяйственно-экономического, а также социально-культурного существования в отдельных сегментах отечественного *фермерского сообщества*.

Именно в такой исследовательской проекции становится заметным некое фундаментальное обстоятельство. Его традиционно принятое лексическое обозначение в некотором роде призрачно, эфемерно. Оно даже маргинально в тезаурусе академической науки. Но именно это обстоятельство — если по достоинству оценить не потерявший своей актуальности творческий и гражданский настрой так называемых писателей-деревенщиков (Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова), сумевших в подробностях воспроизвести в своих текстах полнокровный, живой, дышащий «сельский мир», — это обстоятельство продолжает иметь место и сохранять свою бытийную мощь, свою гравитационную силу.

«Зов земли» — таково его фигуральное, «не-понятийное» обозначение. Ну и пусть — даже в индустриальном, «расколотом» мире смутные влечения живой человеческой души сохраняют в себе неотъемлемую модальность первичной телесности человека и надстроеного над ней душевного мира. Этот влекущий голос вечен, хотя воплощается на каждой исторической ступени аграрных хозяйственно-экономических и социальных практик в разнообразных влечениях и порывах.

Именно современный фермер, за плечами которого в исторической дымке кроется деревенский народ — хозяева крестьянского двора, умелые землепашцы, пресловутые «кулаки», да даже и недавние колхозные бригадиры (рассказами о мастерстве и преданности земле которых наполнены семейные истории, записанные в экспедиции Т. Шанина (Рефлексивное, 2002)), — именно современный фермер в лице лучших представителей занят сегодня подлинным освоением земли. Именно он способен отчетливо слышать этот самый «зов земли». И в этой его незаурядности одно из коренных отличий от ведущего настроения топ-менеджеров отечественных агрохолдингов, начальственно присвоивших и нещадно топчущих землю ради роста прибылей. Принципиальная разница между изначальной органикой крестьянско-фермерского «зова земли»⁸ и бесстрастным механицизмом эпохи «Machenschaft» (М. Хайдеггер) понята русским философом: «Только умение обращаться с землей как родом, по сути дела, стоит в основе прав отдельных землевладельцев и объединяет их. <...> Освоение земли отличается от присвоения и его единственно оправдывает. <...> Освоить землю по-настоящему может толь-

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное фермерство: сигналы новизны

8. В рассказе «Много ли человеку земли нужно» Л. Н. Толстой говорит о хозяйственной крестьянской прицеленности Пахома, об азарте владения годными для разных аграрных действий земельными участками. «Прошел еще и по этой стороне много, хотел уж загигать влево, да глядь — лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думает: “Лен тут хорош уродится”» (Толстой, 1963: 395).

ко тот, кто сделал ее *своей* не в смысле нотариального закрепления, а так, как врастает в землю крестьянин, “отсталость” которого терпеливо ждет своего будущего» (Бибихин, 2012: 154).

Интуитивное предощущение и анализ фермерского «будущего», его «удостоверяющее усмотрение» (Хайдеггер) должны быть заложены и в исходный замысел, и в полевые процедуры. К счастью, работа начинается не на пустом месте. Ряд исследовательских опытов сельских социологов демонстрирует, какое значение современный фермер придает таким социально-экономическим материям, как «отношение к земле». Изучая менталитет российских фермеров, социолог И. В. Логунова фиксирует аналогичный (по смыслу и по языковой форме) с приведенным выше («зов земли») индикатор социально-хозяйственного настроения — «желание земли». «Фермеров характеризует такая черта, как “желание земли” — желание трудиться на земле и владеть ею. Фермер Чернухин, создавший первое в Лебедянском районе Липецкой области фермерское хозяйство, пояснял: “Хочу быть господином на своей земле. И чтобы никто не мешал”» (Логунова, 2013: 127). Автор считает, что фермерам изначально свойственно «развитое “чувство хозяина”, тяготение к свободе и самостоятельному ведению хозяйства» и цитирует нарративы: «Липецкий фермер М. П. Неплюев: “Эх, не завидую я колхозникам, которые нынче вывеску заменили. Командуют ими по-прежнему, трудом их распоряжаются. Разве почувствовали они себя хозяевами, несмотря на все реформы? Мне, по крайней мере, не приходится разрываться на части между колхозом и подворьем. Винить в неудачах могу только себя”. Ему вторит фермер из Воронежской области А. Авдеев: “Я ушел из колхоза, чтобы получить свободу, независимость, не опуститься”. Проявляя стремление к независимости, сами фермеры строго подходили к оценке имевшихся у них личностных качеств, приемлемых для единоличного ведения хозяйства. По данным опроса фермерских хозяйств Жердевского района Тамбовской области, проведенного в 1993 году, 60% опрошенных полагали, что “самостоятельно вести фермерское хозяйство способны единицы”» (Там же).

Это исследование было выполнено «на старте» отечественного фермерства, в пределах короткой, не более десяти лет, дистанции от начала фермерского движения. Тем более интересным будет анализ феноменологических трансформаций этих личностных, сопряженных с рядом социальных качеств уже на новой поколенческой ступени фермерского сообщества.

Заключение

Мы опираемся на тридцатилетний опыт фермерского существования — технологического, организационно-правового и хозяйственно-экономического. В данной исследовательской проекции важен экзистенциальный фермерский «основострой» повседневных жиз-

ненных практик. Их формирующееся социальное, этическое и культурно-эстетическое самоощущение. Оно возникло как человеческая реакция на деконструкцию сельского мира эпохи колхоза, где настроение согласия вытекало не из общинной памяти односельчан, а задавалось сконструированной политико-экономической «равновесностью», «винтикообразностью» сельских работников перед лицом властей. Представление о подобном равенстве, автоморфизме было в свое время сформулировано В. И. Лениным, который с мечтательной повелительностью заявил: «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» (Ленин, 1974: 208). Рубежные десятилетия XX и XXI столетий стали временем, когда из рассыпающихся «колхозных батальонов» возникли самостоятельные хозяева, с таким же инновационным упованием названные по-иноземному «фермерами». Они часто не похожи друг на друга по хозяйственным тактикам, привычкам и выполняемым ролям. Каждого из них уже вряд ли можно безболезненно загнать в какие бы то ни было типовые, усредняющие и обезличивающие ячейки.

Располагая объемом массивом профессиональных знаний, технологических умений, коммуникативных навыков и организационных возможностей, научившись всей этой мастеровитости, вобравшей в себя многочисленные попытки и опыты, фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал предощущаемых и уже прошедших апробацию перемен, который уже не может не создать ансамбль различных, в том числе и весьма перспективных, детерминированных будущим форм жизни на земле и землей. Они поистине многообещающи и порой загадочны. Фермерство в его новой поколенческой инкарнации заслуживает неторопливого и зоркого наблюдения.

Библиография

- Бабинцев В. П., Ечин Н. М. (2001). Ценностный мир современного российского крестьянства // Крестьянство в исторической судьбе России / Науч. ред. В. П. Агафонов. М.: Изд-во МСХА. С. 537–545.
- Бибихин В. В. (2012). Собственность. Философия своего. СПб.: Наука.
- Бражник Г. В., Шевченко Н. В. (2014). Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. Вып. 28. № 9 (180). С. 60–65.
- Великий П. П. (2016). Стойкость российского села: настоящее и будущее // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж. Т. Тощенко; редактор-составитель Д. Г. Цыбикова. М.: РГГУ. С. 127–133.
- Виноградский В. Г. (2012). Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ.
- Виноградский В. Г. (2018). Сельский мир как познавательная проекция // Новый мир. № 7. С. 167–175.
- Виноградский В. Г. (2019). Сельские миры: опыт социологической реконструкции // Социологические исследования. № 5. С. 3–13.
- Дементьев И. А. (2014). Радиус доверия сельского населения Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 2. С. 26–31.

- Евдокимова Т. Г. (2016). Ценности и ценностные ориентации сельского населения России: прошлое и настоящее // *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)* / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М. С. 146–166.
- Калугина З. И., Фадеева О. П. (2009). *Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Кученкова А. В. (2016). Взаимопомощь как основа неформальных экономических отношений в жизни сельчан // *Социология жизни: теоретические основания и социальные практики* / Под общ. ред. Ж. Т. Тощенко; редактор-составитель Д. Г. Цыбилова. М.: РГГУ. С. 158–163.
- Ленин В. И. (1974). *Очередные задачи советской власти* // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. Т. 36.
- Логунова И. В. (2013). Особенности становления менталитета российских фермеров (на материалах Центрального Черноземья) // *Проблемы развития территории*. № 3 (65). С. 124–129.
- Рефлективное крестьяноведение (2002): Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Фадеева О. П. (2018). Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра // *Крестьяноведение*. Т. 3. № 1. С. 141–173.
- Толстой Л. Н. (1963). Много ли человеку земли нужно // *Собрание сочинений в двадцати томах*. М.: Государственное издательство художественной литературы. Т. 10. С. 384–396.

Farming and the rural world: A generational change

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Leading Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Olga Ya. Vinogradskaya, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Abstract. The authors systematize the types of circumstances which explain the objective change in rural (in particular farmer) generations of new Russia. Farming is considered in the double linguistic perspective — as a general definition and as a name of agrarian economic practices in their historical evolution. The authors examine the specific form of the legislative consolidation of the concept of farming, which directly indicates its transitive social-cultural mission; analytically assess the potential of the generational approach to the study of farming; suggest some key features of the new farming world and the ways of life which the next generation of farmers would choose. The authors conclude that the existing farming 'society' has accumulated a potential of changes which have already passed the initial approbation and can ensure the development of various, including very promising, activity models, forms and patterns for the future.

Key words: farming, generational approach, generation, peasant economy, farmer, rural world, rural areas, everyday life practices

References

- Babintsev V. P., Echin N. M. (2001) *Cennostnyj mir sovremennoego rossijskogo krest'yanstva* [The value world of the modern Russian peasantry]. *Krest'yanstvo v istoricheskoy*

- sud'be Rossii* [The peasantry in the historical fate of Russia] Scientific. ed. V. P. Agafonov, Moscow: Publishing house of Moscow Agricultural Academy, pp. 537–545.
- Bibikhin V. V. (2012) *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of one's own], Saint-Peterburg: Science.
- Brazhnik G. V., Shevchenko N. V. (2014) Faktory riska pri formirovanii social'nogo kapitala na sele [Risk factors in the formation of social capital in the countryside] *Scientific statements. Philosophy Series. Sociology. Right*, vol. 28, no 9 (180), pp. 60–65.
- Velikiy P. P. (2016) Stojkost' rossijskogo sela: nastoyashchee i budushchee [The Resilience of the Russian Village: Present and Future] *Sociologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i social'nye praktiki* [Sociology of Life: Theoretical Foundations and Social Practices] Ed. ed. Zh. T. Toshchenko; editor-compiler D. G. Tsybikova, Moscow: RGGU, pp. 127–133.
- Vinogradsky V. G. (2012) *Protokoly kolhoznoj epohi* [Protocols of the collective farm era], Saratov: Publishing house Sarat, Institute RGTEU.
- Vinogradsky V. G. (2018) Sel'skij mir kak poznavatel'naya proekciya [The rural world as a cognitive projection]. *Novyj mir*, no 7, pp. 167–175.
- Vinogradsky V. G. (2019) Sel'skie miry: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii [Rural Worlds: Experience of Sociological Reconstruction]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 3–13.
- Dement'ev I. A. (2014) Radius doveriya sel'skogo naseleniya Arhangel'skoj oblasti [Radius of trust of the rural population of the Arkhangelsk region]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki»*, no 2, pp. 26–31.
- Evdokimova T. G. (2016) Cennosti i cennostnye orientacii sel'skogo naseleniya Rossii: proshloe i nastoyashchee [Values and value orientations of the rural population of Russia: past and present]. *Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustya (konec 1980-s — seredina 2010-h gg.)* [The life world of Russians: 25 years later (late 1980-s-mid 2010-s)]. Ed. Zh. T. Toshchenko, Moscow: TsSP and M., pp. 146–166.
- Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. (2009) *Rossijskaya derevnya v labirinte reform: sociologicheskie zarisovki* [Russian village in the labyrinth of reforms: sociological sketches], Novosibirsk: IEIE SB RAS.
- Kuchenkova A. V. (2016) Vzaimopomoshch' kak osnova neformal'nyh ekonomicheskikh otnoshenij v zhizni sel'chan [Mutual assistance as the basis of informal economic relations in the life of villagers] *Sociologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i social'nye praktiki* [Sociology of life: theoretical foundations and social practices]. Ed. ed. Zh. T. Toshchenko; editor-compiler D. G. Tsybikova, Moscow: RGGU, pp. 158–163.
- Lenin V. I. (1974) Ocherednye zadachi sovetskoj vlasti [The next tasks of the Soviet government] *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], Moscow: Publishing house of political literature, vol. 36.
- Logunova I. V. (2013) Osobennosti stanovleniya mentaliteta rossijskikh fermerov (na materialah Central'nogo Chernozem'ya) [Features of the formation of the mentality of Russian farmers (based on the materials of the Central Black Earth Region)]. *Problemy razvitiya territorii*, no 3 (65), pp. 124–129.
- Refleksivnoe krest'yanovedenie* (2002): *Desyatiletie issledovanij sel'skoj Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia] Ed. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov, Moscow: MVSHSEN, «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN).
- Fadeeva O. P. (2018) SHtrih k fermerskomu proektu: altajskaya palitra [Traits for a farm project: Altai palette]. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 1, pp. 141–173.
- Tolstoy L. N. (1963) Mnogo li cheloveku zemli nuzhno [How Much Land Does a Man Need] *Sobranie sochinenij v dvadcati tomah* [Collected Works in twenty volumes], Moscow: State Publishing House of Fiction, vol. 10, pp. 384–396.

В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская
Отечественное
фермерство: сигналы новизны

Цыгане в постсоветском Крыму: вопросы миграции и интеграции¹

Т. Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Аннотация. На протяжении всего времени существования института государства маргинальные группы были проблемой для его эффективного функционирования и развития. Одной из самых распространенных и многочисленных маргинальных групп в мире является целый этнос — цыгане. Они много столетий живут рядом с другими народами, но остаются оторванными от государства и развития общественных институтов. Впрочем, благодаря глобализации и эмансипации самих цыган ситуация постепенно меняется. Социальная стигматизация и дискриминация цыган в некоторых странах еще отделяет их от процессов в обществе, но существуют примеры и успешной социализации (например, на постсоветском пространстве). Статья посвящена рассмотрению современного положения цыган на Крымском полуострове, анализу причин их социальной изолированности и поиску особенностей взаимодействия с обществом. Отдельно раскрыта тема современных миграционных трендов цыган в регионе, проанализированы факторы расселения, а также особенности социально-экономической интеграции цыганского населения в крымское общество.

Ключевые слова: цыгане, миграция, седентаризация, кочевой образ жизни, социальная стратификация

DOL: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-146-170

Процесс глобализации, «открытые границы» между многими государствами, миграционный обмен населением, вестернизация, цифровизация снижают значение национального государства. Многие этнические группы ассимилируются более крупными народами, некоторые теряют либо уже потеряли собственный язык, религию, культуру, традиции и другие выделяющие их черты. На фоне этого разворачиваются конфликты, иногда перерастающие в полномасштабные боевые действия. Например, одной из официальных причин конфликта на юго-востоке Украины было игнорирование властями права жителей использовать родной язык наряду с государственным.

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Слово «космополит», имевшее в советское время отрицательную коннотацию, становится обыденным для современного человека, переезжающего из страны в страну по тем или иным причинам. Подобных «человеку мира» Альберту Эйнштейну становится все больше. На смену культурным особенностям и традициям приходит высокая адаптивность и встраиваемость в то общество, в котором «космополиты» находятся в данный момент.

Но уже тысячелетие на планете существует большой народ, который, несмотря на отсутствие национального государства, проживание в большинстве стран мира, дисперсному расселению, сохраняет общие культурные и языковые особенности. Это цыгане, рома и многие другие этнонимы, которыми нарекают представителей этого народа в большинстве стран проживания (или кочевания²).

Цыганский вопрос является важной темой не только для территорий, где они концентрируются (страны Восточной Европы), но и для целых регионов (Лукьянов, 2010). Невписанность цыганских общин в социум и асоциальный образ жизни некоторых их представителей обостряют этнические противоречия. Наиболее радикальный и преступный способ решения цыганского вопроса был предпринят нацистами в 1935–1945 годах — геноцид цыган в Европе, повлекший за собой смерть сотен тысяч представителей цыганского населения (Нансок, 2006). В современном мире отношение к цыганам изменилось, предпринимаются попытки по их интеграции в социальную среду, но в большинстве стран они все еще подвергаются дискриминации. Например, в 2010 году после Лурарского инцидента французскими властями было депортировано в Румынию несколько сотен цыган, несмотря на протест Еврокомиссии и правозащитников (Parias..., 2011). Акции депортации цыган-нелегалов из Франции предпринимались и позднее.

В России цыганский вопрос также стоит очень остро. Периодически в новостной ленте появляются сообщения о сносе цыганских кварталов в разных городах страны (например, в п. Плеханово Тульской области, Перми, Екатеринбурге, Калининграде и пр.). Из-за асоциальности образа жизни некоторых цыган³ в российском обществе сложилось отрицательное мнение по поводу всех представителей этноса⁴. Наиболее эмоционально цыганский вопрос освещен в документальном фильме Б. Соболева «Бремя цыган», где продемонстрированы особенности жизненного уклада цыганского населения России (Бремя цыган, 2019). Главный те-

2. Цыгане в некоторых регионах мира продолжают вести кочевой или полукочевой образ жизни.

3. Именно так принято называть ромов в российском обществе.

4. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2015 г. в 46 регионах России, около 90% респондентов относятся к цыганам негативно либо безразлично (Российские..., 2016).

зис фильма заключается в том, что в обществе существует цыганская проблема, но никто не предпринимает никаких действий по ее решению.

Цыгане традиционно населяют Крымский полуостров. Они появились в регионе еще во времена Крымского ханства и занимали нишу мелких торговцев, ремесленников, музыкантов. За время проживания в Крыму *чингене*⁵ трансформировались, одновременно впитав черты местного крымскотатарского населения и сохранив специфику собственной культуры. В отличие от большинства российских цыган, крымские ромы являются приверженцами ислама, хотя вопрос религии для них второстепенен. Упорство чиновников в течение длительного времени в вопросе социальной интеграции цыган и их ассимиляции местным населением не дал результатов. Цыгане сохранили самобытность, не обращая внимания на продолжающуюся дискриминацию и этническую сегрегацию.

Цель данного исследования — изучение изменений и выявление специфических особенностей образа жизни цыган на фоне крымской социально-экономической трансформации после 1991 года. Статья основана на данных, полученных в результате полевых исследований цыганской диаспоры в Красногвардейском районе Республики Крым в 2015–2017 годах, а также на доступных статистических материалах: данные переписей населения 1897–2014 годов, губернские обследования, официальные отчеты чиновников и др. При изучении цыганской ситуации и их миграционного движения использовались статистические, географические, исторические и социологические методы. В полевых исследованиях использовались следующие социологические методы: опрос цыганского населения, социометрические интервью и анализ документов.

Изученность вопроса

Многовековые исследования цыган в различных странах сформировали междисциплинарное научное направление, называемое ромистикой либо цыгановедением, цыганологией (в зависимости от использования варианта этнонима). Одними из первопроходцев европейского цыгановедения были И. Рюдигер, Г. Грельманн, Ф. Миклошич, А. Паспати, А. Ф. Потт, Б. Д. Гиллиат-Смит и другие (Miclosich, 1872–1880; Miclosich, 1876; Paspati, 1870; Pott, 1964; Gilliat-Smith, 1915). Ими были выдвинуты гипотезы о происхождении ромов, рассмотрены их языковые особенности и другие специфические черты. После 1888 года в Великобритании создано общество Gypsy Lore Society, официально оформившее научное

5. *Чингене* (*чингенелер*) — это крымскотатарское прозвище местных цыган, которое активно использовалось в обществе до 1944 г.

направление цыгановедения (Зіневич, 2005). В 1936 году был издан каталог работ по исследованию цыган, который включал около 1450 статей и монографий в различных отраслях науки (*A catalogue...*, 1936).

В послевоенное время в разных странах был основан ряд исследовательских и правозащитных организаций, занимающихся цыганским вопросом: Международный комитет цыган (Франция), Институт современных исследований и документации о цыганах (Великобритания), Международный цыганский комитет в Америке (США), Центр изучения ромов (Италия), Индийский институт цыганологии (Индия) и др. Начали издаваться научные журналы *Études Tsiganes* (Франция, с 1955 г.), *Laccio Droma* (Италия, с 1965 г.), *Roma* (Индия, с 1974 г.), *Gießener Hefte für Tsiganologie* (ФРГ, 1984–1986, с 1990 г. — *Tsiganologische Studien*) и др. Это позволило сформировать комплексный подход к изучению цыганского населения в регионах мира. В эту область постоянно входят новые и новые авторы.

Исследования российских цыган проводились как отечественными, так и зарубежными учеными. Первые работы появились еще в конце XVIII века (*О происхождении...*, 1794). В первой половине XIX в. Ж. Лекоента де Лаво, И. Даниловичем, Дж. Борроу, М. И. Кунавиным были написаны описательные очерки о российских цыганах (Лекоент де Лаво, 1829; Данилович, 1826; Борроу, 1837; Елисеев, 1881). Особенно прицельно рассматривались языковые особенности этноса (Григорьев, 1851; Boehtlingk, 1853). В довоенный период антропологией российских цыган занимались К. Буницкий, В. Н. Добровольский, Ф. Домбровский, М. Плохинский, А. П. Баранников, М. В. Сергиевский и др. (Буницкий, 1861; Добровольский, 1908; Домбровский, 1855; Плохинский, 1890; Баранников, 1931; Сергиевский, 1931; Сергиевский..., 1938; и др.).

В послевоенный советский период этнографические исследования не одобрялись властями, поэтому работ выходило крайне мало. Известны труды В. И. Санарова, Н. И. Кирея, А. О. Сердюк, К. П. Крыжановской, А. О. Черенкова, Л. Мануш, Н. Велиховой и др., посвященные анализу опыта исследования цыган и проблематике их изучения в СССР (Санаров, 1971; Кирей..., 1984; Крыжановская, 1962; Черенков, 1985; Мануш, 1979; Велихова, 1972), а также изучению фольклора и языка ромов в работах И. А. Андронниковой, В. М. Бескровного, Н. Г. Деметер, Р. С. Деметра, А. Ю. Русакова и др. (Андронникова, 1963; Бескровный, 1971; Деметер, 1981; Деметер..., 1967; Русаков..., 1986).

После распада СССР появилось большое количество различных работ по историографии и исследованию современного положения цыган, их социально-экономических, культурных, институциональных и других аспектов. Историографии и анализу социально-экономического развития цыганского этноса посвящены работы Н. Ф. Бугая, Н. Г. Деметер, Н. В. Бессонова, М. В. Смирновой-Се-

славинской, Н. И. Кирея, А. В. Черных, В. И. Иващенко и др. (Бугай, 2011; Бугай, 2013; Деметер, 2000; Цыгане..., 2018; Сеславинская, 2012; Кирей, 2010; Черных, 2018; Иващенко, 2011). Изучению культурно-языковых особенностей посвящены работы О. А. Абраменко, Н. Г. Деметер, И. Ю. Махоткиной, М. В. Смирновой-Сеславинской, Л. Н. Черенкова и др. (Абраменко, 2006; Махоткина, 2012; Смирнова-Сеславинская..., 2009; Черенков, 2001). Интересны работы современных зарубежных ученых Д. Кроу, А. Лемон, Б. О'Киффе, посвященные проблематике развития общности российских цыган (Crowe, 1996; Lemon, 1999; O'Keeffe, 2013). Авторы рассматривают историю происхождения общности и трансформацию жизненного уклада цыганского населения в Российской империи, советском государстве и современной России.

Цыганские диаспоры постсоветских государств за пределами России изучались украинскими, белорусскими и молдавскими учеными, среди которых ценны статьи О. В. Беликова, Е. В. Гриневич, Н. А. Зиневич, И. А. Заатова, Т. С. Сторожко, В. Г. Цветкова и др. (Украина), О. Э. Бартош, В. И. Калинина (Белоруссия), И. А. Анцупова, И. В. Дрона (Молдавия) (Беликов, 2002; Гриневич, 2008; Зиневич, 2001; Заатов, 2009; Сторожко..., 2009; Цветков, 2008; Калинин, 1994; Анцупов, 1998; Дрон, 1999). Также полезен сборник статей украинских ученых «Ромы Украины: из прошлого в будущее», ставший итогом Международной цыгановедческой конференции (2008, г. Киев) (Роми..., 2008). В него попали результаты региональных исследований цыганского вопроса в Украине. В 2012 году в Санкт-Петербурге прошло Рабочее совещание по цыганскому языку в России, аккумулирующее накопленный опыт исследований цыганского языка, определения основных проблем его существования и путей их решения в российском обществе (Цыганский язык..., 2013).

Сюжету о крымских цыганах посвящено много работ, которые охватывают все этапы исторического, культурного и социально-экономического развития цыган в Крыму. Условно все исследования можно отнести к двум периодам — довоенному и современному. Довоенным исследованиям присущ в первую очередь описательный характер, накопление этнографического и историографического материала (Тунманн, 1936; Скальковский, 1850; Домбровский, 1855; Кондараки, 1875; Святский, 1888; Никольский, 1929; Филоненко, 1930; Ваджиб Оджа, 1928).

Среди современных работ наиболее значимы труды М. А. Араджиони, А. Р. Кучеренко, М. В. Смирновой-Сеславинской, И. А. Заатова, В. Г. Торопова, посвященные проблематике происхождения цыган на полуострове, их внутреннему делению, культурным особенностям и характеру взаимодействия с представителями других культур (Араджиони, 2010; Кучеренко, 2010; Смирнова-Сеславинская, 2016; Заатов, 2009; Торопов, 2004). Работы имеют более комплексный междисциплинарный характер. Тема современного по-

ложения цыганского этноса требует более пристального внимания из-за проблем социализации цыган в Крыму. Сегодня поиск путей их решения имеет большое значение.

Т. Ю. Гусаков
Цыгане в постсоветском Крыму:
вопросы миграции
и интеграции

Цыганская диаспора в Крыму

Сначала нужно разобраться с тем, кто же такие крымские цыгане. Стоит различать две категории: «крымские цыгане» (крымы, чингене) и «цыгане, проживающие в Крыму», поскольку это не одно и то же. Дело в том, что крымские цыгане — это отдельная этническая группа цыган, сформировавшаяся на полуострове в до-российский период под влиянием крымскотатарского населения. Большинство из них в силу разных причин покинули полуостров и проживают, например, на Кубани. А цыгане, населяющие регион сейчас, это потомки различных групп цыган (сэрвов, влахов и др.), переселившихся из соседних регионов во времена Российской империи и СССР. Поэтому те и другие цыгане хоть и родственники, но весьма отдаленные.

Теперь рассмотрим историю цыган Крыма. Цыганское население полуострова формировалось двумя волнами. Первую волну составляли цыгане, мигрировавшие в Крым с Балкан (современная Болгария, Греция, Македония) еще в XIV–XV веках, они получили этноним «чингене» на турецкий манер⁶ (Торопов, 2004). Потомки смешанных с татарами браков — это этническая группа «дайфа». Вторая волна — цыгане, переселившиеся в Крым после 1783 года, их называли «крымитика рома» (крымы), они переселялись в регион во время и после русско-турецких войн вместе с ногайцами из Буджака⁷ (Габбасов, 2021).

Относительная лояльность политики Крымского ханства, а затем Российской империи к представителям данной этнической группы позволила цыганам расселиться по всей территории полуострова. В XVIII веке образовались компактные районы проживания цыган, например, Цыганская слобода Симферополя, район Салачик в Бахчисарае, в окрестностях города Перекоп (Армянский Базар) на севере полуострова с домами трущобного типа и помещениями в пещерах (Араджиони, 2010; Смирнова-Сеславинская, 2016). Несмотря на «привязанность» к конкретному месту, большинство цыганского населения вело полукочевой образ жизни, сезонно перемещаясь по полуострову в поисках заработка с середины марта до конца ноября. Зимой же они проводили в городах (Кондаракки, 1875: 72–73).

6. Цыган в пределах Османской империи было принято называть *чингене*.

7. Буджак — историческая область в южной части Бессарабии, в междуречье Дуная и Днестра, сегодня — юго-западные районы Одесской области Украины и южные регионы Молдавии.

Внутри «дореволюционной» диаспоры было четкое деление по видам экономической деятельности. Цыгане составляли следующие группы, которые отличались нетерпимостью друг к другу: аюджи («вожаки» медведей, занимались перепродажей, попрошайничеством, гаданием и прочими мелкими занятиями), курбеты или гурбеты⁸ (извозчики и торговцы лошадьми), халайджи (лудильщики изделий из меди), элекчи (изготавливали решета, сита и подситки), даулджи (музыканты) и демерджи (кузнецы) (Араджиони, 2010; Норманская, 2016). Хотя уже во второй половине XIX века разделение по занятиям было довольно условно (Кондараки, 1875: 74).

Кроме того, группы имели разное происхождение (Габбасов, 2021). Исследователь-цыгановед В. Г. Торопов приводит следующие наименования территориальных групп крымских цыган:

- гхэришлыдэс (керченцы);
- гёзлююдэс (евпаторийцы);
- орлудэс (перекопцы);
- джюнтукейа или дюндюкейа (джанкойцы);
- кэфэлыдэс (феодосийцы);
- кырлыдэс (степняки);
- барэ паненгэрэ (приморцы),
- кишаялэ (песчаники) (Торопов, 2003: 33).

Естественный процесс существования цыганской диаспоры был нарушен после установления советской власти на полуострове и образования СССР. Все группы по экономическим занятиям стали сливаться в единое целое (Энциклопедия, 2016: 190). Основными проблемами ромов в то время были: тотальная неграмотность, высокий уровень смертности, неформальный (нередко — криминальный) характер экономической активности, оторванность от общественной жизни, отсутствие постоянного места жительства, работы и доходов. Именно последнее привело к катастрофическому положению цыган в период голода в Крыму в 1921–1922 годах (Баранников, 1931; Зарубин, 2003; Никольский, 1929; Филоненко, 1930). Значительная часть крымцев в поисках источников пропитания была вынуждена переселиться на Кубань (Тогоров, 2010: 77). Советское правительство пыталось взять на себя решение проблем ромов (путем вовлечения в коллективизацию, денежные выплаты за оседание, наделение землей), но цыганское население не было готово отказываться от традиционного жизненного уклада (см. подробнее: Друц..., 1990: 274–312; Килин, 2005).

8. Местное население причисляло гурбетов к цыганам, хотя сами гурбеты идентифицировали себя как туркмены (Филоненко, 1930).

Рис. 1. Численность цыган и их доля в населении Крымского полуострова (1790–2014 гг.)

Источники: Заатов, 2009; Военно-статистический..., 1849; Списки..., 1865; Весь Крым, 1926; Список..., 1927; Всесоюзная..., 1939; Всесоюзная..., 1959; Результаты..., 2015; и др.

В 1944 году сформированная еще во времена Крымского ханства цыганская община полуострова была окончательно уничтожена. Геноцид немецкой оккупационной администрации во время Второй мировой войны и депортация народов Крыма, организованная советской властью в 1944 году, практически полностью лишили полуостров цыганского населения (рис. 1) (Тяглый, 2005; Переслідування..., 2013). Большинство цыган было убито нацистами «на месте» в 1941–1944 годах, а те, кому удалось выжить благодаря обману и причислению себя к крымским татарам, были депортированы в Сибирь и республики Средней Азии.

За послевоенные десятилетия цыганской диаспоре удалось «возродиться», но без дореволюционной «кастовой» стратификации. Это цыганское население уже не имело отношения к чингене и крымцам, оно мигрировало на полуостров из соседних регионов СССР (области Южной Украины, Краснодарский край). Однако для советского правительства сохранялась проблема неконтролируемости цыган из-за их кочевания. Многочисленные попытки власти привлечь цыган к социалистическому строительству и оседлости не увенчались успехом (Деметер, 2000). Впрочем, цыганское население в 1960-е годы вынуждено было перейти к оседлости по экономическим причинам. На оседание прежде всего повлияло развитие индустрии производства средств массового потребления. Традиционные виды деятельности (кустарное ремесленничество, разведение скота) перестали приносить цыганам прибыль, поэтому они оседали в городах, образуя локальные районы компактного проживания с хаотичной застройкой — «шанхай», лишённые социальной инфраструктуры и коммуникаций. Соседство других районов города с «шанхаями» быстро делало их неблагополучными.

Выбор городов в качестве основной территории расселения был неслучайным. Если в селах все на виду, часто заняты в одном колхозе, жилье могли получить преимущественно члены колхоза, то в городах меньше контроля, легче затеряться среди работающего в разных местах населения и избежать преследования за тунеядство. Но таборный уклад был сохранен, хотя и в несколько измененном виде (все члены семьи или клана подчинялись главе — «баро»). Родственные связи сохранили свою значимость, хотя авторитет баро постепенно снижается из-за развития правозащитных институтов, повышения уровня образования и дисперсного расселения цыган (Полищук, 2016).

Также стоит подчеркнуть, что образ жизни цыган в советское время и после распада СССР в Крыму существенно отличается. Советские цыгане, по мнению многих, это шумное маргинальное население, игнорирующее любые правовые и нравственные нормы, нередко нападавшее на прохожих с целью нанести материальный и моральный вред. Внешне цыгане выглядели чумазыми оборванцами, часто страдавшими педикулезом⁹. Постсоветские цыгане — это стремительно встраивающийся в крымское общество этнос, представители которого иногда внешне неотличимы от крымских татар, они пользуются социальными благами наравне с остальными этносами. Часто от соседей цыган можно слышать утверждение, что «с приездом татар цыгане стали воспитанными, цивилизовались...»¹⁰. В отличие от других этносов, цыгане выделяются эмоциональным выяснением отношений между собой, сопровождающимся рукоприкладством, криками, нецензурной лексикой, проклятиями, продолжающимися несколько часов и будоражащими соседей.

После «перестроечной» реабилитации депортированных народов в Крым, вместе с крымскими татарами, вернулись и депортированные цыгане. Длительное нахождение в местах спецпоселения наложило на них неизгладимый отпечаток. Если изначально они выдавали себя за татар, то в результате жизни в среднеазиатском обществе, где самыми родственными для них были крымские татары, цыгане ассимилировались и стали считать себя крымскими татарами. Впрочем, при этом они сохранили свой традиционный уклад жизни (носили национальную одежду, вовлечены в неформальную экономику, жили изолированно от других этнических групп). Из-за проявления этнической дискриминации со стороны крымского общества некоторые цыгане-репатрианты всячески от-

9. Кстати, одним из возможных вариантов заработка цыган была сдача в аптеки вшей.

10. Под этим понимается то, что цыганское население стало стремиться стать частью общества — оформлять документы, оплачивать счета, соответствовать общественным нормам, отдавать детей в школу, заводить дружеские/добрососедские отношения с представителями других этносов, легально работать и пр.

вергали свою принадлежность к цыганскому этносу, называя себя татарами даже в повседневной жизни. Хотя окружающее население их все равно идентифицировало как цыган.

В современный период цыганское население довольно тесно интегрировалось в социальную среду Крымского полуострова. Процесс социализации был запущен после возвращения в регион репатриантов и усиления роли государства в обществе. Дисперсное расселение, контроль над получением образования детьми, высокие риски уголовного преследования за совершение преступлений и возможность получения социальной поддержки способствовали ускорению интеграции цыган в локальные сообщества. Но желание избежать контроля и оплаты ренты вынуждает ромов селиться в поселениях, где социальными благами можно пользоваться бесплатно либо легко избежать оплаты, и трудиться в неформальной экономике с минимальными издержками. На вопрос, почему нельзя легально трудоустроиться и стать полноправными членами общества, цыгане часто отвечали, что «традиция сильнее их». А многие до сих пор уверены, что легальная занятость для цыган — это грех.

«Кастовость» крымских цыган

Смешение в 1990-е годы коренного и пришлого цыганского населения привело к формированию социального расслоения внутри цыганской диаспоры. На данный момент цыганскую диаспору можно классифицировать по трем признакам: религиозной принадлежности, характера родственных связей, а также по уровню доходов (рис. 2). По вероисповеданию цыганское население полуострова разделяется на две основные группы: цыгане-мусульмане (потомки крымцев, среднеазиатские цыгане) и православные цыгане (попавшие в регион в период с 1944 по 1990 год из регионов России и Украины).

Но эта градация весьма условна, поскольку цыганское население в большинстве своем безразлично к соблюдению религиозных ритуалов и их приверженность религии зависит сугубо от степени религиозности окружения. Если цыгане до поселения в Крым проживали, например, в регионах Западной Украины, где население трепетнее относится к религии, то, мигрировав в Крым, они так же будут посещать церковь и четко следовать всем религиозным традициям.

По характеру родственных связей цыганское население разделено на кланы. Кланов современных крымских цыган представляют собой семьи (более 20–30 человек) с крепкими социальными корнями, которые подчинены главе семейства. Таборный уклад после седентаризации трансформировался и был адаптирован к оседлости. Сохранены главные характерные особенности табора: наличие ключевой фигуры (баро), общий бюджет, закрытость семей от представителей других этносов и групп цыган, и пр.

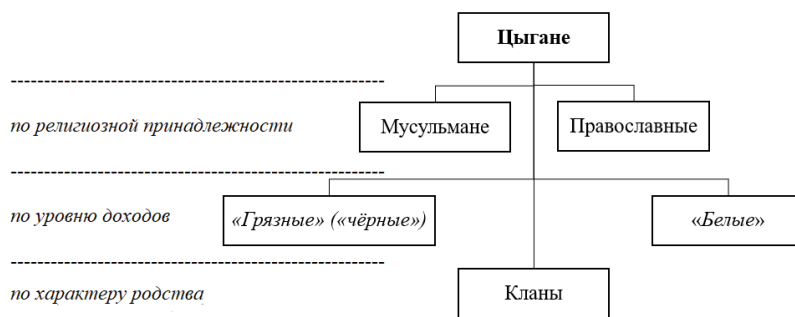

Рис. 2. Классификация представителей современной цыганской общности Крыма¹¹

Но эта градация весьма условна, поскольку цыганское население в большинстве своем безразлично к соблюдению религиозных ритуалов и их приверженность религии зависит сугубо от степени религиозности окружения. Если цыгане до поселения в Крыму проживали, например, в регионах Западной Украины, где население трепетнее относится к религии, то, мигрировав в Крым, они так же будут посещать церкви и четко следовать всем религиозным традициям.

По характеру родственных связей цыганское население разделено на кланы. Кланов современных крымских цыган представляют собой семьи (более 20–30 человек) с крепкими социальными корнями, которые подчинены главе семейства. Таборный уклад после седентаризации трансформировался и был адаптирован к оседлости. Сохранены главные характерные особенности табора: наличие ключевой фигуры (баро), общий бюджет, закрытость семей от представителей других этносов и групп цыган, и пр.

Надо отметить также присущую цыганам семейную изолированность и неприятие браков между членами цыганских семей с различным уровнем достатка. Поэтому переход молодых людей из клана в клан четко регулируется баро либо родителями в случае его отсутствия. А если цыганский парень или девушка заключают брак с лицом другой национальности, то это жестоко наказывается и неизбежно приводит к разрыву любых отношений и семейной коммуникации с членами своего клана.

Но в этом правиле существует исключение. Оно касается специфической ситуации, которая присуща семьям, вовлеченным в неформальную экономику. Периодически правоохранительные органы осуществляют рейды в цыганских домовладениях и обнаруживают запрещенные вещества. В подобном случае старший член семьи — мужчина — берет всю вину на себя, дабы обезопасить семью и не лишать ее дохода. Бывали случаи, когда мужчины проводили в заключении большую часть жизни. Иногда в роли подобных само-

11. Составлено автором по результатам полевых исследований в 2018–2019 годы на Крымском полуострове.

отверженных членов семьи выступали принятые в семью жены нецыганской национальности. Кроме этой повинности вхождение в семью женщин-инородцев накладывало на них еще и отказ от собственной культуры, принятие цыганских традиций и обычаев, патриархальной модели семьи и других черт, присущих цыганскому населению.

Впрочем, параллельно с клановой раздробленностью существует вертикальная стратификация цыганского населения по уровню доходов. Беднейшие слои цыган, живущих за чертой бедности и занимающихся воровством, именуется внутри цыганского этноса группой «грязных (черных) цыган», а состоятельные слои так называемой цыганской элиты относятся к «белым цыганам». Эти группы достаточно обособлены друг от друга. И если последние взаимодействуют с представителями других этносов, то «грязные цыгане» подвергаются стигматизации и дискриминации. В местах компактного проживания цыганской бедноты («шанхях») наблюдаются признаки естественной геттоизации, поскольку представители других этносов опасаются такого соседства. Цыганские «шанхай» периодически патрулируются правоохранительными органами, но законы государства фактически в них не действуют. Предпочтение отдается устоям общины (табора).

Поэтому и сейчас для цыган актуальна проблема интеграции в гражданское общество. Асоциальное поведение приводит к изолированности некоторых цыган, невозможности обеспечения их прав и свобод. Основными преградами на пути социализации цыган в современном Крыму являются: маргинальный образ жизни, пренебрежение общественными правилами и моральными принципами, архаичность традиционной культуры, противодействие межкультурному взаимодействию (запрет браков с представителями других этносов), низкий уровень образования и занятость в неформальной (нелегальной) экономике. Криминализация некоторых цыган способствовала отторжению обществом представителей данного народа. Это обстоятельство опустило ромов на социальное дно, сделав невозможным использование социальных лифтов, доступных для других этносов.

Но особое положение Крымского полуострова в советский период, надзор властей за расселением представителей этносов¹² и различное происхождение препятствовали складыванию цыганских локальных общностей. Не были сформированы цыганские микрорайоны, подобные Радванке в г. Ужгороде и г. Берегово (Украина), поселку на ВИЗе в г. Екатеринбурге или в пгт Токсово Ленинградской области. Дисперсное расселение цыган сильно облегчило наведение мостов с представителями других этносов.

В плане занятости значительное количество цыганского населения вовлечено в неформальный сектор экономики. Они занимаются производством и реализацией наркотических средств и суррогатных алкогольных напитков, совершением мелких краж и мошенничества

12. В первую очередь из-за недопущения нелегального переселения в регион спецпоселенцев — крымских татар.

(мелкое воровство), перепродажей различных товаров, переработкой подержанных автомобилей, сборанием и приемом черных и цветных металлов и др. Такая экономическая деятельность цыган является серьезной социальной проблемой, но коррумпированность институтов власти и правоохранительных органов не способствует ее разрешению.

Наиболее специфичным видом экономической активности можно считать распространенное среди богатых («белых») цыган «батрачество» (Гусаков, 2017). Цыганские семьи за минимальное вознаграждение содержат при своих домах «батраков» — люмпенов (маргиналов), которые выполняют различные хозяйственные поручения. Это добровольное сотрудничество цыган и люмпенов, при котором первые решают социальные проблемы последних в обмен на ручной труд и помощь в ведении хозяйства. Содержание подсобных рабочих позволило некоторым цыганам заниматься разведением скота, поддерживать порядок в домовладениях (хотя большинство цыган равнодушно к порядку) и пр.

Вообще отношение цыган к трудовой деятельности в последние годы существенно изменилось. Легче всего переступить через устои о грешности труда изгнанникам, которые по тем или иным причинам были отрешены от семей. Эмансипация цыган вследствие социализации способствует возрастанию числа подобных отщепенцев. Все чаще встречаются межэтнические браки, когда цыгане принимают в семьи русских либо украинских девушек в качестве жен.

С начала 2010-х годов некоторые цыгане переходят к легализации своего труда и официально трудоустраиваются. Отсутствие образования и дискриминация цыган ограничивают набор вакансий, которые они могут занимать. Желающие трудоустраиваются по профессиям, не требующим специальных компетенций: коммунальное хозяйство — дворники, уборщики; аграрный сектор — разнорабочие; строительство — штукатуры, маляры; торговля и др. Усиление уголовного преследования людей, совершающих мелкие правонарушения, ужесточение наказаний за наркоторговлю и бродяжничество способствовало появлению у цыган интереса к «безопасной» легальной занятости.

Установление точной численности цыганской диаспоры Крыма почти невозможно. Это связано с двумя проблемами: отдельные цыгане-репатрианты не ассоциируют себя с данной этнической группой, а также некоторые из цыган не имеют документов и не учтываются органами власти вообще. В советское время в получении паспорта для цыган не было острой необходимости, наоборот, они считали это лишним, поскольку тогда государство могло отслеживать их место жительства. Правоохранительные органы же без острой необходимости с цыганами старались не сталкиваться.

Серьезные сдвиги в вопросе «паспортизации» цыган были сделаны в 2000-х годах. Как ни парадоксально, на это повлияла социальная политика Украины во времена президентства В. А. Ющенко, ее большая направленность на поддержание бедных слоев населе-

ния и меры по повышению рождаемости в Украине. Стимулом для получения цыганами регистрации и официальных документов стало распространение в Украине социальных пособий в постсоветское время — для многих цыганских семей они служили основным источником стабильного дохода. Однако преимущественно неформальная занятость вынуждала цыганское население очень избирательно относиться к выбору мест поселения.

Миграционная трансформация крымских цыган

В постсоветское время принцип выбора цыганами местности для проживания изменился. Если раньше они селились и образовывали массивы компактного проживания в крымских пригородах и городах, то сегодня цыганские «шанхай» чаще всего можно встретить в сельской местности, где концентрация контролирующих их сотрудников полиции меньше. Учитываются прежде всего транзитные функции поселения, экономическая перспективность (в данном случае — возможность торговли), наличие почвы для использования неформальных связей и отсутствие контроля со стороны правоохранительных органов.

До Второй мировой войны оседлые цыгане, как и другие этносы, образовывали отдельные национальные кварталы прежде всего в городах полуострова. Кочующие цыгане сезонно мигрировали по региону для получения определенных экономических выгод. Желание советской власти насильственным путем привязать кочевников к земле оказалось малорезультативно. Цыгане получали денежные пособия и переезжали в другие хозяйства.

Но депортация народов Крыма изменила естественный порядок этнического расселения. Крымские города лишились цыганских автономных кварталов, хотя в других регионах Украины они сохранились и до сего дня (например, в некоторых городах Закарпатской области). Теперь цыгане, мигрировавшие на полуостров из соседних регионов, расселялись равномерно. Тотальный контроль советской власти над крымским этническим расселением не давал возможности создавать отдельные национальные районы в городах и сельской местности. Попытки самовольного поселения пресекались.

Но после восстановления независимости Украины и снятия этнических ограничений в некоторых местностях сформировались большие цыганские общины (в некоторых населенных пунктах они составляют до 10% населения). Это прежде всего крупные города (Симферополь, Джанкой, Евпатория) и важные транспортные узлы с развитым сектором неформальной экономики (поселки городского типа Октябрьское, Владиславовка, Гвардейское, Воинка¹³ и другие крупные сёла) (рис. 3).

13. В с. Воинка Краснопереконского района цыгане официально составляют 6,5% населения (Этническая..., 2017).

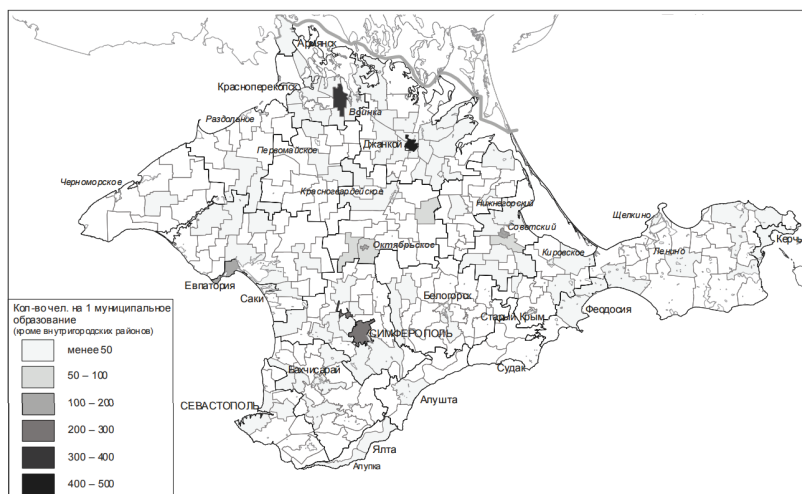

Рис. 3. Численность цыган в муниципальных образованиях Республики Крым и города Севастополя по переписи 2014 года

Источник: Этническая..., 2017.

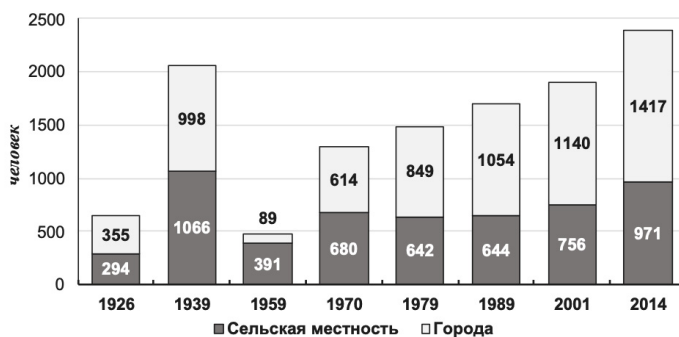

Рис. 4. Соотношение численности цыган в городах и сельской местности Крыма
Источники: Заатов, 2009; Военно-статистический..., 1849; Списки..., 1865; Весь Крым, 1926; Список..., 1927; Всесоюзная..., 1939; Всесоюзная..., 1959; Результаты..., 2015; и др.

Кроме того, в 1990-е годы был снят негласный запрет на расселение в сельской местности представителей некоторых этносов, и цыгане смогли покупать жилье в селах. Это привело к миграции части цыган из городов в сельскую местность. Однако при анализе статистической информации это миграционное движение не прослеживается (рис. 4). Отсутствие живой динамики связано с отсутствием паспортов у значительной части городских цыган в советское время и сельских цыган в современной Украине.

Цыганское население в Крыму пытается выстраивать свою жизнь по пути наименьшего сопротивления — получение большей выгоды при меньших трудовых затратах и конфликтах с властями. Наиболее привлекательны для них районы с возможностью избежать оплаты налогов и коммунальных платежей и широкими возможностями торговых отношений. При этом необходимости откочёвки нет, хотя в некоторых регионах Западной Украины кочевание цыганских таборов сохраняется.

Заключение

Цыганская общность Крыма — это совокупность различных этнических групп цыган, которые в разное время мигрировали в регион. Они сохранили свою идентичность, несмотря на социальную дискриминацию, стигматизацию и административные барьеры. Занятость в неформальной экономике, *геттоизация* мест обитания, усиление криминализации и маргинализация цыганских общин все еще являются серьезными препятствиями для социализации ее членов. Асоциальный образ жизни отдаляет цыган от получения статуса полноправных граждан. И цыгане, и общество нуждаются во взаимодействии, но этого не происходит. Отсутствие диалога между рома и властью только обостряет ситуацию, углубляя изоляционистские тенденции среди цыган.

Цыганский изоляционизм обусловлен двумя группами факторов — традиционалистским происхождением и особенностями межкультурного взаимодействия. Первая группа — это патриархальные и культурные барьеры, которые не позволяют цыганским общинам участвовать в конформистском движении (отказе от изоляции), вторая группа включает в себя различные убеждения и табу, существующие у цыган в отношении других этнических групп. Однако на современном этапе цыганское общество переживает период эмансипации и открытия для остального мира. Это связано с отказом от соблюдения исконных традиций и канонов среди молодежи, интеграцией с представителями других этносов.

С точки зрения миграционной мобильности цыганское общество становится все более инертным и спокойным. Цыгане Крыма окончательно отказались от кочевого образа жизни в 1950–1960-х годах, осели в городах и сельской местности. Цыгане выбирают для оседания поселения с низким уровнем административного контроля и функциями транспортного узла. Миграция цыган в сельские районы постепенно уменьшается, но это не тормозит численный рост сельского цыганского населения из-за высокого уровня рождаемости и повышения продолжительности жизни.

- Абраменко О. (2006). Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России. СПб.: Анима.
- Анцупов И. А. (1998). Миграция цыган в города в XIX веке // Ежегодник Института межэтнических исследований. Кишнев: ICU. С. 13–17.
- Арадждиони М. А. (2010). Крымские цыгане // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь: Доля. С. 241–254.
- Баранников А. П. (1931). Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М.: Центриздат.
- Баранников О. П. (1931). Українські цигани: збірник нацменознавства; Всеукр. акад. наук. Київ: друкарня Всеукраїнської академії наук.
- Беліков О. В. (2002). Цигани України під час Другої світової війни // Наука. Релігія. Суспільство. № 4. С. 64–73.
- Борроу Дж. (1837). Цыгане в России и Испании // Библиотека для чтения. № 20 (VII). С. 120–125.
- Бремя цыган (2019). Фильм Б. Соболева // YouTube-канал телеканала «Россия 1». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dCr66KwYgl&t=4725s> (дата обращения: 11.11.2021).
- Бугай Н. Ф. (2011). Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М.: Кучково поле.
- Бугай Н. Ф. (2013). Проблемы трудовой занятости российских цыган в постсоветский период // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М. С. 311–330.
- Буницкий К. (1861). О цыганах Екатеринославской губернии // Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. Январь. Одесса.
- Ваджиб Оджа (1928). Материалы по этнографии и истории крымских цыган (на татарском языке) // Журнал «Илери». № 6. Симферополь. С. 27–31.
- Велехова Н. (1972). Тайны цыганской песни // Театр. № 4. С. 84–95.
- Весь Крым (1926). 1920–1925. Симферополь: Изд. КрымЦИКа. С. 42.
- Военно-статистический обзор Российской империи (1849). Т. 11. Ч. 2. Таврическая губерния. СПб.: Тип I отдела Генерального штаба. С. 91–121.
- Всесоюзная перепись 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. Крымская АССР // Демоскоп. Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68 (дата обращения: 11.11.2021).
- Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. Крымская область // Демоскоп. Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9 (дата обращения: 11.11.2021).
- Габбасов С. (2021). Цыгане: сб. статей [б. м.]: Издательские решения. С. 145–175.
- Григорьев М. (1851). Формы и словарь цыганского языка (рукопись). Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. СПб. Р. I. Оп. 9. № 33 (1–2).
- Гриневиц О. В. (2008). Роми України і Миколаївщини // Наукові записки. Зб. праць молодих вчених та аспірантів. Т. 15. Киев. С. 136–145.
- Гусаков Т. Ю. (2017). Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С. 107–129.
- Данилович И. (1826). Историческое и этнографическое исследование о цыганах // Северный архив. Ч. 19. № 1. С. 64–79.
- Деметер Н. Г., Бессонов Н., Кутенков В. (2000). История цыган — новый взгляд. Воронеж. С. 78–80.
- Деметер Р. С., Деметер П. С. (1981). Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей. М.: Наука.
- Деметер Р. С., Черенков Л. Н. (1967). Восточно-романское влияние на цыганский язык (кэлдэзарский диалект) // Лимба ши литература молдовеняскэ. № 2. С. 48–58.
- Добровольский В. Н. (1908). Киселевские цыганы. Вып. 1. Цыганские тексты. СПб.: Типография Императорской академии наук. — 87 с.

- Домбровский Ф. (1855). Крымские цыгане // С.-Петербургские ведомости. № 70.
- Дрон И. В. (1999). Антропонимия цыган Молдавии // Цыгане. М.: Координационно-методический центр «Народы и культуры» ИЭА РАН.
- Друц Е. А., Гесслер А. Н. (1990). Цыгане. Очерки. М.: Советский писатель.
- Егунов А. (1864). О цыганах в Бессарабии // Записки Бессарабского областного статистического комитета / Ред. А. Н. Егунов. Т. 1. Кишинев: Типография Областного правления. С. 109–123.
- Елисеев А. В. (1881). О материалах для изучения цыган, собранных М. И. Кунавиным // Известия ИРГО. Т. XVII. Вып. 5.
- Заатов И. (2009). Публикация Ваджип Оджа «Материалы по этнографии и истории крымских цыган» // Наукові записки, 15. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». С. 189–211.
- Зарубин В. Г. (2003). Голод 1921–1923 гг. в Крыму (по сводкам ЧК/ГПУ) // «Историческое наследие Крыма». № 2. URL: <http://old.kr-eho.info/index.php?name=News&or=article&sid=160> (дата обращения: 03.02.2021).
- Зіневич Н. О. (2001). Цигани в Україні: формування етносу і сучасний стан // Український історичний журнал. № 1. С. 40–52.
- Зіневич Н. О. (2005). Циганський етнос в Україні (історіографія та джерела). Автореф. ... канд. іст. наук. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ.
- Ивашенко В. (2011). Цыганские судьбы. История, труд, этнография. Ростов-на-Дону: Дониздат.
- Калинин В. И. (1994). Цыганы на Беларуси // 3 гісторыяў на «Вы» / Уклад. У. Арлова. Вып. 2. Мінск. С. 330–349.
- Килин А. П. (2005). Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. С. 187–226.
- Кондараки В. Х. (1875). Универсальное описание Крыма. Ч. 9. СПб.: Типография В. Веллинга. С. 71–80.
- Котляревский А. А. (1853). Крымские цыгане. СПб.: Типография Ю. Штауфа.
- Крыжановская К. П. (1962). Из истории крепостных цыган в Бессарабии в первой половине XIX века // Труды ЦГА МССР. Кишинев. Т. 1. С. 221–241.
- Кучеренко А. Р. (2010). Цигани в міграційному процесі Криму 1930-х років // Культура народів Причорномор'я. № 177. С. 208–210.
- Лекоент де Лаво Г. (1829). Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки. М.: Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургической Академии.
- Лукьянов Ф. (2010). Бремя цыган // Журнал «Огонёк». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489846> (дата обращения: 03.02.2021).
- Махоткина И. Ю. (2012). Фиксация и изучение фольклора русских цыган в XIX–XXI веках // Традиционная культура. № 3. С. 108–119.
- Никольский П. (1929). Население Крыма. Симферополь: Крымгосиздат.
- Норманская Ю. В., Кизилов М. Б. (2016). Цыгане // Энциклопедия народов Крыма. Симферополь: Доля. С. 183–192.
- О происхождении цыганов (1794) // Новые ежемесячные сочинения. Октябрь. С. 4–14.
- Переслідування та вбивства ромів на теренах України у часи Другої світової війни: зб. док., матеріалів та спогадів (2013) / Укр. центр вивч. історії Голокосту, Міжнар. громад. орг. «Міжнар. фонд "Взаєморозуміння і толерантність"». Київ. — 207 с.
- Полищук Н. (2016). Табор никуда не уходит: как тысячи ромов выживают в Закарпатье // Интернет-журнал о фотографии и обо все остальном Bird in Flight. URL: <https://birdinflight.com/ru/reportaj/20160425-tabor-nikuda-ne-uhodit-kak-ty-syachi-tsygan-vyzhivayut-v-zakarpacie.html> (дата обращения: 12.03.2021).
- Результаты переписи населения в Крымском федеральном округе (2015). Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИК «Статистика России». С. 108–109.

- Роми України: із минулого в майбутнє (до Ромської Декади Європи 2005–2015). (2008) // Наукові записки. Зб. праць молодих вчених та аспірантів. Т. 15. Київ. — 563 с.
- Российские цыгане: мифы и реальность (2016) // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/rossijskie-czygane-mify-i-realnost> (дата обращения: 12.03.2021).
- Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции (2005) / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ. С. 631–640.
- Русаков А. Ю., Елова Ф. А. (1986). Материалы по северорусскому диалекту цыганского языка. II // Лингвистические исследования. М.: ИЯ АН СССР. С. 80–84.
- Святский Н. А. (1888). О цыганах в России и в Крыму // Попов А. Н. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности. Симферополь: Тавр. губ. типография. С. 52.
- Сергиевский М. В. (1931). Цыганский язык. Краткое руководство по грамматике и правописанию. М.: Центриздат.
- Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). Цыганско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. — 191 с.
- Сеславинская М. В. (2012). К истории «большой цыганской миграции» в Россию: социокультурная динамика малых групп в свете материалов этнической истории // Культурологический журнал. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/139.html&j_id=10 (дата обращения: 12.03.2021).
- Скальковский А. (1850). Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I. География, этнография и народоисчисление Новороссийского края. Одесса: в типографии Л. Нитче.
- Смирнова-Сеславинская М. В. (2016). Миграции цыган в южные регионы Российской империи и Крым, формирование общности крымских цыган // Таврический научный обозреватель. № 11–1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-tsygan-v-yuzhnye-regiony-rossiyskoy-imperii-i-krym-formirovanie-obshnosti-krymskih-tsygan> (дата обращения: 12.03.2021).
- Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2009). Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. М.; София: Парадигма.
- Списки населенных мест Российской империи (1865). Т. 41: Таврическая провинция. СПб.: издательство Центрального военного управления МВД. С. 14–26.
- Список населенных пунктов Крыма АССР по Всесоюзной переписи населения от 17 декабря 1926 г. (1927). Симферополь: 1-я Гостиополит. «Крымполиграфтреста».
- Сторожко Т., Зіневич Н. (2009). Цигани Охтирщини (за матеріалами усних джерел та родинних фотоархівів) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. № 19 (2). С. 621–632.
- Торопов В. Г. (2003). Словарь языка крымских цыган. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия.
- Торопов В. Г. (2004). История и фольклор крымских цыган. М.: Институт Наследия.
- Тунманн И. (1936). Крымское ханство. Симферополь: 1-я Гостиопография Крымполиграфтреста. С. 18–45.
- Тяглый М. И. (2005). «Расовые враги» и «асоциальные элементы»: политика нацистских оккупантов в Крыму в отношении евреев и цыган // Историческое наследие Крыма. № 10. С. 9–22.
- Филоненко В. (1930). Крымские цыгане // Записки коллегии востоковедов. № 5. Л. С. 329–342.
- Цветков Г. Н. (2008). История и социальное развитие цыган-ловаря // Наукові записки. Т. 15. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. С. 471–488.
- Цыгане (2018) / Отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука.
- Цыганский язык в России (2013). Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России, Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. / Ред. К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков. СПб.: Нестор-История. — 230 с.

- Черников Л. Н. (2001). Образцы языка и фольклора крымских цыган // Was ich noch sagen wollte... A multilingual Festschrift for Norbert Boretzky on occasion of his 65th birthday // Ed. by Birgit Igla & Thomas Stolz. Berlin: Akademie Verlag.
- Черных А. В. (2018). Цыгане-кэлдэраы в России во второй половине XIX — начале XX века // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. № 1 (40). С. 138–148.
- Энциклопедия народов Крыма (2016) / Глав. ред. О. А. Габриелян. Симферополь: Доля. С. 185–192.
- Этническая и этнополитическая карта Крыма (2017). Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов. М.: ИЭА РАН. С. 191.
- A catalogue of the Gypsy books (1936) // Collected by R. A. Scott Macfie. Liverpool.
- Boethlingk von O. (1853). Über die Sprache der Zigeuner in Russland // Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg. Vol. 10 (1–3). P. 217–219.
- Crowe D. (1996). A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. New York.
- Gilliat-Smith B. J. (1915). A report on the Gypsy tribes of Northeast Bulgaria // JGLS, new series. Vol. 9. P. 1–54, 65–109.
- Hancock I. (2016). True Romanies and the Holocaust: A Re-evaluation and an overview // The Historiography of the Holocaust / Dan Stone. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 383–396.
- Lemon A. (1999). Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism // Ethnic Studies Review. Vol. 22. P. 130–131.
- Miklosich von F. (1872–1880). Über die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas. T. I–XII. Wien.
- Miklosich F. (1876). Beiträge zur Kenntnis der Zigeunermundarten. Wien.
- O'Keeffe B. (2013). New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union. Toronto: University of Toronto Press.
- PARIAS — les Roms en France (2011) // Médecins du Monde. URL: <https://vk.cc/cbE3EH> (12.03.2021).
- Paspatis A. G. (1870). Études sur les chin hianés ou ohémiens de l'Empire Ottoman. Constantinople.
- Toropov V. G. (2010). Crimean Roma. Language and folklore. Next Page Foundation, Иваново: Изд. центр «Юнона», Ивановский госуниверситет.

Gypsies in the post-Soviet Crimea: Migration and integration

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadsky Prosp., 82. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. Throughout the history of the state, marginal groups have been a challenge for its effective functioning and development. One of the most widespread and numerous marginal groups in the world is an ethnic group of Gypsies. For many centuries, they live with other peoples but remain cut off from the state and its social institutions. However, under globalization and the Gypsy emancipation, the situation is changing. In some countries, social stigmatization and discrimination of the Gypsies still exclude them from social processes, but there are cases of their successful social integration (for example, in post-Soviet countries). The article considers the current situation of the Gypsies on the Crimean Peninsula, reasons for their social isolation, and features of their interaction with the society. The author also analyzes the Gypsy migrations in the region, factors of their resettlement, and features of their social-economic integration into the Crimean society.

Key words: Gypsies (Roma), migration, sedentarization, nomadic lifestyle, social stratification

- A catalogue of the Gypsy books (1936) Collected by R. A. Scott Macfie, Liverpool.
- Abramenko O. (2006) *Ocherki yazyka i kultury tsygan Severo-Zapada Rossii* [Essays on the Language and Culture of the Gypsies in the North-West of Russia], Saint Petersburg: Anima.
- Antsupov I. A. (1998) Migratsiya tsygan v goroda v XIX veke [Gypsy migration to cities in the 19th century]. *Ezhegodnik Instituta mezhnatsionnykh issledovaniy*, Kishenev: ICU, pp. 13–17.
- Aradzhioni M. A. (2010) Krymskie tsygane [Crimean Gypsies]. *Ot kimmerijtsev do krymchakov*, Simferopol: Dolya, pp. 241–254.
- Barannikov A. P. (1931) *Tsygany SSSR. Kratky istoriko-etnografichesky ocherk* [Gypsies of the USSR. A Brief Historical-Ethnographic Essay], Moscow: Tsentrizdat.
- Barannikov O. P. (1931) *Ukrainski tsigani* [Ukrainian Gypsies], Kiev: drukarnya Vseukrainskoi akademii nauk.
- Belikov O. V. (2002) Tsigani Ukraini pid chas Drugoi svitovoi viyni [Gypsies of Ukraine during the Second World War]. *Nauka. Religiya. Suspilstvo*, no 4, pp. 64–73.
- Boethlingk von O. (1853) Über die Sprache der Zigeuner in Russland. *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg*, vol. 10, no 1–3, pp. 217–219.
- Borrow J. (1837) Tsygane v Rossii i Ispanii [Gypsies in Russia and Spain]. *Biblioteka dlya chteniya*, no 20, pp. 120–125.
- Bremya tsygan [Burden of Gypsies] (2019). Film B. Soboleva. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dCr66Kwlygl&t=4725s>.
- Bugai N. F. (2011) *Tsygane Rossii: obshchestvo, adaptatsiya, konsensus (1900–2010)* [Gypsies of Russia: Society, Adaptation, Consensus (1900–2010)], Moscow: Kuchkovo pole.
- Bugai N. F. (2013) Problemy trudovoy zanyatosti rossiyskikh tsygan v postsovetsky period [Employment of Russian Gypsies in the post-Soviet period]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii*, no 11, otv. red. Yu. A. Petrov, red.-koord. E. N. Rudaya, Moscow, pp. 311–330.
- Bunitsky K. (1861) O tsyganah Ekaterinoslavskoy gubernii [Gypsies of the Ekaterinoslav Province]. *Zapiski imperatorskogo obshchestva selskogo khozaystva Yuzhnoy Rossii*. January, Odessa.
- Cherenkov L. N. (2001) Obraztsy yazyka i folklora krymskikh tsygan [Samples of the language and folklore of the Crimean Gypsies]. *Was ich noch sagen wollte... A multilingual Festschrift for Norbert Boretzky on occasion of his 65th birthday*. Ed. by B. Iglá, T. Stolz, Berlin: Akademie Verlag.
- Chernykh A. V. (2018) Tsygane-kelderary v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka [Kalderari Gypsies in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 1, pp. 138–148.
- Crowe D. (1996) *A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia*. New York.
- Danilovich I. (1826) Istoricheskoe i etnograficheskoe issledovanie o tsyganah [A historical-ethnographic study of Gypsies]. *Severnyy arkhiv*, ch. 19, no 1, pp. 64–79.
- Demeter N. G., Bessonov N., Kutenkov V. (2000) *Istoriya tsygan — novyy vzglyad* [History of Gypsies — A New Approach], Voronezh.
- Demeter R. S., Demeter P. S. (1981) *Obraztsy folklora tsygan-kelderarey* [Samples of the Kalderari Gypsies Folklore], Moscow: Nauka.
- Demeter R. S., Cherenkov L. N. (1967) Vostochno-romanskoe vliyanie na tsyngansky yazyk (kelderarsky dialekt) [Eastern-Romanesque influence on the Romani language (Kalderari dialect)]. *Limba shi literatura moldovenyaskie*, no 2, pp. 48–58.
- Dobrovolsky V. N. (1908) Kiselevskie tsygany [Kiselevsk Gypsies], no 1. *Tsyganskije teksty*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

- Dombrovsky F. (1855) Krymskie tsygame [Crimean Gypsies]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, no 70.
- Dron I. V. (1999) Antroponimiya tsygan Moldavii [Anthroponymy of Gypsies in Moldova]. *Tsygame*, Moscow: Koordinatsionno-metodichesky tsentr "Narody i kul'tury" IEA RAN.
- Druts E. A., Gessler A. N. (1990) *Tsygame. Ocherki* [Gypsies. Essays], Moscow: Sovetsky pisatel.
- Egunov A. (1864) O tsyganah v Bessarabii [On Gypsies in Bessarabia]. *Zapiski Bessarabskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta*. Red. A. N. Egunov, vol. 1, Kishinev: Tipografiya Oblastnogo pravleniya, pp. 109–123.
- Eliseev A. V. (1881) O materialah dlya izucheniya tsygan, sobrannyh M. I. Kunavinym [On materials for the study of Gypsies collected by M. I. Kunavin]. *Izvestiya IRGO*, vol. XVII, no 5.
- Entsiklopediya narodov Kryma [Encyclopedia of the Crimean Peoples] (2016). Glav. red. O. A. Gabrielyan, Simferopol: Dolya.
- Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma [Ethnic and Ethnopolitical Map of the Crimea] (2017), Moscow: IEA RAN.
- Filonenko V. (1930) Krymskie tsygame [Crimean Gypsies]. *Zapiski kollegii vostokovedov*, no 5, pp. 329–342.
- Gabbasov S. (2021) *Tsygame* [Gypsies]. Izdatelskie resheniya.
- Gilliat-Smith B. J. (1915) A report on the Gypsy tribes of Northeast Bulgaria. *Jindal Global Law School New Series*, vol. 9, pp. 1–109.
- Grigoriev M. (1854) Formy i slovar tsyganskogo yazyka (rukopis) [Forms and Dictionary of the Romani Language (manuscript)]. *Arkhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisey RAN*. Saint Petersburg, R. I, Op. 9, no 33 (1-2).
- Grinevich O. V. (2008) Romi Ukraini i Mikolaivshchini [Roma of Ukraine and Mikolaiv Region]. *Naukovi zapiski*, vol. 15, pp. 136–145.
- Gusakov T. Yu. (2017) Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseevka [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4, pp. 107–129.
- Hancock I. (2016) True Romanies and the Holocaust: A re-evaluation and an overview. Stone D. *The Historiography of the Holocaust*. Houndmills: Palgrave Macmillan, pp. 383–396.
- Ivashchenko V. (2011) *Tsyganskie sudby. Istoriya, trud, etnografiya* [Gypsy Fates. History, Work, Ethnography], Rostov-on-Don: Donizdat.
- Kalinin V. I. (1994) Tsygany na Belarusi [Gypsies in Belarus]. *Z gistoryaj na "Vy"*. Uklad. U. Arlova, no 2. Minsk, pp. 330–349.
- Kilin A. P. (2005) Politika perevoda tsygan na osedly obraz zhizni: problemy realizatsii (1926–1937) [Policy of transferring Gypsies to a settled way of life: Problems of implementation (1926–1937)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*, no 5, pp. 187–226.
- Kondarak I. V. Kh. (1875) *Universalnoe opisanie Kryma* [Universal Description of the Crimea], ch. 9, Saint Petersburg: Tipografiya V. Vellinga.
- Kotlyarevsky A. A. (1853). *Krymskie tsygame* [Crimean Gypsies], Saint Petersburg: Tipografiya Yu. Shtauf.
- Kryzhanovskaya K. P. (1962) Iz istorii krepostnyh tsygan v Bessarabii v pervoy polovine XIX veka [From the history of serf Gypsies in Bessarabia in the first half of the 19th century]. *Trudy TsGA MSSR*, vol. 1, pp. 221–241.
- Kucherenko A. R. (2010) Tsigani v migratsionnomu protsesi Krimu 1930-h rokov [Gypsies in the Crimean migration of the 1930s]. *Kultura narodov Prichernomor'ya*, no 177, pp. 208–210.
- Lecoent de Lavoe J. (1829) *Opisanie Nizhnego Novgoroda i ezhegodno byvayushchey v nem yarmarki* [Description of Nizhny Novgorod and Its Annual Fair], Moscow: Tipografiya Augusta Semena pri Imperatorskoy Mediko-khirurgicheskoy Akademii.
- Lemon A. (1999) Between two fires: Gypsy performance and Romani memory from Pushkin to post-socialism. *Ethnic Studies Review*, vol. 22.
- Lukyanov F. (2010) *Bremya tsygan* [Burden of Gypsies]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489846>.

- Makhotkina I.Yu. (2012) Fiksatsiya i izuchenie folkloru russkikh tsygan v XIX–XXI vekah [Description and study of the Russian Gypsies in the 19th — 21st centuries]. *Traditsionnaya kultura*, no 3, pp. 108–119.
- Miklosich von F. (1872–1880) *Über die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas*, vols. I–XII, Wien.
- Miklosich F. (1876) *Beiträge zur Kenntnis der Zigeunermundarten*, Wien.
- Nikolsky P. (1929) *Naselenie Kryma* [Population of the Crimea], Simferopol: Krymgosizdat.
- Normanskaya Yu.V., Kizilov M. B. (2016) Tsygane [Gypsies]. *Entsiklopediya narodov Kryma*, Simferopol: Dolya, pp. 183–192.
- O’Keeffe B. (2013) *New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union*, Toronto: University of Toronto Press.
- O proiskhozhdenii tsyganov [On the origin of Gypsies] (1794) *Novye ezheimesyachnye sochineniya*. October, pp. 4–14.
- PARIAS — les Roms en France (2011) *Médecins du Monde*. URL: <https://vk.cc/cbE3Eh>.
- Paspati A. G. (1870) *Études sur les chin hianés ou ohémiens de l’Empire Ottoman*, Constantinople.
- Peresliduvannja ta vbiivstva romiv na terenah Ukraini u chasi Drugoi svitovoi vijni* [Persecution and killing of the Roma in Ukraine during the World War II] (2013), Kiev: Ukr. tsentr vivch. istorii Golokostu, Mizhnar. gromad. org. Mizhnar. fond ‘Vzaemorozuminnja i tolerantnist’.
- Polishhuk N. (2016) Tabor nikuda ne ukhodit: kak tysjachi romov vyzhivajut v Zakarpatie [Tabor does not go anywhere: How thousands of the Roma survive in Transcarpathia]. URL: <https://birdinflight.com/ru/reportaj/20160425-tabor-nikuda-ne-uhodit-kak-ty-syachi-tsygan-vyzhivayut-v-zakarpatie.html>.
- Rezultaty perepisi naselenija v Krymskom federalnom okruge [Results of the Census in the Crimean Federal District] (2015), Moscow: IIK ‘Statistika Rossii’.
- Romi Ukraini: iz minulogo v majbutne (do Romskoj Dekadi Evropi 2005–2015) [Roma of Ukraine: From the past to the future (to the Roma Decade in Europe 2005-2015)] (2008). *Naukovi zapiski*, vol. 15.
- Rossijskie tsygane: mify i realnost [Russian Gypsies: Myths and reality] (2016). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/rossijskie-czygane-mify-i-realnost>.
- Rossija i ee regiony v XX veke: territorija — rasselenie — migratsii* [Russia and Its Regions in the 20th Century: Territory — Settlement — Migration] (2005) Pod red. O. Glezera, P. Polyana, Moscow: OGI.
- Rusakov A.Yu., Elova F. A. (1986) Materialy po severoruskomu dialektu tsynganskogo yazyka [Materials on the North-Russian dialect of the Gypsy language]. II. *Lingvisticheskie issledovanija*, Moscow: IYa AN SSSR.
- Svyatsky N. A. (1888) O tsyganah v Rossii i v Krymu [Gypsies in Russia and Crimea]. Popov A. N. *Vtoraja uchebnaja ekskursija Simferopolskoj muzhskoj gimnazii v Bakhchisaraj i ego okrestnosti*, Simferopol: Tavr. gub. tipografija.
- Sergievsky M. V. (1931) *Tsyngansky yazyk. Kratkoe rukovodstvo po grammatike i pravopisaniju* [Gypsy Language. Quick Guide to Grammar and Spelling], Moscow: Tsentrizdat.
- Sergievsky M. V., Barannikov A. P. (1938) *Tsyngansko-russky slovar* [Gypsy-Russian Dictionary], Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannyh i natsionalnyh slovarej.
- Seslavinskaya M. V. (2012) K istorii ‘bolshoj tsynganskoj migratsii’ v Rossiju: sotsiokulturnaja dinamika malyh grupp v svete materialov etnicheskoj istorii [On the history of the ‘great Gypsy migration’ to Russia: Social-cultural dynamics of small groups in the ethnic history perspective]. *Kulturologicheskij zhurnal*, no 2.
- Skalkovsky A. (1850) *Opyt statisticheskogo opisanija Novorossijskogo kraja* [A Statistical Description of the Novorossiysk Region], ch. I: Geografija, etnografija i narodoischislenie Novorossijskogo kraja, Odessa: v tipografii L. Nitche.
- Smirnova-Seslavinskaya M. V. (2016) Migratsii tsygan v juzhnye regiony Rossijskoj imperii i Krym, formirovanie obshhnosti krymskikh tsygan [Gypsy migrations to the southern re-

- gions of the Russian Empire and Crimea, and formation of the Crimean Gypsy community]. *Tavrichesky nauchny obozrevatel*, no 11-1.
- Smirnova-Seslavinskaya M. V., Tsvetkov G. N. (2009) *Tsygane. Proiskhozhdenie i kultura. Sotsialno-antropologicheskoe issledovanie* [Gypsies. Origin and Culture. A Social-Anthropological Research], Moscow–Sofia: Paradigma.
- Spiski naselennyh mest Rossijskoj imperii [Lists of Populated Areas in the Russian Empire] (1865), vol. 41: Tavrisheskaja provintsija, Saint Petersburg: izdatelstvo Tsentralnogo voennogo upravlenija MVD, pp. 14–26.
- Spisok naselennyh punktov Kryma ASSR po Vsesoyuznoj perepisi naseleniya ot 17 dekabrya 1926 g. [List of Settlements of the Crimea ASSR according to the All-Union Census of December 17, 1926] (1927), Simferopol: 1-ya Gostipografiya Krympoligrafresta.
- Storozhko T., Zinevich N. (2009) Tsigani Okhtyrshchini (za materialami usnih dzherel ta rodnih fotoarkhiv) [Gypsies of the Okhtyrka Region (based on oral sources and family photo archives)]. *Naukovi zapiski*, vol. 19, no 2, pp. 621–632.
- Toropov V. G. (2003) Slovar yazyka krymskih tsygan [Dictionary of the Crimean Gypsy Language], Moscow: Rossiysky NII kulturnogo i prirodnogo naslediya.
- Toropov V. G. (2004) *Istoriya i folklor krymskih tsygan* [History and Folklore of the Crimean Gypsies], Moscow: Institut Naslediya.
- Thunmann J. (1936) *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate], Simferopol: 1-ya Gostipografiya Krympoligrafresta.
- Tyagly M. I. (2005) 'Rasovye vragi' i 'asotsialnye elementy': politika natsistskih okkupantov v Krymu v otnoshenii evreev i tsygan ['Racial enemies' and 'asocial elements': Policy of the Nazi occupants in Crimea towards Jews and Gypsies]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, no 10, pp. 9–22.
- Tsvetkov G. N. (2008) *Istoriya i sotsialnoe razvitie tsygan-lovarya* [History and social development of the Lovar Gypsy]. *Naukovi zapiski*, vol. 15, pp. 471–488.
- Tsygane* [Gypsies] (2018) Otv. red. N. G. Demeter, A. V. Chernykh, Moscow: Nauka.
- Tsygansky yazyk v Rossii [Gypsy Language in Russia] (2013) Sb. materialov Rabochego soveshchaniya po tsygangskomu yazyku v Rossii. Red. K. A. Kozhanov, S. A. Oskolskaya, A. Yu. Rusakov, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Toropov V. G. (2010) *Crimean Roma. Language and Folklore*. Ivanovo: Yunona Center, Ivanovo State University.
- Velekhova N. (1972) *Tayny tsyganskoj pesni* [Secrets of the Gypsy song]. *Teatr*, no 4, pp. 84–95.
- Ves Krym [All Crimea] (1926) 1920–1925, Simferopol: Izd. KrymTsiKa.
- Voenno-statistichesky obzor Rossijskoj imperii (1849) [Military-Statistical Review of the Russian Empire], vol. 11, ch. 2. Tavrisheskaya guberniya. Saint Petersburg: Tip. I otdela Generalnogo shtaba.
- Vsesoyuznaya perepis 1939 goda. Natsionalny sostav naseleniya po regionam Rossii. Krymskaya ASSR [All-Union Census of 1939. National Composition of the Russian Population by Region. Crimean ASSR]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68.
- Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1959 goda. Gorodskoe i selskoe naselenie oblastej respublik SSSR (krome RSFSR) po polu i natsionalnosti. Krymskaya oblast [All-Union Census of 1959. Urban and Rural Population in the Regions of the USSR Republics (except RSFSR) by Sex and Nationality. Crimean Region]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9.
- Wajib Oja (1928) *Materialy po etnografii i istorii krymskih tsygan (na tatarskom yazyke)* [Materials on the ethnography and history of the Crimean Gypsies (in Tatar)]. *Ileri*, no 6, pp. 27–31.
- Zaatov I. (2009) Publikatsiya Wajib Oja "Materialy po etnografii i istorii krymskih tsygan" [Wajib Oja's "Materials on the ethnography and history of the Crimean Gypsies"]. *Naukovi zapiski*, vol. 15. Tematichny vipusk "Romi Ukraini: iz minulogo v maybutne", pp. 189–211.

- Zarubin V. G. (2003) Golod 1921–1923 gg. v Krymu (po svodkam ChK/GPU) [1921–1923 famine in the Crimea (according to the reports of the *Cheka/SOD*)]. *Istoričeskoe nasledie Kryma*, no 2.
- Zinevich N. O. (2001) Tsigani v Ukraini: formuvannya etnosu i suchasny stan [Gypsies in Ukraine: Formation of ethnicity and the current state]. *Ukrainsky istorichny zhurnal*, no 1, pp. 40–52.
- Zinevich N. O. (2005) *Tsigansky etnos v Ukraini (istoriografiya ta dzherela)* [Gypsy Ethnic Group in Ukraine (Historiography and Sources)]. Avtoref. k.i.n. Kiev: Institut ukrainskoi arheografii ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevskogo NAN Ukraini.

«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»¹

В. Н. Хлыстун, А. М. Никулин

Виктор Николаевич Хлыстун, д.э.н., профессор Государственного университета по землеустройству, академик РАН. 125064, Москва, ул. Казакова, 15. E-mail: vkhlystun@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, к.э.н., руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Аннотация. В интервью академика РАН В. Н. Хлыстуна на основе фактов его собственной биографии рассматривается история сельского развития и аграрных реформ России XX–XXI веков. Большое внимание в интервью уделяется характеристикам институтов образования и науки, связанных с селом как в СССР, так и в постсоветской России. Особо подробно описывается история и современность альма-матер академика — Государственного университета по землеустройству.

Одна из главных тем интервью — вопросы реформирования аграрного строя России, которые рассматриваются прежде всего на основе личного богатого управленческого опыта В. Н. Хлыстуна, в 1990-е годы работавшего Председателем Государственного комитета РСФСР по земельной реформе, министром сельского хозяйства РФ, заместителем Председателя Правительства РФ, а также занимавшего ряд руководящих должностей в области управления крупными финансовыми организациями и в аналитических структурах аграрно-промышленного комплекса.

В своих воспоминаниях Хлыстун, кроме описания и анализа успехов и неудач различных законодательных, экономических, политических проектов аграрных преобразований как на федеральном, так и на региональных уровнях, формулирует и некоторые личностные оценки поведения и компетенций ряда представителей государственных, политических и научных элит России.

В интервью неоднократно подчеркивается, что сельская жизнь — это особая сфера существования общества, требующая для своих преобразований комплексных, взвешенных мер, учитывающих разнообразные аграрные особенности такой обширной страны, как Россия. А залог успешных сельских реформ заключается как в широком профессиональном кругозоре ее руководителей, так и в их способности быть выше частных интересов во имя общего блага страны.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, ГУЗ, перестройка, Министерство сельского хозяйства, земельная и аграрная реформы, Правительство РФ

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-171-219

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

А. М. НИКУЛИН: Виктор Николаевич, мы беседуем в Вашем кабинете в Государственном университете по землеустройству. Прежде чем обратиться к обсуждению Вашей биографии и научной деятельности, расскажите, пожалуйста, а что это за заведение.

В. Н. ХЛЫСТУН: По указу Екатерины II в 1756 году было начато Генеральное межевание земель и нужно было готовить людей для проведения столь масштабного мероприятия, ведь необходимо было «разверстать землемерием», как тогда говорили, всю территорию страны. После реформ Петра I земельное хозяйство страны было очень разлажено, поскольку боярские вотчины ликвидированы, множество «служивых и военных людей», которых он привлек на государственную военную службу, наделено поместьями без их должного оформления, так что возникало огромное количество земельных споров, перерастающих в войны на межах и разоряющих государство. И Екатерина, будучи мудрой правительницей, приняла решение о том, что нужно не локально гасить эти конфликты, а провести разверстание, размежевание земель по всей территории. Она полагала, что это можно сделать достаточно быстро, но оказалось, что сил и средств недостаточно, страна громадная, а нужных специалистов крайне мало. Чтобы подготовить нужные кадры, в 1779 году в Москве была создана Землемерная школа, затем преобразованная в Межевое училище, а потом — в Константиновский межевой институт (в честь св. Константина, но и потому, что великий князь Константин был попечителем этого института). Генеральное, а затем специальное межевание продлилось почти 100 лет, затем понадобились специалисты для землемерного сопровождения Реформы 1861 года, позже его выпускники осуществляли столыпинские земельные преобразования, уравнительное распределение земель по декрету «О земле», формирование землепользователей колхозов и совхозов и т. д. В начале земельных преобразований 1990-х годов именно выпускники нашего института составили основной костяк команды, обеспечившей проведение современной земельной реформы.

В 1930 году институт был разделен на два: Институт землеустройства и Институт геодезии и картографии, в последующем реорганизованные в самостоятельные университеты, которые и сейчас поддерживают родственные отношения.

А. М. НИКУЛИН: Тогда эти институты в одном здании находились или в разных?

В. Н. ХЛЫСТУН: В начале 1930-х годов по проекту академика Фомина построили здание для Института землеустройства, в котором мы сейчас с Вами беседуем, а Институт геодезии и картографии остался в старом здании в Гороховском переулке. Наши территории составляют один квартал, мы добропорядочные соседи. Периодически возникает вопрос об объединении наших университетов, потому что мы очень близки по профилю.

А. М. НИКУЛИН: То есть происходит некоторое дублирование?

В. Н. ХЛЫСТУН: Я бы не сказал «дублирование», наш институт находится в ведении Минсельхоза, и мы готовим специалистов преимущественно для организаций и структур, которые работают в этой системе. Главные наши заказчики сегодня — это органы управления АПК и Росреестр, так же как и различные предпринимательские структуры. А наш «родственник» — в ведении Минобрнауки и готовит специалистов для широкого спектра несельскохозяйственных структур. У нас есть архитектурный факультет, очень сильный юридический факультет, поскольку земельные дела тесно связаны с правами собственности. Геодезия, кадастры, землеустройство — это наши основные направления. Университет наш многопрофильный, но небольшой по количеству студентов — полторы тысячи очников и около тысячи заочников. По московским меркам, конечно, очень немного, поэтому часто и возникает соблазн к кому-то нас присоединить...

А. М. НИКУЛИН: Ну сейчас у нас ведь все объединяют и присоединяют: муниципалитеты, школы, университеты...

В. Н. ХЛЫСТУН: Полагаю, это было бы абсолютно искусственное объединение, ведь наш университет во многом уникален. Нельзя сказать, что это аграрный вуз и присоединившись, например, к Тимирязевке он там будет уместен. Земля используется везде, поэтому и работаем мы во всех сферах, специалистов готовим соответствующим образом.

Что касается меня, я поступил в этот институт в 1965 году, когда он назывался Московский институт инженеров землеустройства, и ни разу в жизни об этом не пожалел.

А. М. НИКУЛИН: Иными словами, это Ваша альма-матер?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, именно так. А если заглянуть глубже в мою семейную историю, то мой дед по линии матери родом из Черниговской губернии, по линии отца — из Полтавской. Они в молодом возрасте в 1860-е годы, задолго до столыпинской реформы, переехали в Западную Сибирь, сейчас — Северный Казахстан, а тогда — Омское генерал-губернаторство. Создавалась линия из казачьих станиц от Омска до Оренбурга, так называемая «горькая линия». Поскольку казаки несли военную службу и сами себя прокормить не могли, было принято решение создать систему поселений, которые обеспечивали бы казачье войско дополнительным продовольствием. Вот и был брошен клич на переселение из малоземельных губерний.

А. М. НИКУЛИН: Да, казаки — это всегда некий вариант крестьянско-военного освоения территорий. Тут и хлебопашцы, тут и воины.

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, именно вокруг казачьих станиц создавались новые сельские поселения. В 1872-м было заложено село Дмитриевка, в котором я родился. Расположилось оно в Кокчетавском уезде Омского генерал-губернаторства. Там родились мои родители, отец в 1909-м, мать в 1912-м. Очень рано они поженились: маме было 16, отцу — 19. Вся свою жизнь (отец — до 89 лет, мама — до 94)

они прожили в этом селе и ни в какую не хотели эти места покидать, как я их не уговаривал переехать ко мне.

А. М. НИКУЛИН: Это ведь уже территории Казахстана, другого государства?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, к сожалению, это так. В нашей семье было четверо детей: три сестры значительно старше меня, самая младшая из них старше меня на 11 лет. Я родился в марте 1946-го, то есть зачали меня в мае 1945 года, когда отец вернулся с войны, потому меня Виктором и назвали.

Семья была крестьянская. Ни отец, ни мать не окончили ни одного класса, хотя в селе была церковно-приходская школа. Но у отца рано умер его отец, ему пришлось как старшему все время помогать матери, а в семье матери было девять детей и огромное по тем временам крестьянское хозяйство, в котором все дети работали, учиться было некогда. В 1929 году деда раскулачили, а в 1937-м по решению «тройки» расстреляли. Это было так называемое «сибирское раскулачивание», которое было гораздо более болезненное, чем в Центральной России. Почти треть населения Дмитриевки была раскулачена.

Отец и мать в 1929 году начали работать в колхозе, в 1931 году рядом с нашим селом создали Урумкайскую МТС и отец после курсов перешел туда трактористом. Через некоторое время его направили на курсы слесарей по ремонту тракторов и комбайнов, тогда подобные специалисты были очень нужны. И после курсов он всю жизнь проработал в МТС, которая в 1956 году была реорганизована в РТС — ремонтно-техническую станцию, а затем на ее базе был создан Урумкайский совхоз, в котором он проработал слесарем по ремонту автотракторного оборудования до выхода на пенсию. Мать работала в колхозе, пока он существовал, а потом в селе открылась большая аптека, она стала работать там санитаркой до выхода на пенсию. Три моих сестры получили неплохое образование и всю жизнь прожили в Казахстане. Средняя из них — заслуженный учитель Казахской ССР.

Наше хорошее образование во многом связано с тем, что «не было бы счастья, да несчастье помогло» — у нас в небольшом, но очень ухоженном домике на квартире подолгу жили учителя, посланные сначала в 1930-е, а потом в 1950-е годы из Ленинграда. Поэтому мы учились в очень сильной школе, в которой преподавала целая плеяда ленинградских учителей, в том числе и профессора. Первая группа учителей из четырех человек была послана после убийства Кирова в 1936-м. По рассказам родителей, у нас на квартире жил профессор Е. Кон, преподававший в школе математику, другие ссыльные — историю, русский язык и литературу, географию. Мне физику и математику преподавал ссыльный, но оставшийся жить в нашем селе С. А. Пусторжевский. Из числа выпускников нашей школы пять человек стали докторами наук. Это из периферийной сельской школы!

Я поступил в школу в шесть лет, потому что три взрослые сестры рано научили меня читать и писать. Меня сначала долго не хотели принимать, директор Иван Федорович считал, что нельзя раньше семи лет. Всю первую четверть меня выгоняли из класса: я приходил утром, меня выгоняли, я сидел до перемены на крыльце школы, после звонка заходил опять, меня выгоняли снова. Причем это вынуждена была делать мать моей будущей жены, моя первая учительница. Так продолжалось три месяца. Только в декабре маме удалось уговорить директора разрешить мне хотя бы неофициально посещать занятия. После окончания семи классов передо мной встала дилемма — продолжать учиться в школе или поступить в техникум. В какой-то степени я опережал в развитии своих одноклассников, и мне часто становилось на уроках неинтересно. И, несмотря на возражения родителей, я решил поступить в горно-металлургический техникум, который находился в нашем районном центре — г. Щучинске.

К экзаменам я был допущен по ошибке женщины, принимавшей документы. На горные специальности принимали с 15 лет, чтобы выпускники могли работать на шахтах и рудниках, а мне было только 13. И когда я уже сдал экзамены и меня зачислили, вдруг директор техникума узнал, что «ошибочка вышла». И меня сначала отчислили, но я набрался наглости, записался на прием к директору техникума и поразил его своей настойчивостью. Он сказал: «Ладно, давай попробуем, но если что — пеняй на себя».

Учился я легко, прошел на рудниках и в шахтах три производственных практики на разных рабочих должностях и после защиты диплома меня направили в город Рудный Кустанайской области, на крупнейший в стране горнодобывающий комплекс Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат. Это была всесоюзная комсомольская стройка, жили и работали там, как на многих крупных стройках, в основном добровольцы-комсомольцы и расконвоированные заключенные. Я сначала был помощником машиниста бурового станка, потом — помощником машиниста экскаватора. Это высокооплачиваемая работа, я не получал такую, как в 17 лет, зарплату больше никогда. Шагающий экскаватор ЭШ-15/9с: ковш 15 кубических метров, вылет стрелы 90 метров, огромная производительность, машинист — Герой Социалистического Труда, все очень масштабно... Но работать было скучно. Машинист за рычагами 8 часов, а три помощника включают лишь по мере необходимости. Я был помощником по электрической части, моя задача — следить за работой электрооборудования, а оно всегда было исправно, поэтому делать было часто нечего, в гуле машин и пыли читать не получалось, и я не находил себе места от скуки. Как меня ни уговаривали машинист и начальник участка остаться, я перешел на фабрику глубокого обогащения руд, которая тогда строилась, в отдел КИПиА (контрольно-измерительных приборов и автоматики). Это была профессионально очень интересная работа, мы

разрабатывали и монтировали электрические схемы, процесс был абсолютно творческим.

А каждый вечер я со своим другом ходил в ЧОН — часть особого назначения при горкоме комсомола. В городе было очень спокойно и на эту структуру возлагалась задача контроля порядка в домах культуры, клубах и на центральных улицах города. В ЧОНе были прекрасные ребята и девчонки из числа добровольцев, мне с ними было интересно, меня туда тянуло даже в вечера, когда по графику я был свободен. Каждый вечер начинался с пеклички и первыми назывались две фамилии, по которым отзывался дежурный по штабу словами «погиб при исполнении служебных обязанностей».

К сожалению, буквально через два месяца после начала моей работы на фабрике меня пригласили в партком и сказали, что будут рекомендовать меня секретарем комсомольской организации фабрики. Комитет на правах райкома, на фабрике почти тысяча комсомольцев, а мне тогда еще не исполнилось 18 лет. Страшно, но прошло собрание по выборам, и мне пришлось включаться в серьезную и разноплановую деятельность. Одновременно меня назначили комиссаром ЧОНа, потом переименованного в Боевую комсомольскую дружину при горкоме комсомола. Жизнь в городе и на фабрике была ключом, и мне было очень интересно и во многом комфортно.

Я прожил в Рудном почти год, пока не произошло несчастье — погибла девушка, которую я очень любил. Это было в мой день рождения, 19 марта 1964-го. Наш ЧОН ехал по вызову на большую драку, которая была не в городе, а в поселке Соколовка рядом с городом, 4 км буквально. Дорога была очень скользкой, высокая насыпь. Ребята сидели в кузове, а единственная в нашей группе девушка — в кабине. Машина слетела с грейдера, мы все вылетели из кузова, ушиблись, но остались живы. Шофер был только травмирован, а Лена погибла. Мне было настолько тяжело, что я не мог оставаться в этом городе. Уехал в отпуск к родителям, и они меня уговорили переехать домой, в совхоз. Вообще, жизнь могла бы сложиться у меня совсем иначе, потому что Анатолий Ясько — первый секретарь горкома комсомола, мне говорил: «Еще год поработаешь секретарем, и мы направим тебя в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ». Я должен был двигаться в этом направлении, но ситуация изменилась, и я вернулся в родной совхоз и отработал год слесарем по ремонту электрооборудования, в одном цехе с отцом. Это был, пожалуй, самый спокойный год в моей жизни. Я же рано ушел из семьи, с 13 лет жил в общежитии, а тут вот вернулся в тепло и уют родительского дома, это было прекрасное время.

Конечно же, я собирался поступать в институт, но выбор профиля долго сделать не мог. В июне 1965 года к нам в совхоз приехали землеустроители. Муж старшей сестры работал шофером, ему поручили их возить для проведения полевых работ. Однажды он попросил меня взять отгул, потому что ему нужно было заняться

какими-то домашними делами, и поработать их водителем. Я был с ними целый день, и мне страшно понравилось то, чем они занимаются. Мне понравилось, что они свободные люди, над ними нет никаких начальников, они целый день на природе. Я разглядывал их приборы, попробовал посмотреть в трубу теодолита, на мензурной доске нарисовать горизонталь — и мне все это очень понравилось! Видимо, это было связано с моими крестьянскими корнями и желанием быть ближе к природе. Я спросил: а где учат этой специальности? И они назвали мне наш институт, хотя были выпускниками Омского сельхозинститута, там тоже есть факультет землеустройства. Но они мне рассказали именно про Московский институт инженеров землеустройства, и я решил, что буду поступать только сюда. Через две недели я приехал в Москву, сдал экзамены и стал студентом. Поэтому с 1965 года моя жизнь тесно связана с этим институтом.

На 3-м курсе меня избрали секретарем комитета комсомола института. Вообще, я был единственным в Москве секретарем вузовского комитета — студентом. Обычно это были молодые преподаватели, научные сотрудники или аспиранты. А получилось так потому, что после 2-го курса мы создали первый в стране специализированный студенческий геодезический отряд. В 1960-е было развито мощное движение студенческих отрядов, кроме строительных были отряды, например, проводников поездов, еще какие-то. А у нас был первый геодезический отряд и выполняли мы очень серьезную профессиональную работу. Тогда в Казахстане в Кызыл-Ординской области строилась мощная рисовая система, создавались специализированные совхозы. Для будущего строительства новых поселков в полупустыне нужно было создать планово-картографическую основу на территории их размещения. Нас привезли в пустыню Кызыл-Ординской области недалеко от высыхающего Аральского моря со всеми «прелестями» этой местности — палящей жарой, каракуртами, фалангами, змеями, мошкаркой и прочим. И тем не менее мы в этих условиях выполнили великолепную и очень важную работу. Отряд получил от ЦК комсомола Казахстана переходящее Красное знамя лучшего специализированного отряда, и наша работа получила высокую оценку и Московского горкома комсомола и Бауманского райкома партии. В начале октября 1967 года меня пригласили в партком института и сказали, что есть намерение «рекомендовать Вас секретарем комитета комсомола».

А. М. НИКУЛИН: Из Вашего рассказа следует, что у Вас с ранних лет было умение ладить с людьми. Вы с детства были достаточно коммуникабельный и ответственный человек, по-видимому? Уговорить директора, чтобы в 13 лет приняли учиться в техникум...

В. Н. ХЛЫСТУН: Наверное, так, ведь я еще в школе был председателем совета дружины.

Как бы сегодня ни ругали комсомол, я должен сказать, что наша команда институтского комитета делала немало интерес-

ного и полезного. Например, студенческие отряды «Сами проектируем, сами строим»: студенческие бюро проектировали детские игровые комплексы и в составе специализированных отрядов сами их строили в Москве; проектировали овощные базары и сами строили, а потом наши же студенты в торговых отрядах работали на них. А началась моя секретарская деятельность с того, что в день рождения комсомола (через неделю после избрания) мы провели акцию, которая вызвала переполох в Москве — организовали факельное шествие. Взяли в столовой пустые консервные банки, наделали в столярке палки, нашли ветошь и солярку... Когда появилась эта идея, как-то не задумывались о том, что для большого города такое шествие опасно с разных точек зрения. Решили пройти колонной с факелами от института до сада им. Баумана, километра три по улицам. И пока мы туда дошли, к нам присоединилось огромное количество людей, я своим выступлением открыл митинг. Я еще не закончил выступление, как приехали пожарники, милиция, медики... Меня, что называется, под белы ручки... Что это такое? Кто разрешил? Сразу же повезли к первому секретарю Бауманского райкома. Он страшно орал на меня, а потом спросил: «Что тебе взбрело в голову, зачем ты это придумал?» Я сказал, что хотелось чего-то не рутинного, разбудить спящую массу хотелось. Потом меня в горьком партии повезли, там долго песочили. Но кончилось тем, что только объявили выговор.

А. М. НИКУЛИН: Вы в этот момент были уже членом партии или комсомольцем?

В. Н. ХЛЫСТУН: Комсомольцем. В общем, начало было неординарное. Мы и потом организовывали очень много интересных вещей в институте. Например, каждый месяц в актовом зале выходил «Устный журнал» из четырех «страниц». На первую «страницу» мы приглашали журналиста-международника, в основном из «Комсомольской правды», вернувшегося из горячих точек планеты. Договорились с редакцией, что по приезде — с Кубы, из Алжира и прочее — они приходят к нам. Это были очень живые и интересные контакты. Вторая «страница» посвящалась культуре. У нас побывали практически все великие: Леонид Утесов, Клавдия Шульженко, Владимир Атлантов, многие примы Большого театра... В то время можно было «забесплатно» договориться с кем угодно. Третья «страница» была спортивная. На нее приглашали олимпийских чемпионов, чемпионов мира — у нас были великий боксер Валерий Попенченко, гордость страны, олимпийский чемпион по прыжкам в высоту Валерий Брумель и многие, многие другие. И четвертая «страница» — в посольствах соцстран мы брали мультфильмы, которые тоже вызывали огромный интерес. У нас было 6 ансамблей — в маленьком институте! Наш студенческий театр эстрадных миниатюр славился в Москве. Наконец, Высоцкий под Новый год, с 1968-го по 1971-й, в ночь с 30 на 31 декабря давал

двухчасовые концерты. Первая встреча с ним в декабре 1968-го закончилась тем, что мы оказались с ним на Петровке, 38.

А. М. НИКУЛИН: А что натворили-то?!

В. Н. ХЛЫСТУН: Концерт шел с двух до четырех часов ночи. Вообще, новогодние вечера мы проводили так: в 10 вечера были наши выступления, на стенах развешивали шаржи на преподавателей, которые рисовали талантливые ребята-художники с архитектурного факультета. Не было ни одного преподавателя, на которого не нарисовали бы шарж. Особенно злые шаржи на военную кафедру. Начинали вечер в 22 часа и заканчивали в 6 утра, когда начинало работать метро.

С Высоцким мы договорились о концерте на 2 ночи. Владимир Семенович был великолепен! В ходе концерта порвалась струна, я попросил ребят принести гитару из общежития, оно было рядом, и он допевал с ней, а потом написал на ее деке: «Желаю много хороших песен». У меня эту гитару в военных лагерях после института украли, такая жалость... А на гитаре моего друга Бориса Панкова написал: «Не пишите песен». Эта гитара хранится у Бориса и сейчас. Когда закончился концерт, в артистической комнате к нам подошли два относительно молодых человека «с удостоверениями» и спросили: «Кто организатор концерта?» «Ну я организатор». — «На каких началах организован концерт?» — «На шефских (хотя на самом деле это было не так, мы ему, конечно, платили, но по нынешним меркам это были копейки)». Владимиру и мне предложили проехать с ними, на улице ждал рафик, который привез нас на Петровку. Его завели в комнату, мне сказали ждать в коридоре. Больше часа он там был. У меня забрали удостоверение секретаря комитета комсомола. Со мной никто не говорил, Владимир вышел с моим удостоверением и пропуском на двоих, страшно злой. Было это потому, что незадолго до этого в газете «Труд» вышла статья «О чем поет Высоцкий?», с которой и началось, по сути дела, его преследование. Его постоянно отслеживали. Мы поймали такси, приехали в общежитие, и он начал петь в моей комнате! Естественно, народ коридоры запрудил. И с того вечера, у меня был его телефон, каждый год (это стало новогодней традицией) он к нам приезжал в ночь с 30 на 31 декабря и давал ночной концерт.

А. М. НИКУЛИН: Я так понимаю, все его концерты записывали?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, конечно. В общем, было у нас в институте немало интересного. Старожилы до сих пор вспоминают комитет комсомола того периода.

В 1970 году я заканчивал институт и собирался распределиться в проектный институт по землеустройству в Алма-Ате, я проходил в нем две производственные практики, и руководство пригласило меня в качестве начальника изыскательской партии, что меня вполне устраивало. Кроме того, было намерение через год поступать в заочную аспирантуру, поскольку на 4-м и 5-м курсах наряду с комсомольской я активно занимался научной работой (во все-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

союзном конкурсе НИР студентов, посвященном 100-летию со дня рождения Ленина, моя работа получила 1-е место по направлению «Экономика сельского хозяйства»). К этому времени я был уже женат на моей односельчанке и немаловажным было обещание предоставить мне квартиру в строящемся институтом доме. Однако накануне распределения меня приглашают ректор и секретарь парткома и предлагают остаться в институте в качестве преподавателя. Это было совершенно неожиданно, потому что тогда в Москве получить прописку было практически невозможно. Я не очень понимал, как это можно сделать — я не москвич, жена не москвичка. Более того, она в это время еще училась в Карагандинском политехническом институте. Мне сказали, что вопросы жилья и прописки решат. И я остался в качестве преподавателя, два года еще был секретарем комитета. В общей сложности в этом качестве был пять лет. Это очень долгий срок, но уговорить руководство института и района, чтобы меня наконец освободили и дали возможность завершить работу над диссертацией, было очень трудно.

В октябре 1972 года состоялась моя последняя комсомольская конференция. Обычно они проходили по воскресеньям в актовом зале. В перерыве собирался актив, обсуждали состав комитета и представитель райкома потом оглашал предлагаемые кандидатуры, а уже комитет избирал секретаря. Когда на доске написали фамилии кандидатов и моей фамилии там не оказалось, встает Миша Гуцин и удивленно так: «А Хлыстун?!» Виктор Коробченко — первый секретарь райкома ВЛКСМ говорит: «Мы по просьбе Виктора решили его освободить для завершения диссертации». И вдруг зал встает и начинает топтать ногами и кричать: «Хлыстун! Хлыстун!» Нечасто такое бывает, знаете... Я долго не мог прийти в себя после этого, пока однажды ночью в один присест не написал рассказ под названием «Конференция». Суть его в том, что я смотрю в зал из президиума конференции, вижу лица и вспоминаю, что с ними связано. И после этого мне стало легко. Это было не для печати, для себя, нужно было выплеснуть все эмоции и освободиться от тягостного чувства потери чего-то очень важного, чем жил целых пять лет.

Ну а дальше — в 1974-м защитил кандидатскую диссертацию, сразу после этого стал замдекана факультета, еще через год — деканом самого большого факультета. На самом деле, я был самым молодым деканом в системе высшего образования, стал им в 30 лет, всего через 6 лет после окончания института. Еще через год меня пригласили в райком партии и говорят: «Будем рекомендовать тебя секретарем парткома института». Пришлось согласиться, хотя у меня были другие планы и намерения заняться прежде всего исследовательской деятельностью.

В 1980 году умер проректор по научной работе, и ректор предложил мне занять эту должность, райком и Минсельхоз СССР поддержали это решение. Также оказался самым молодым проректором

в системе, мне было тогда 34 года. 10 лет работал в этом качестве, и это очень интересное для меня время и с точки зрения своего роста, и с точки зрения того, что мы делали в институте.

Это был период, когда руководству Главного управления землепользования и землеустройства на основе научных исследований удалось поднять землеустройство на самый высокий за всю его историю уровень. В это время с нашим участием были разработаны Генеральная схема использования земельных ресурсов СССР, генеральные схемы для всех союзных республик, схемы землеустройства районов, проекты районной планировки и проекты землеустройства большинства сельхозпредприятий страны. Именно тогда родилось множество интересных документов, которые определяли пространственное развитие СССР. В 1980-е годы в институте работали мощнейшие ученые: мой главный учитель — профессор Г. А. Кузнецов — основоположник теории и практики прогнозирования и планирования использования земель; профессора Б. К. Малявский и Б. Н. Родионов — разработчики технологий аэрокосмического мониторинга состояния природных ресурсов и приборов для космических съемок, в частности, всемирно известного аппарата АФА-6; профессор М. И. Коробочкин — разработчик первой автоматизированной системы вертикальной планировки земель для орошения, и многие другие.

Это был период, когда в стране создавалась и позднее успешно функционировала система многослойного зондирования поверхности земли и мониторинга состояния земельных ресурсов. Уже во второй половине 1980-х можно было из космоса наблюдать и дешифровать состояние почв, развитие эрозионных процессов, на основе космических съемок прогнозировать урожай сельскохозяйственных культур. Было налажено теснейшее сотрудничество института с Институтом космических исследований, Госцентром «Природа», ГосНИИ земельных ресурсов и многими другими научными и производственными организациями, что позволяло добиваться высоких результатов исследований и обеспечивать их внедрение.

А. М. НИКУЛИН: А в каком году Вы защитили кандидатскую и докторскую диссертации и на какие темы?

В. Н. ХЛЫСТУН: В 1974-м — кандидатскую, тема диссертации была связана с моей родиной, Кокчетавской областью: «Планирование использования земель в сельских районах Кокчетавской области Казахской ССР». Докторскую писал на тему «Основные этапы и направления развития советского землеустройства» и защитил ее в 1987 году. Это историко-экономическое исследование, первая часть которого была посвящена истории землеустройства, вторая — перспективам его развития.

В 1988–1989 годах в контексте проблем продовольственной безопасности в научных кругах и даже в Сельхозотделе ЦК КПСС стали активно обсуждаться вопросы, связанные с реформирова-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

нием земельных отношений. Ситуация конца 1980-х известна — по сути, провал Продовольственной программы, острая нехватка основных продуктов питания, низкая эффективность вложений в развитие АПК — шел лихорадочный поиск возможных путей выхода из кризиса. Я участвовал в таких обсуждениях, но достаточно пассивно, поскольку тогда у меня еще не сложились представления о возможностях коренного изменения земельных отношений, хотя уже созрело убеждение в их явном несоответствии современным вызовам. В это время я познакомился со многими людьми, мыслившими неординарно. Прежде всего это Алексей Михайлович Емельянов (самые первые контакты были, пожалуй, с ним). Потом — Владимир Александрович Тихонов, с которым мы встречались в ВАСХНИЛ у академика А. А. Никонова. В качестве проректора по научной работе меня приглашали на разные мероприятия, которые проводила академия. Это общение побудило меня переключиться с преимущественно технологических проблем землеустройства на оценку состояния и определение альтернатив развития земельных отношений как базы для эволюционных изменений в организации сельскохозяйственного производства. Когда весной 1989 года Александр Александрович Никонов предложил мне войти в состав рабочей группы по подготовке новой редакции «Основ земельного законодательства Союза ССР и Союзных республик», я с радостью согласился. Группа работала под эгидой Аграрного комитета Верховного Совета СССР, его председателем тогда был Аркадий Вепрев, очень колоритный и мудрый человек — председатель уникального колхоза из Красноярского края. Ее руководителем был А. А. Никонов, а в состав входили академики А. М. Емельянов, Э. Н. Крылатых, Б. И. Пошкус. Доктора юридических наук С. А. Боголюбов, И. А. Иконницкая, Г. Е. Быстров. Часто на заседания группы приходили депутаты — А. Собчак, дважды Герой Социалистического Труда В. И. Штепа и другие. Активное участие принимали молодые сотрудники ВАСХНИЛ Е. В. Серова, С. В. Киселев, А. В. Петриков. Шла очень интересная и напряженная работа, не прекращались жаркие дискуссии, но всегда преобладало намерение найти приемлемую для большинства, иногда компромиссную, точку зрения. По вопросу о собственности на землю изначально обсуждались две крайние позиции. Первая — «ничего не менять, сохранить государственную монополию собственности на землю», вторая — «вести наряду с государственной частную собственность».

В ходе острой дискуссии нашли компромисс — при сохранении государственной собственности установить право пожизненного и наследуемого владения землей. Это была достаточно серьезная юридическая новелла, она дала главную основу для нового документа. Были там и другие новации, но эта была основной. Я был автором ряда статей нового закона и активно поддержал эту, основную, его новеллу.

После принятия «Основ...» нужно было разрабатывать и принимать «Земельные кодексы» во всех союзных республиках. Для подготовки российского закона при Верховном Совете РСФСР была создана комиссия, председателем которой назначен замминистра сельского хозяйства Б. П. Мартынов, я был включен в ее состав. Надо сказать, что мы почти три месяца топтались на месте. Абсолютно разные взгляды, никак не могли выйти на определенные стратегические позиции, дискуссии были плохо организованы — говорили обо всем, но необходимой конкретики не было. На одном из очередных заседаний я предложил: «Давайте разделим закон: выведем в отдельный документ то, что принципиально меняет систему земельных отношений, условно назовем его “законом о земельной реформе”, а после его принятия подготовим Земельный кодекс — как свод регулирующих норм, вытекающих из принятого закона, изменившего земельные отношения. То есть сначала в рамках короткого закона о земельной реформе определим основные исходные позиции новых земельных отношений, а потом уже будем писать на этой основе нормы их регулирования».

К этому предложению члены комиссии отнеслись по-разному, в основном настороженно, но на заседании присутствовал заместитель председателя Аграрного комитета Верховного Совета СССР Иван Алексеевич Алтухов (до избрания депутатом работал деканом экономического факультета Горьковского сельхозинститута), который за эту идею ухватился и настойчиво меня поддержал. Мне сказали: «Если ты предложил, то возьми на себя подготовку первой редакции проекта». В принципе, у меня в мозгу этот закон уже сформировался, поэтому я буквально за ночь написал проект и утром привез его в рукописном виде в гостиницу «Украина», где жил Иван Алексеевич. Прочитав текст, он сказал: «Это то, что надо, нам нечего обсуждать его в комиссиях! Я прямо сегодня договорюсь обсудить этот вариант законопроекта в Аграрном комитете».

Откровенно говоря, я совсем не рассчитывал на поддержку, потому что 90% состава комитета были руководители крупных сельхозпредприятий. Во второй половине дня я доложил этот проект на заседании, и для меня стало абсолютной неожиданностью, что большинство его членов выразили ему поддержку, причем весьма активную. Председатель комитета В. А. Агафонов занял несколько выжидательную позицию, а второй его заместитель В. А. Захаров поддержал сразу. С горячей поддержкой выступили Ирина Александровна Вертоградская, директор НИИ из Кировской области, Иван Михайлович Подгорный, руководитель крупного хозяйства в Вологодской области, и многие другие. Подавляющим большинством присутствующих решили: этот проект закона надо продвигать. При обсуждении в текст практически не было внесено никаких изменений.

Одновременно с нашим проектом разрабатывался закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве. Мы тогда познакомились с Вла-

димиром Башмачниковым, сверили наши проекты и в дальнейшем обсуждение двух законов шло параллельно сначала в Аграрном комитете, а потом в других. В процессе обсуждения в комитетах Верховного Совета в проект закона о земельной реформе практически ничего нового внесено не было, он прошел почти полностью в первой редакции. 23 и 24 октября эти законы были приняты.

Еще через несколько дней меня пригласил Григорий Явлинский, бывший в то время заместителем председателя Совета Министров РСФСР Ивана Степановича Силаева, и сказал: «Я ознакомился с вашим проектом закона, мы обсудили его с Иваном Степановичем и решили, что этот закон надо принимать, а для его реализации нужно создать специальный правительственный орган — Государственный комитет по земельной реформе. Мы предлагаем Вам его возглавить». Я ответил сначала отказом: «Понимаете, я — ученый, сейчас занимаюсь тем, что мне очень нравится, я разработчик и готов в этом качестве сутками работать, но я не чиновник и никогда не видел себя в этой роли». Явлинский дал сутки на раздумье. На следующий день я пришел к нему с твердым убеждением отказать, но он, увидев меня, говорит: «По лицу вижу, что не согласен. Пошли к Ивану Степановичу». Сначала он к нему зашел, я ждал в приемной. Потом меня пригласили. Захожу. Силаев выходит из-за стола и говорит: «Виктор Николаевич, это же не по-мужски! Прокукарекал — а делают пусть другие?» И меня эта фраза переломила, решил попробовать и согласился.

Процесс назначения министром в то время был чрезвычайно интересен. Совсем не то, что потом. Прохождение кандидатуры на должность министра (а председатель Госкомитета имел статус министра) начиналось с того, что все кандидаты, и я в том числе, должны были пройти психологическую комиссию. В ее составе были 12 сильнейших психологов страны, которые за круглым столом в Верховном Совете вели с кандидатом двухчасовую беседу обо всем: биографии, интересах, спорте, культуре, искусстве, семье, профессии... Причем один сидит напротив, а двое по бокам, которые на меня пристально смотрят, в беседу не включаются. Остальные задают вопросы, а эти трое только наблюдают за мной. По результатам беседы составлялось психологическое заключение.

А. М. НИКУЛИН: Никаких тестов, просто длительная беседа?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. Заключение писалось только в одном экземпляре, который передавали Силаеву, а тот потом — Ельцину. Там было много оценочных показателей, но четыре главные: реакция, скорость мышления, интеллект и креативность. Остальные менее важны. Эту комиссию преодолевали далеко не все. После комиссии мне нужно было пройти шесть комитетов Верховного Совета. Шесть! Везде я делал доклад о своем видении земельной реформы, об организации работы нового ведомства. Каждый комитет давал свое заключение, после этого в двух палатах (Верховный Совет был двухпалатный) нужно было выступить с докладом и от-

ветить на множество вопросов и только после этого на двухпалатном заседании Верховного Совета сделать доклад и пройти тайное голосование. Еще кнопок не было, голосовали в урнах. Вся процедура назначения заняла почти два месяца. По результатам тайного голосования я набрал 87% голосов и был назначен Председателем Государственного комитета РСФСР по земельной реформе.

А. М. НИКУЛИН: А были и другие кандидаты?

В. Н. ХЛЫСТУН: Вторая кандидатура Комов Николай Васильевич. Его до моего назначения утвердили первым замом председателя комитета, еще не существующего. А перед этим он занимал должность начальника Главного управления землепользования и землеустройства Министерства сельского хозяйства РСФСР, то есть был главным землеустроителем в Российской Федерации. Он тоже проходил все эти этапы, но первой правительство внесло мою кандидатуру.

Нужно было создавать новую службу практически с нуля. Причем одновременно нужно было развивать законодательство, готовить подзаконные нормативные акты и формировать вертикальную структуру управления земельными ресурсами по всей республике. За очень короткое время удалось собрать очень креативную и дееспособную команду. Моими заместителями и убежденными соратниками стали Н.В. Комов — самый опытный и сильный управленец, которому я весьма благодарен за сотрудничество и дружбу до настоящего времени, В. В. Алакоз — один из самых известных в стране специалистов в области землеустройства, П. Ф. Лойко — крупный ученый в области кадастра и мониторинга, В. Ф. Башмачников — ученый и главный организатор фермерского движения...

В ведение комитета из Министерства сельского хозяйства РСФСР передали Главное управление землепользования и землеустройства, но его функции не были связаны с реформированием, они вели земельный кадастр, землеустройство, осуществляли государственный контроль. А вот главным содержанием деятельности Госкомзема стало коренное изменение системы земельных отношений, формирование многоукладного землепользования, развитие фермерства и организация использования земель в новых условиях — по сути, нужно было создавать новые структуры и функции системы управления земельными ресурсами. И надо сказать, что все это появилось всего за два месяца, к началу 1991 года. Причем сначала у нас даже своего помещения не было: то мы в Минсельхозе ютились, то в Белом доме одна комната была выделена. За эти же два месяца были сформированы наши региональные структуры, разработана и начала реализовываться Программа земельной реформы. Не могу не отметить, что это, пожалуй, единственная государственная программа, которая была не только выполнена в полном объеме, но даже перевыполнена. Представьте, что за первые восемь месяцев ее реализации в России вдвое увеличилась площадь земель под садоводством и огородничеством. Были полностью от-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

граничены и переданы в ведение местных советов земли сельских населенных пунктов, проведена инвентаризация всего земельного фонда республики, обновлена планово-картографическая информация для значительной части территории республики, появилось более 100 тысяч фермерских хозяйств, открыты новые факультеты землеустройства в вузах и отделения в техникумах и многое другое.

Все это проходило на фоне острейших дискуссий и преодоления достаточно мощного сопротивления значительной части местных руководителей. Надо сказать, что в это время нам очень помогали СМИ. Мы неоднократно проводили публичные диспуты на телевидении. В прямом эфире мне приходилось дискутировать, например, с В. А. Стародубцевым, одним из противников реформ, с руководителями Минсельхозов СССР и РСФСР. При этом у меня со всеми были прекрасные человеческие отношения. С Василием Александровичем мы, будучи абсолютными идеологическими антиподами, сохраняли товарищеские отношения до самой его смерти. Существовала открытая телевизионная площадка, на которой мы могли публично спорить и отстаивать свои позиции, и это давало очень неплохие результаты. Практически неограниченно мне и моим заместителям предоставляли время для информации на разных телевизионных и радиоканалах, в газетах. С этой точки зрения это было очень благодатное время. Во многом именно с помощью СМИ нам удалось много сделать в течение короткого периода до августовского путча 1991 года.

Одним из главных направлений работы Госкомзема стало развитие российского фермерства. Его возглавил в качестве заместителя председателя В. Ф. Башмачников, который одновременно был одним из руководителей АККОРа. Интересна история с его избранием президентом этой ассоциации. На первом ее съезде президентом стал академик Алексей Михайлович Емельянов. Где-то за три недели до второго съезда мне звонит Руслан Хасбулатов и говорит: «Я прошу, прими одного человека — заместителя председателя правительства Дагестана. Посмотри его на предмет рекомендации президентом АККОРа». Я впервые услышал эту фамилию, и когда он у меня появился, я спросил: «Зачем вам это надо? Какое вы имеете отношение к фермерскому движению?» Ответ: «Я курирую сельское хозяйство в Дагестане, там есть семейные хозяйства и я их поддерживаю». Я спрашиваю: «А вас знают фермеры России? Вот я выведу вас на трибуну съезда АККОРа, как эти громкоголосые ребята отнесутся к человеку, которого в первый раз видят? Есть люди, которые уже давно работают в этой сфере, которые уже завоевали авторитет, их знают, им доверяют. И вместо такого человека я представлю вас? Я не буду этого делать».

И началось! Звонит Силаев. Я говорю, что готов оставить свою должность, но на такой стыд не пойду, чтобы навязывать съезду лицо, которое фермеры не знают. Вызывает Исаев — зампреда Верховного Совета, затем Хасбулатов. У Хасбулатова сидит

Кулик Геннадий Васильевич, зампред Правительства РСФСР — министр сельского хозяйства, и тоже на меня давит в этом плане. Говорю: «Если этот человек такой хороший, так возьмите его себе, зачем его сюда навязывать?»

А. М. НИКУЛИН: То есть тогда, в перестройку, тоже была практика номенклатурных продвижений-назначений?

В. Н. ХЛЫСТУН: К сожалению, да.

А. М. НИКУЛИН: Притом что вы вон какой конкурсе проходили, а тут просто навязывают: «Возьми!»

В. Н. ХЛЫСТУН: Я сказал, что представлять его не буду. Ваше право прийти на съезд и представить его, но я не просто не буду его представлять, но выступлю «категорически против». Однозначно буду рекомендовать Башмачникова. На следующий день узнаю, что этот человек назначен заместителем министра сельского хозяйства РСФСР.

А. М. НИКУЛИН: А почему произошла замена Емельянова на Башмачникова?

В. Н. ХЛЫСТУН: По просьбе Емельянова. Он был больше почетным президентом, а Башмачников — вице-президентом и львиную долю всей организационной работы брал на себя.

А. М. НИКУЛИН: То есть Емельянов — это такой «идеолог-популяризатор», а реально выполнял административную работу Башмачников?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. И по подготовке закона о крестьянско-фермерских хозяйствах больше работал Башмачников, хотя вклад Алексея Михайловича в воссоздание российского фермерства, несомненно, велик. И не только как идеолога, но и как депутата Верховного Совета СССР, всеми возможными средствами поддерживавшего это движение.

В общем, начальный период реформ, на мой взгляд, был достаточно успешным. Полагаю, что была избрана разумная тактика с точки зрения не сиюминутного разрушения того, что сложилось, а постепенного выделения из него новых форм хозяйствования и новых форм собственности. Не разово и не жестко.

А. М. НИКУЛИН: Значит, попытка создания многоукладности, но не способом шоковой терапии.

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, и первый год показал, что даже при сопротивлении, которое было на местах, при определенном искажении противниками целей земельной реформы процесс шел вполне успешно, и основная часть населения такое реформирование поддерживала.

А дальше был августовский путч. 19 августа мы с Силаевым должны были встречаться в одном из КФХ Одинцовского района с фермерами Московской области. Договорились, что рано утром встречаемся с ним на Минском шоссе. Я приехал туда, его нет. Подождал, звоню в приемную. Говорят: «Иван Степанович ждал Вашего звонка и просил извиниться перед фермерами, Вам как мож-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

но быстрее нужно приехать в Белый дом, у нас тут очень острые события». Не сказали какие.

Я даже не поехал в Одинцово, позвонил Башмачникову, чтобы предупредил об отмене встречи, а сам приехал в Белый дом и все три дня был на его территории, периодически выезжая ненадолго в комитет. Мне очень обидно, что Ивана Степановича Силаева мои коллеги — Полторанин, Шахрай, Федоров — после этих событий обвиняли в том, что он в критический момент 20 августа сбежал из Белого дома. Это абсолютно несправедливое утверждение, я много раз его опровергал, ведь все это происходило на моих глазах. Был сильный сердечный приступ у его жены, он сказал, что отлучится на час, потому что врачи не ручались за ее жизнь. Его не было в правительстве максимум два часа, потом он быстро вернулся и всю самую тревожную за время путча ночь был на месте.

Всех членов правительства вооружили, мне дали пистолет Стечкина без кобуры, и я носил его за поясом, все время думая: неужели мне придется стрелять? Вот придут эти мальчишки-солдаты, неужели мне придется их убивать, это же страшно! Периодически мы выходили на улицы, разговаривали с военными на танках, убеждали вернуться в расположение своих частей. Реагировали на нас по-разному, чаще отмалчивались.

После событий августа ситуация стала меняться. Правительство Силаева отправляют в отставку, мы все получаем статус «временно исполняющих обязанности», но продолжаем работать в своих министерствах и ведомствах

А. М. НИКУЛИН: А почему правительство отправили в отставку?

В. Н. ХЛЫСТУН: Сначала из-за отставки Силаева, который перешел в экстренно созданный Межреспубликанский экономический комитет, потом в связи с формированием нового состава Правительства России. Б. Н. Ельцин по представлению Г. Бурбулиса сделал ставку на группу молодых экономистов во главе с Е. Т. Гайдаром. Старое правительство ушло в отставку, новое было утверждено 15 ноября 1991 года.

Вечером 14 ноября мне звонит госсекретарь Геннадий Бурбулис: «Тебе нужно быть завтра в половине десятого у президента». Спрашиваю: «На какой предмет?» «На предмет назначения министром сельского хозяйства». Я говорю: «Да вы что, я землеустроитель! Я не агроном, не зооинженер!» Он говорит: «Вот и скажи это все президенту, не мне». Я всю ночь готовился к речи — убеждать президента в том, что я не готов занять эту должность. Приезжаю в Кремль, у него журналисты. В 9.40 меня приглашают. Он выходит из-за стола с бумагой в руке и говорит: «Виктор Николаевич, надо поработать в новой должности!» Я говорю: «Борис Николаевич, я не готов занимать эту должность!» — и собираюсь продолжить заготовленную тираду — почему я не готов. Он меня прерывает: «А я, что ли, готов быть президентом? Будем учиться и работать. Вопрос

решен, не обсуждается. На, читай!» Отдает мне подписанный указ и уходит в заднюю дверь. И вся моя заготовка... Уже у двери повернулся ко мне и говорит: «У вас осталось всего 15 минут, чтобы доехать на первое заседание правительства».

Когда я приехал на Старую площадь, заседание правительства уже началось. Захожу в зал на выступлении Ельцина. Он прервался, пожевал губами: «Почему опаздываете?» Я думаю: «Ничего себе!» Он еще пожевал губами и говорит: «Тут некоторые считают, что не готовы работать в Правительстве России, так это я буду решать, кто готов, а кто нет». Жестко так. В общем, видите: с интервалом в год две абсолютно разных процедуры назначения министров.

Мне, конечно, было интересно узнать, почему возникла моя кандидатура. Оказалось, Гайдар когда-то проводил совещание в Белом доме, на котором я присутствовал. Там были Кулик — мой предшественник, Титов — губернатор Самарской области, другие губернаторы. Речь шла об аграрной реформе и все выступавшие говорили о своих представлениях, как она должна выглядеть, по каким направлениям она должна развиваться. Все говорили, что надо взять за основу земельную реформу, расширить ее до аграрной. Я тоже выступил, но даже не думал, что, оказываясь, это были своеобразные «смотрины». Но даже не это сыграло ключевую роль. Как мне сказали потом, Гайдар советовался с А. М. Емельяновым и А. А. Никоновым, и они оба, независимо один от другого, назвали мою фамилию. Так неожиданно мне пришлось стать первым министром сельского хозяйства постсоветской России.

Первоочередной была задача сформировать команду, что оказалось весьма непросто. Представьте ситуацию: по состоянию на 15 ноября 1991 года в СССР и РСФСР в общей сложности значились 9 министерств и ведомств, которые занимались аграрно-промышленным комплексом: Минсельхоз СССР, Минсельхоз РСФСР, Минсельхоз нечерноземной зоны РСФСР, министерства сельского строительства СССР и РСФСР, Министерство мелиорации и водного хозяйства и так далее. В них работали более 25 тысяч человек. И мне нужно было создать на их базе одно министерство с численностью работающих 1560 человек. Из 25 тысяч — 1560! Это очень непростая проблема, ведь речь шла и о последующем трудоустройстве увольняемых людей, и выборе из них руководителей и специалистов, способных работать в принципиально новых условиях. И решить эту задачу следовало за предельно короткое время, потому что откладывать некуда, надо начинать работать. Тем более что на первом заседании правительства мне был установлен срок представления Программы аграрной реформы не позднее 15 декабря. 15 ноября меня назначили, а через месяц я уже должен был представить весь пакет документов по коренному переустройству всей системы продовольственного обеспечения страны.

Через два дня после назначения состоялся первый разговор с Гайдаром. Начался он в 2 часа ночи, Гайдар сразу спросил о моем видении главных направлений реформы АПК. Я говорил о введении многообразия форм собственности и форм хозяйствования, о техническом перевооружении, о решении социальных проблем села и так далее. Он меня прервал и говорит: «Наверное, все это важно, но не сегодня. Главная задача на сегодня — это сокращение сельским хозяйством объемов потребляемых ресурсов. Село поглощает значительную часть государственного бюджета, оттягивает огромное количество очень важных для страны ресурсов — нефтегазовых, электроэнергии и так далее, поэтому Ваша главная задача — резко сократить потребление ресурсов в аграрной сфере». Я говорю, что в этом случае произойдет столь же резкое снижение объема производимого продовольствия в стране! Нам его сегодня не хватает, а что же будет потом? Он говорит: «Это не проблема. У нас есть экспортно ориентированные отрасли экономики, которые нам позволят закупить недостающую часть продовольствия за рубежом. Мы — страна, как вы же, аграрники, утверждаете, которая находится в неблагоприятной зоне с точки зрения земледелия, зачем нам тратиться на низкую урожайность, низкую продуктивность скота, когда мы можем закупить по мировым, относительно невысоким ценам, весь необходимый объем продовольствия».

Я говорю: «А с людьми что делать? Ведь почти 40% населения страны проживает в сельской местности. Что прикажете с ними делать? Они лишними окажутся в таком случае в России?» Он ответил: «Ну проблема в этом есть, но она не является главной». Тогда я сказал: «Егор Тимурович, я не буду выполнять такую программу. Готов тотчас же написать заявление об отставке». Реакция была такая: «Ну что же, это тоже выход. Но давайте не будем спешить. Вернемся к продолжению этого разговора через несколько дней. Я вас приглашу».

Утром я приехал в Минсельхоз и собрал для экстренного разговора членов формируемой команды. В нее уже входили Александр Ефремов — депутат Верховного Совета РСФСР, последний Герой Соцтруда, председатель колхоза в Курганской области, активно поддерживавший земельную реформу; Анатолий Копылов — очень креативный человек, работавший ранее в колхозе В. Стародубцева в качестве его заместителя, но имевший иные представления о будущем сельского хозяйства; Б. Лякин — опытный аппаратный работник; А. Огарков — бывший директор НИИ сельского строительства, и еще несколько человек, уже приступивших к работе. Я описал сложившуюся ситуацию и получил настоящую отповедь против моей возможной отставки. В один голос все заявили: «Виктор, иди на компромиссы! Если ты уйдешь, то будет назначен человек, который будет устраивать «их» в полной мере. Надо это видение переламавать. Мы тебя умоляем не делать этого, другой

альтернативы просто нет». Буквально в этот же день звонит мне Алексей Михайлович Емельянов: «Ты чего там бастуешь? Прошу тебя, не делай этого. Мне Егор звонил, я не согласился с его позициями. Убедительно тебя прошу — не надо здесь делать жестких телодвижений, ищи компромиссы». Вызвал меня Гайдар через пару дней и сказал: «Давайте попробуем найти какие-то срединные позиции между моими представлениями и Вашими и постараемся найти консенсус». Я согласился. Мы действительно искали компромиссы и во многих случаях их находили, но далеко не всегда.

С первых дней начался процесс подготовки проектов Указа президента и постановлений правительства о реформировании системы управления, о реорганизации колхозов и совхозов и других документов, связанных с реформированием АПК. Меня часто упрекают в том, что якобы Хлыстуном и его командой принимались чисто административные решения, что наука в этом не участвовала. Действительно, многие ученые — противники реформ в их подготовке не участвовали, и потом говорили и писали об отсутствии их научного обоснования. Но это совершенно не так, в процессе подготовки всех важнейших решений участвовали очень многие экономисты, юристы, землеустроители, экологи и другие. Я могу назвать имена как минимум двух десятков ученых, которые вместе с командой министерства работали и над идеями, и над конкретными документами, определившими стратегию и тактику аграрных преобразований. В их числе, кроме названных выше академиков, следует упомянуть активное участие экономистов И. Н. Буздalова, Э. Н. Крылатых, В. Я. Узун; юристов С. А. Боголюбова, И. А. Иконницкой, Э. С. Беляевой, Е. А. Галиновской, В. В. Устюковой, Г. Е. Быстрова; тогда молодых еще ученых Е. Серовой, С. Киселева, А. Петрикова и многих других.

В. Я. Узун в своем интервью для «Крестьяноведения» уже говорил, что в подготовке пакета документов принимали участие экономисты М. Э. Дмитриев и О. В. Григорьев, хотя главные роли они не играли. Более того, мне пришлось очень жестко с ними спорить. Особенно с человеком из этой команды П. С. Филипповым, который склонял А. Чубайса к позиции включения всего имущества и земель сельхозпредприятий в общий фонд ваучерной приватизации. При этом сельские жители должны получать только ваучеры наравне с другими гражданами страны и могут отоварить свои ваучеры землей и имуществом колхозов и совхозов на равных основаниях с жителями городов.

Наша позиция в этом плане была предельно жесткой: я сказал, сельскохозяйственные земли и имущество сельхозпредприятий могут приватизировать только лица, проживающие в сельской местности. Когда дискуссия с командой Чубайса накалилась до предела, я пошел к президенту и изложил ему суть наших противоречий. Он меня однозначно поддержал, сказав, что «Земля — крестьянам!» — очень правильный лозунг. Противники с этим смирились.

Внутри у нас тоже была «драчка»: практически абсолютное большинство моей команды считали, что и земля, и имущество — только для работников колхозов и совхозов. Моя позиция была более справедливой: я был уверен, что землю могут получить все проживающие на данной территории, включая пенсионеров, работников социальной сферы, образования и так далее. Имущество колхозов и совхозов — только их работникам, земля — всем проживающим на селе. Это решение я буквально продал, иначе огромное количество сельских людей мы бы просто «кинули» в проведении такой земельной реформы.

А. М. НИКУЛИН: Конечно! В колхозе действительно все было общее. Вся «социалка» тоже работала на колхоз.

В. Н. ХЛЫСТУН: Представьте, сельский учитель. Он так же живет в деревне — в таком же доме, у него корова такая же, он сено косит, дрова заготавливает. Почему мы его выбрасываем из процессов наделения землей?!

Все документы, которые родились на первом этапе реформы и все последующие, — это плод работы не только чиновников Минсельхоза, но и результат постоянного общения с учеными. «Диспетчером» в этом взаимодействии выступал Анатолий Сергеевич Копылов. Он был заместителем министра и курировал департамент реформирования агропромышленного комплекса. Он организовывал все эти встречи, я, как правило, в них участвовал, на них вырабатывались все принципиальные решения. Конечно, последнее слово всегда было за министром, но в нем всегда присутствовали мнения ученых.

Сегодня другое время, законы готовят годами и ошибок при этом все равно немало, а тогда все нужно было делать в считанные дни. Конечно, избежать ошибок было нереально, но убежден, что они носили тактический характер и не сыграли ключевую роль в проведении реформ. Что же касается стратегических решений, то я и сегодня убежден: они были правильными.

А. М. НИКУЛИН: Вы имеете в виду лозунг 1991 года «Земля — всем сельским жителям»? Не просто работникам колхозов и совхозов, а всем сельчанам?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. Вставал и такой вопрос: «А нужно ли вообще приватизировать землю?» Имелось в виду, что фермерам будут продолжать постепенно выделять землю, она будет так же передаваться в аренду совхозам и колхозам, которые сохраняются и продолжают работать, но из них крестьяне могут выходить для создания фермерских хозяйств. Такая позиция вполне имела право на существование. Я даже был в значительной степени склонен к тому, чтобы пойти по этому пути. Но общая линия была на разгосударствление всей собственности, поэтому эта позиция не вписывалась в общее настроение, и мне пришлось от нее отказаться. При этом я был противником жестких темпов, ускорения этого процесса, я старался не форсировать его до тех пор, пока не будет появляться есте-

ственное желание у людей переходить на новые формы хозяйствования. К сожалению, мне здесь тоже не удалось отстоять свои позиции, давление со стороны правительства было очень мощное, требования об ускорении этих процессов не сходили с повестки дня его заседаний. Вопрос о подходах к приватизации земли до сих пор обсуждается. Даже мои преемники на посту министра — В. Семенов и А. Гордеев — говорили о том, что не надо было землю на доли разделять.

А. М. НИКУЛИН: Да, есть такое мнение: «Зачем раздробили землю на паи, теперь вот мучаемся со всем этим».

В. Н. ХЛЫСТУН: Но дело-то в том, что за всю историю человечество изобрело лишь три способа приватизации. Три! Первый — реституция, возврат прежним собственникам, второй — продажа, третий — уравнительное распределение. Последний — это, несомненно, самый неэффективный, он не порождает тотчас эффективного собственника, это понятно, но два других-то абсолютно не годились для России. Поэтому не самая эффективная форма — уравнительное распределение, оказалась, по сути, единственно возможной. Или надо было сохранять монополию госсобственности, других вариантов не было. Еще никогда на мой вопрос своим критикам — как иначе нужно было проводить приватизацию земли, я не получал вразумительного ответа.

А. М. НИКУЛИН: Чаянов говорил о том, что надо учитывать не только экономическую рентабельность, но также и социальную рентабельность реформ — социально подходящих для сельского населения.

В. Н. ХЛЫСТУН: Несомненно! Тем более что мы имели в виду, что, в принципе, люди имели бы возможность и право распорядиться этой возникшей своей долевой земельной собственностью, вступая и в любые коллективные формы ведения хозяйства. Для этого никаких препятствий не было. Но для этого надо было людям все разъяснить. А в общественном мнении пошло гулять утверждение, что колхозы и совхозы разгоняются, все разбредаются по частным крестьянским дворам, и это вызывало сопротивление сельских сообществ. И здесь я должен сказать, что СМИ заняли позицию не просто негативную, а какую-то... непатриотичную. Я обращался ко всем до сих пор высокопочитаемым людям, которые выступали организаторами нового информационного пространства, с просьбами помочь в разъяснении сути аграрных реформ, и мне все единодушно отвечали: «Виктор Николаевич, пожалуйста, сколько хотите эфирного времени! Только за него заплатите!»

А. М. НИКУЛИН: Это уже 1991 год, когда телевидение коммерциализировалось?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да. Если в 1990-м я приходил в Гостелерадио и говорил, что именно нам надо, мы составляли программу, при этом о деньгах речь вообще не заходила, то в 1991-м — «плати».

А. М. НИКУЛИН: Значит, информационное пространство к тому времени уже оказалось приватизированным?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, а в бюджете Минсельхоза не было предусмотрено ни копейки на информацию! И должен сказать, что такой радикализм массмедиа искажил в известной степени восприятие аграрных реформ среди населения. Вот телепередача «Сельский час» Юрия Черниченко, с которым я много соприкасался. Я ему говорил, что так не надо выступать. Умный политик даже из своих противников делает сторонников, а глупый — наоборот, из потенциальных сторонников делает врагов. Все эти его навешивания ярлыков на председателей колхозов: «красные помещики», «агроулаг» и другие — только вредили.

А. М. НИКУЛИН: Вообще-то еще в начале 1980-х, когда Черниченко вел «Сельский час», он был «певцом» развития колхозно-совхозного агропромышленного комплекса. И вдруг к концу 1980-х совершил такой поворот, став «бардом» экспансии рыночного фермерства.

В. Н. ХЛЫСТУН: Был бы он один, тогда бы ладно. Но такие ярлыки и мнения стали гулять повсюду. И те, кто мог бы быть сторонником реформ, заняли место «по другую сторону баррикад», раз уж их все равно отнесли к «врагам». А это ведь люди, к которым сельское население прислушивалось, они формировали общественное мнение на местах, несли информацию. И когда их превратили во врагов, они трансформировали свои позиции, влияя и на сельское окружение. Противостоять этому было трудно, потому что, сколько бы я ни проводил региональных совещаний, мотаюсь по стране, все равно дальше руководителей информация не шла. А ведь населению нужна прямая информация, «из первых уст», что называется, а этого не было, наоборот, всяческие искажения.

Во многом это зависело и от губернаторов. Губернатору Краснодарского края нужно было как можно быстрее все разбить вдребезги. Я ему говорил, что не надо этого делать, ведь кубанское крестьянство, как и донское, имеет свои особенности, свои традиции. Навязанные позиции они не принимают, с ними надо по-другому работать. Но, к сожалению, или слишком быстро хотели, или, наоборот, очень тянули. Повремени — и дурь могла пройти. Поэтому была в аграрных реформах очень неравномерная картина по России. Моя команда разрывалась в поездках по стране, нужно было донести надлежащую информацию, но мы не успевали это делать, отсюда и всяческие искажения. И тем не менее если подводить общий итог, то я убежден, что сегодняшнее позитивное состояние АПК во многом базируется на том, что было заложено в начале 1990-х годов.

А. М. НИКУЛИН: Замыслы в целом были правильные, но их исполнение оставляло желать лучшего?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, если говорить о деятельности по реформированию аграрных и земельных отношений. Но это не единственное направление работы министерства. Параллельно нужно было создать новую систему управления АПК, формировать ин-

фраструктуру агропродовольственного рынка, развивать систему аграрного кредита и лизинга и т. д.

А. М. НИКУЛИН: Я прерву Вас на этом месте особенным вопросом. Вот Ваше личное мнение: Вы все же были «вхожи во власть», Вы уже министр в 1991 году. СССР тогда можно было сохранить?

В. Н. ХЛЫСТУН: В том виде, каким он был, — нет. Но как федеративное государство — несомненно. Может быть, без Прибалтики, но остальные республики могли остаться в Союзе. Но ведь тогда рассматривались и сталкивались только радикальные позиции. Или сохранить все так, как есть, — а это было абсолютно невозможно, или непременно все переломать так, как и переломали. На мой взгляд, были возможности создать цивилизованное федеративное государство с передачей значительной части полномочий федеративным республикам, входящим в его состав. Это можно было сделать. Почему этого не произошло? Потому что любые позитивные вещи происходят в процессе эволюции. А мы должны признать, что у нас была РЕВОЛЮЦИЯ, и экономическая, и административная. А в рамках любой революции появляется огромное количество вождей. И эти вожди начинают диктовать свои требования, которые крайне плохо согласовываются между собой. Именно это и произошло с руководителями союзных республик, в том числе и России. Их вождизм подогревался в определенной степени недовольством людей в регионах, которое выливалось в различные акции протеста. На этом фоне все выглядело так, что народ устал и требует перемен в надежде, что в самостоятельных национальных государствах будет легче добиться улучшения своего благосостояния.

А на самом деле, если по большому счету, никому разваливать СССР не было полезно. Да, мы могли сохранить федеративное государство, но позиции тогдашних политических руководителей... Вот говорят, что Назарбаев не подписал договор, воздержался. Но у него тем не менее были свои представления о казахском суверенитете. И от этого не уйти. Любой руководитель республики мнил себя национальным лидером. И преодолеть это, отнять у них, отстранить их — было невозможно. Но сесть за стол переговоров, обсудить и принять взвешенные решения, сказав: «Богу — Богово, кесарю — кесарево», четко разделить функции и полномочия, несомненно, было возможно. К сожалению, в стране не было лидера, который мог бы осуществить подобный проект.

А. М. НИКУЛИН: А тут еще и противостояние между Ельциным и Горбачевым. В решающий час центральное руководство страны вдруг оказывается в состоянии глубокого конфликта.

В. Н. ХЛЫСТУН: Происходил не поиск оптимальных решений, а поиск позиций, которые могли бы умалить значение и вес другого. Беда в этом...

Таким образом, в условиях этих центробежных стремлений нам было очень сложно выработать систему управления. А это было не менее важно, чем реформировать систему аграрных отношений.

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

Необходимо было выстроить систему управления для проведения единой аграрной политики.

Что мы сделали для этого? На мой взгляд, нашли срединный путь. Мы сказали: «Да, руководители органов управления АПК в субъектах РФ назначаются губернаторами, но по согласованию с Министерством сельского хозяйства». А потом подумали — а почему «по согласованию», давайте совместными приказами. Давайте подпишем с регионами соглашения о взаимодействии по вопросам развития АПК! Главы большинства регионов согласились. Мы подготовили шаблон и заключили соглашения с 84 субъектами. Якутия отказалась подписывать и какие-то еще два субъекта РФ. Соглашения предусматривали два источника финансирования сельского хозяйства — бюджет субъекта РФ и бюджет РФ. Мы четко в этих соглашениях расписали — какие полномочия выполняются местными органами управления АПК по линии администрации региона, какие действия и поручения они выполняют по линии федерального Министерства сельского хозяйства; по каким позициям они подотчетны местной власти, по каким Минсельхозу РФ. И эта схема сработала, я даже не думал, что она сработает так хорошо. За достаточно короткое время сложились очень деловые отношения с регионами практически по всем направлениям деятельности.

Сложились прекрасные отношения и с губернаторами. Я не могу сказать, что у меня были какие-то противостояния с кем-то из региональных руководителей. Были ситуации, когда в порыве гнева ко мне обращается глава региона с требованием снять с работы руководителя аграрного департамента губернии (тогда в них еще не было министерств сельского хозяйства). Приглашаю к себе такого руководителя, выясняю его позицию, звоню губернатору и говорю: давай повременим, дай возможность человеку поработать. Такие случаи были. По назначению — присылают кандидата, рассматриваем, соглашаемся или не соглашаемся. Чаще соглашались. Я считаю, что нам тогда удалось выработать нормальную систему отношений.

Очень сложно было организовать поставки между регионами, потому что многие, в том числе и Кубань, решили, что не будут выпускать продукцию за пределы своих территорий. Кубань не выпускала зерно. Милиция стояла на границах Краснодарского края, не пропускала грузженный зерном транспорт. Мы их уговариваем, грозим отключением региона от федеральной бюджетной поддержки. В конце концов находим приемлемое решение. Иными словами, старались находить рычаги воздействия и механизмы взаимодействия. Возникали различные спорные ситуации, которые приходилось разрешать, но они не были критическими. Не помню ситуаций, когда приходилось бы выносить проблему на уровень решения Президента РФ. Что касается кадрового состава министерства и особенно руководства его подразделений, то люди были приглашены на работу только на основе профессиональных и деловых качеств.

Требования были самые жесткие. И замечу, никто из моей команды не был замешан ни в каких неприятных ситуациях, никто не стал олигархом. Я тоже не имею ни одной акции и ни одного гектара, кроме 12 соток с небольшим домом в Подмосковье.

А. М. НИКУЛИН: Это важная характеристика.

В. Н. ХЛЫСТУН: Более того, А. Устюжанин, который был первым замом у моего предшественника и продолжал некоторое время работать со мной, был освобожден от работы тотчас, как стало известно, что он принял участие в приватизации и получил долю в капитале одного из перерабатывающих предприятий. На его место я пригласил Владимира Николаевича Щербака, который до этого был министром пищевой и перерабатывающей промышленности, и всегда считал, что это решение было абсолютно правильным. У нас с ним сложилось очень хорошее соотношение обязанностей: я в большей степени сосредотачивался на разработке и реализации стратегических позиций, он, будучи опытным практиком, осуществлял оперативное управление.

Очень важную роль играл руководитель финансово-экономического блока Николай Васильевич Аверьянов. Как опытному финансисту я предоставлял ему достаточную автономию, которую он использовал весьма ответственно. Принципиальные позиции мы согласовывали, но не я бегал по экономическим ведомствам, выколачивая средства, а Николай Васильевич. Только по крупным проблемам мы согласовывали аргументацию, переговоры на уровне министров вел я, а дальше всю необходимую работу делал он, и гораздо профессиональнее, чем мог бы ее выполнить я. Практически все сотрудники министерства были настоящими профессионалами, и это позволяло нам в труднейших условиях кризиса экономики удерживать АПК от полного разрушения.

А. М. НИКУЛИН: Безусловно, важно, когда руководитель не боится окружать себя талантливыми людьми и знает, что кто-то из них может сделать что-то лучше него самого.

В. Н. ХЛЫСТУН: В команду пришли очень компетентные люди: кроме названных выше это были профессор Анатолий Пупонин — ректор Тимирязевки, курировал науку и образование, Владимир Алгинин — бывший начальник Главка Калужской области, Александр Калганов — глава мелиоративной службы Ростовской области, Вячеслав Авилов — один из самых авторитетных специалистов в области ветеринарии, Владимир Блохин — знавший состояние животноводства, как никто другой... Практически все руководители департаментов были, несомненно, крупнейшими специалистами в своей сфере деятельности. В основном это люди, приглашенные в министерство из различных регионов, они хорошо знали ситуацию в стране, и это мне тоже во многом помогало. Слава богу, что за оба периода моей работы в министерстве ни один его сотрудник не был обвинен во взяточничестве или в других преступлениях. С этой точки зрения, я считаю, министерство было сфор-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

мировано удачно, оно смогло в тех тяжелейших условиях выполнить свою миссию.

Чего стоила только установка на резкое сокращение ресурсов для села, которая, несмотря на все компромиссные заявления, реализовывалась очень последовательно. В 1992–1994 годах доля АПК в расходной части бюджета колебалась от 2 до 4% (против 15–17% в последние годы СССР), да еще и суммы средств выделялись неритмично, чаще всего в конце года и далеко не в полном объеме.

Что было главным содержанием моей деятельности как министра в этот период? Реформа пошла, ее нужно отслеживать, сопровождать соответствующим образом. Система управления сформирована, следовало обеспечить нормальное функционирование ее механизмов, но нужно было создавать практически заново всю систему обеспечения функционирования АПК.

Во-первых, это выстраивание системы кредитования. В СССР Госбанк был единственной структурой, которая предоставляла кредиты селу. Чаще всего безвозвратные, они периодически списывались. В самом конце советского периода был создан Агропромбанк, но к 1991 году он был почти недееспособен. Нужно было сформировать его филиалы во всех субъектах РФ и отделения во всех сельских районах, найти возможности и источники формирования кредитной базы, подключив к решению этой задачи государство. Банк возглавил очень сильный специалист Ю. В. Трушин, и вместе с ним нам удалось в значительной мере решить эту задачу путем разработки и внедрения инструментов льготного кредитования. Система была создана, но ее финансовые возможности позволяли обеспечить потребности в кредитах не более чем на 30%. И это было одной из причин падения объемов аграрного производства и других негативных явлений. Несмотря на все наши усилия, средств катастрофически не хватало.

Во-вторых, постоянная борьба с диспаритетом цен. Сложилась совершенно убийственная ситуация. Можно быть сто раз рыночником, но нельзя не видеть, каковы реальные процессы, происходящие на рынке без должного регулирования со стороны государства. Различные ресурсно-финансовые потоки формируются в условиях осуществления разных политик. Промышленная политика — это одно, торговая политика — другое, аграрная политика — третье. И когда в каждой отрасли формируются свои приоритеты и своя система знаков и стимулов, выйти на общие позиции крайне сложно. И именно это происходило у нас. Кто должен выступать в таком случае регулятором данных отношений? Я не преувеличиваю роль государства, но и преуменьшать ее не надо. В тех случаях, когда между секторами рынка существуют диспропорции, которые убивают часть из них, государство не может не вмешиваться в этот процесс. Другое дело, что оно должно осуществлять это последовательно, не на основе того, что пожар возник — надо его потушить.

Именно поэтому мы начиная с конца 1992 года разрабатывали проект Закона РФ «О государственном регулировании аграрно-промышленного производства». Смысл его не в том, что государство приобретает функции прямого управления сельским хозяйством, а в том, что государство устанавливает четкие нормы и правила, которым надо следовать. Я не должен ходить с протянутой рукой и как милостыню выпрашивать какие-то средства на поддержку того или иного проекта. Должна быть определенная система правил. Пусть эта поддержка не будет велика, но крестьянин должен четко понимать, что в этом году при таких-то обстоятельствах он может рассчитывать на такие-то объемы государственной поддержки, на такие-то материально-технические ресурсы. И суть этого закона заключалась в установлении определенных правил игры.

С этим проектом мы пошли в правительство в конце 1993 года. По регламенту его направили в министерства и ведомства, за месяц они должны были дать свои заключения. Проходит месяц, я звоню Я. М. Уринсону — в то время первому заместителю министра экономики — и спрашиваю: «Вам направлен наш законопроект, время прошло, заключения Вашего министерства нет. Почему?» А он мне отвечает: «Я эту галиматью даже читать не буду. О каком государственном регулировании можно говорить в условиях рыночной экономики?»

Я прихожу к Черномырдину, прошу: «Виктор Степанович, давайте вынесем этот законопроект без заключения Минэкономики на заседание правительства, поставьте мой доклад». Это уже начало 1994 года. Виктор Степанович мне говорит: «Извини, не могу, есть утвержденный регламент правительства, работай с Минэкономики, с Минфином, без их заключения — отрицательного или положительного — я ставить вопрос не буду». Тогда я говорю: «Я устал стоять на коленях с протянутой рукой, я подаю заявление об отставке». Виктор Степанович был немного взрывной, он грозно говорит: «Да что ты меня пугаешь?!» Я говорю: «Я не пугаю, просто не намерен продолжать работать в условиях такого отношения к нуждам села. Вот представьте: утвержден бюджет, в этом бюджете показаны позиции, которые за Минсельхозом. Дайте возможность Минсельхозу распорядиться этими позициями! Растратим-разворуем — посадите, но не заставляйте меня ходить по всем инстанциям по поводу каждого платежа с протянутой рукой и угрожать чиновников, которые через губу со мной разговаривают. Утвержден бюджет, средства на спецсчетах имеются, министр или уполномоченные лица осуществляют управление этими средствами. И несут при этом всю полноту ответственности! Разве это не нормально?!»

В общем, я сразу после этого разговора написал заявление об отставке и положил его в приемной. В тот же день Виктор Степанович звонит: «Приезжай». Я приехал к нему: «Ты это серьезно? Давай так: после посевной вернемся к этому разговору. Накануне посевной не буду менять министра». Я согласился, забрал

заявление. Провели посевную худо-бедно, средств не хватает, ресурсов мало... Подаю опять заявление в начале июня. Вызывает, смеется: «Ну посеял, так убрать надо. Давай перенесем разговор на осень». Я сказал, что после уборочной мне предстоит плановая операция, я ложусь в больницу и на работу после операции не выхожу. Не вернусь в министерство, пока нашему проекту закона не будет дан ход. На второй день после операции, 4 ноября, я подал заявление, 6 ноября был подписан указ о моей отставке. Так я оставил министерство.

А. М. НИКУЛИН: Это были самые тяжелые времена реформы.

В. Н. ХЛЫСТУН: В период 1992–1994 годов была создана надежная платформа для ее последующей реализации в полном объеме, в основном сформирована новая система аграрных отношений. В последующее время принципиально в ней уже ничего не менялось, лишь приоритеты отдельных позиций. Все ее базовые основы были созданы в 1990-е годы, как бы кто ни критиковал это время.

Недавно на Столыпинских чтениях выступал академик П. А. Чекмарев, бывший директор департамента земледелия и растениеводства Минсельхоза. Он сказал: «Ну что реформа, вон сколько мы потеряли земли — 40 млн га выбыло из оборота, вдвое сократилось поголовье скота». Я ему отвечаю: «Знаете, Александр Александрович Никонов был очень умным человеком. Однажды в дискуссии, когда заговорили о снижении поголовья, он сказал такую фразу: “Вам нужны хвосты или молоко на прилавках?”». В конце 1980-х средний многолетний надой — около 2 тыс. литров на корову при огромной численности молочного стада. Нужно ли такое большое, но низкопродуктивное поголовье? Мы сегодня имеем надой в среднем за 7 тыс. литров. А ведь в СССР директора совхоза лишали партбилета, если он сокращал поголовье. Если пашня сократилась, то это зачастую потому, что низкопродуктивные угодья невыгодно обрабатывать. Должна быть нормальная программа консервации земель. И государство должно не констатировать сокращение пахотных земель, а объективно установить причины и определить меры по их введению в экономический оборот, перевести часть из них в культурные пастбища, часть подвергнуть консервации. У нас северо-западные регионы, где наибольшая площадь заброшенных земель, имеют прекрасные возможности для развития на них пастбищного скотоводства! Давайте создавать культурные пастбища, сенокосопастбищцеобороты и развивать производство говядины и молока в этих районах! Не надо опять пытаться выращивать что-то там за счет большого количества удобрений или дорогой мелиорации.

А. М. НИКУЛИН: Давайте вернемся к 1994 году. В начале 1990-х годов на слуху была Нижегородская реформа. Расскажите, пожалуйста, о Вашем участии в этих региональных преобразованиях.

В. Н. ХЛЫСТУН: В течение всей моей работы в министерстве я старался поддерживать хорошие отношения с аграрной наукой.

Ее организация в новых условиях тоже была одной из моих задач. Уже в начале 1992 года мы передали все институты (за исключением контрольных), которые были в ведении минсельхозов СССР и РСФСР, в Российскую академию сельскохозяйственных наук, считая, что все исследования должны координироваться там. В последующем повысили статус президента РАСХН Романенко Геннадия Алексеевича, назначив его одновременно первым заместителем министра сельского хозяйства РФ. Я это сделал, чтобы мы постоянно работали в одном ключе. Не могу понять сегодняшнюю ситуацию, когда ни вице-президент РАН, курирующий аграрную науку, ни академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук не входят в состав коллегии министерства, практически не встречаются с министром сельского хозяйства; когда ни министр, ни его заместители не участвуют в годичных собраниях отделения, а в лучшем случае только присылают формальные приветствия. Не для саморекламы скажу: не было ни одного собрания РАСХН, чтобы Хлыстун не был на нем от звонка до звонка. Ведь это же великолепная возможность понять, что происходит в науке, выразить свое видение актуальных проблем отрасли, обозначить желательные для министерства направления исследований...

Итак, мы постоянно выстраивали заинтересованные взаимоотношения с наукой. У нас было ничтожно мало средств для ее финансирования, но мы пытались использовать другие стимулы — моральные, психологические... Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику, поэтому по всем позициям мы всегда работали вместе.

Теперь о Нижегородском эксперименте. Я его всемерно поддерживал, более того, уговорил Черномырдина поехать на первый аукцион в Нижний Новгород, и после этого издать постановление Правительства РФ, в котором в рекомендательной форме было предложено использовать этот опыт. Мы не считали этот вариант единственно возможным, но относили его к числу наиболее перспективных.

На первом этапе он был очень эффективен. Реформированные хозяйства в течение нескольких лет показывали прекрасные результаты. Но потом он как-то стух, потому что не нашел продолжения: уехал из области Немцов, сменилось руководство АПК, интерес к эксперименту постепенно угасал по мере завершения процессов приватизации. К сожалению, и реформированные по этому варианту хозяйства перестали выделяться среди других, не демонстрируя выдающихся успехов. Поэтому считать абсолютно успешным этот эксперимент я не могу, но полагаю, что он сыграл свою очень положительную роль, продемонстрировав реальный, конкретный, возможный механизм преобразований. Нижегородский эксперимент хорош именно тем, что это была открытость, публичность, возможность принимать в нем участие широкому кругу лиц — чего нам всегда не хватало в проведении каких-то преобразований, особен-

но когда речь шла о разделе имущества. Считаю этот опыт абсолютно позитивным.

Были и другие интересные варианты во многих регионах, например, в Дагестане система хозяйств, которые имели в своей основе семейное производство и необходимый уровень кооперации: по сути, колхоз остался, но все передано на семейный подряд. Это иной подход, существенно отличающийся от семейного подряда конца 1980-х годов. Его разработал и реализовал председатель колхоза «Шухты» Магомед Абакарович Чертаев.

А. М. НИКУЛИН: Да, мне удалось побывать в командировке в его удивительном хозяйстве в апреле 1991 года.

В. Н. ХЛЫСТУН: В Орловской области получили развитие командитные товарищества, тоже один из вариантов. Тогда было время большого числа региональных экспериментов, которые мы старались поддерживать.

Кроме создания системы льготного кредитования в 1992–1994 годах нужно было сформировать возможности для технологического прогресса, поэтому в 1993 году министерство начало подготовку проекта Всемирного банка под условным названием «АГРИС». Суть заключалась в том, чтобы решить несколько задач: развитие системы аграрного консалтинга, создание центров производства высококачественных семян (строительство калибровочных заводов), развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка.

Это была очень важная инициатива, потому что начиная с 1992 года мы стали активно привлекать иностранные инвестиции: в Ставрополе и Татарстане — новые технологии возделывания кукурузы и свеклы с участием французских компаний, создание предприятий по производству упаковки и переработке продуктов с участием Нидерландов, строительство современного мясного завода «Кампомос» в Москве и оптового рынка в Волгограде с участием испанцев, производство оборудования для капельного орошения в Дагестане с участием Израиля и др. Было реализовано несколько десятков успешных проектов, ставших базой для распространения нового технологического уклада. Тысячи фермеров прошли стажировку в зарубежных странах. Вообще развитие международных контактов составляло одно из важнейших направлений деятельности министерства в это время. И мы пробивались на рынки инвестиций, технологий.

Вот в Германии каждый январь проводилась всемирная выставка «Зеленая неделя». Первый раз мы оказались на ней в 1992-м с маленьким киоском, где была водка, икра и гжель. Во время этого первого нашего участия гвоздем программы был форум «Восток-Запад», причем Восток представляла Россия, и в качестве основного на нем был мой доклад. С этого форума наша команда привезла девять соглашений о сотрудничестве с крупнейшими аграрными компаниями Европы, которые потом были реализованы в десятках совместных проектов. Когда я уходил из министерства в 1998 году,

Россия на «Зеленой неделе» была представлена уже огромным павильоном с самыми разными экспонатами. Причем организовывал нашу экспозицию всегда АККОР. К сожалению, потом это передала какой-то организации чисто на коммерческих началах, фермеров туда уже не особенно пускают. Но начиналось наше участие в выставке представлением там в основном малого агробизнеса, и это неплохо получалось.

Во многих регионах страны создавались фермерские хозяйства с участием фермеров из разных стран. Условия такого сотрудничества были различными, но чаще всего это проекты, в которых зарубежные партнеры присутствовали на паритетных началах в создании семейных ферм и в организации их деятельности в период до безубыточности. Затем они уезжали, а российские фермеры продолжали производство и постепенно возвращали вложенные партнерами средства.

Вспоминаю, как в Дмитровском районе Московской области в 1993 году создавалась шведская ферма. Фермер из этой страны пять лет должен был работать с российским фермером, через пять лет он уезжает и все оставляет российскому фермеру. На открытии этой фермы, после разрезания ленточки, в поле был небольшой фуршет, в котором участвовали и несколько корреспондентов. На следующее утро в газете «Московский комсомолец» на первой странице огромная фотография: стоит министр с бутербродом у рта, и статья с названием «Отсель кормить нас будут шведы». Ну молодцы... Схватили запоминающийся момент.

Возвращаясь к теме «АГРИСа», должен отметить, что Всемирный банк — это страшная бюрократия. Мы начали готовить этот проект в 1993-м, а закончили в 1996-м, когда я второй раз пришел в министерство. Больше двух лет шли его подготовка, рассмотрение и утверждение. В министерстве банк представляли почему-то индусы, которые иногда своей скрупулезностью и въедливостью меня раздражали. По сто раз на наших встречах задавали одни и те же вопросы. Все было очень медленно, но проект все-таки был утвержден и сыграл свою определенную роль.

А. М. НИКУЛИН: А каковы были цель и задачи этого проекта?

В. Н. ХЛЫСТУН: Поддержка аграрной реформы в России.

А. М. НИКУЛИН: Это в его рамках создавались консультационные центры?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, три позиции проекта: консультационные центры, центры производства высококачественных семян и оптовые рынки. В четырех регионах создали оптовые рынки, в 11 — консультационные центры и в 4 — калибровочные заводы.

А. М. НИКУЛИН: Чем Вы занимались после ухода из министерства в 1994 году?

В. Н. ХЛЫСТУН: Сначала я намеревался вернуться в институт, но председатель правления Агропромбанка Ю. В. Трушин пригласил на работу в банк, и я согласился. Согласился потому, что

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

главная для АПК проблема на тот момент — недостаток ресурсов, прежде всего кредитных, и мое участие в ее решении могло быть полезным. Я пришел на должность заместителя председателя правления, а вскоре был переведен на позицию первого заместителя и более года работал в этом качестве. За этот период мы вдвое увеличили число филиалов Агропромбанка, открыли их практически во всех субъектах РФ, почти вдвое увеличили объем кредитования села, но этого все равно было недостаточно. В условиях общей нехватки ресурсов выйти на нужные показатели было крайне сложно. И то, что нам в какой-то степени удалось решить эту задачу, я считаю неплохим результатом деятельности банка. Мне очень нравилась моя работа, но проходит полтора года — звонок от Черномырдина. «Можешь завтра приехать?» — «Могу». Приехал. Он говорит: «Виктор, мы к тебе по-человечески отнеслись, дали возможность восстановиться, отдохнуть. Надо возвращаться». Я сказал, что занимаюсь полезным делом и меня вполне устраивает нынешнее положение, попросил оставить меня в банке. Он говорит: «Я бы тебя, может, и оставил, но это не мое решение. Завтра в 11 приезжай, едем к президенту». Поехали на следующий день. Ельцин улыбается, выходит из-за стола: «Помните, как я назначал Вас в 91-м?» — «Помню». — «Читайте!» И дает мне уже подписанный Указ.

На следующий день, 15 мая 1996 года, в Колонном зале Дома Союзов проходит съезд Агропромсоюза. Полный зал делегатов, мы приезжаем с Черномырдиным, он приветствует Съезд и говорит: «Хочу представить вам нового министра». И зачитывает Указ президента. Для меня совершенно неожиданно было то, что весь зал, люди, которые меня прежде сильно критиковали, вдруг встают и громко аплодируют. Я потом у М. Лапшина, руководителя Аграрной партии, спросил: «Объясни, вы же меня всегда ругали, как понять эту реакцию?» Знаете, что он мне сказал? «Ты не врал и не заигрывал с нами, никогда не заискивал, имел свою позицию и жестко ее отстаивал, поэтому, когда стало известно, что ты возвращаешься, все сказали, что это хорошо».

А. М. НИКУЛИН: Это в политике большая редкость.

В. Н. ХЛЫСТУН: Знаете, после моей отставки в прессе прошла информация, что ее причиной стали требования аграрного лобби в парламенте, — это абсолютная чушь. У меня было немало разногласий с депутатами, зачастую они меня критиковали за реформаторские позиции, но требований о моей отставке никогда не выдвигали. Мы достаточно плотно сотрудничали, я поддерживал Аграрную партию на выборах (хотя получил за это немало упреков в администрации президента), это помогло ей пройти в Госдуму, признаюсь, я часто использовал их протесты при отстаивании интересов АПК.

А. М. НИКУЛИН: Вновь Вы были назначены перед президентскими выборами?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, незадолго до них. Пришлось, когда я вернулся, немного переформировать команду, сделать некоторую чистку. В основном это было связано с ликвидацией Продовольственной корпорации, которая в 1995 году очень сильно запятнала себя.

А. М. НИКУЛИН: А что она из себя представляла?

В. Н. ХЛЫСТУН: Перед моим уходом из правительства мы глубоко задумывались об инструментах регулирования рынков отдельных продуктов, изучали, что делают по этому поводу в разных странах. Во время поездки в Польшу я ознакомился с работой Агентства по регулированию продовольственного рынка, основная задача которого заключалась в проведении интервенций на товарных рынках. Они оттягивали с рынка избытки продукции для поддержания цены и вбрасывали их на рынок, когда возникал повышенный спрос. Это обеспечивало поддержку цен и стабилизировало рынок. С учетом их опыта я предложил создание при министерстве подобной структуры и поручил готовить программу Л. И. Холоду — в то время руководителю департамента экономики. При этом я имел в виду, что он возглавит будущее агентство, которому придавал очень большое значение. Речь шла прежде всего о рынках зерна, растительного масла и других продуктов длительного хранения, которыми можно было бы оперировать в долгосрочном плане. К сожалению, до своего ухода я не успел его создать.

Мой преемник А. Назарчук взял эту идею на вооружение, но существенно ее изменил. К интервенциям решили добавить обычную куплю-продажу сельхозпродукции, что абсолютно исказило назначение этой структуры. Назвали ее «Продовольственной корпорацией» и назначили руководителем не очень чистоплотного человека (не стану называть его фамилию, поскольку его уже давно нет в живых). Эта структура стала просто торговцем на рынке, но имела министерскую «крышу». Сегодня купили подешевле, завтра продали дороже. Они оперировали огромными средствами и ресурсами, не осуществляя при этом регулирующего воздействия на рынки. Да еще и проворовались. Не хочу обвинять Назарчука, он был вне этой системы, но должен был их контролировать и не допускать жульничества. Поэтому первое, что я сделал, когда вернулся, это ликвидировал Продовольственную корпорацию, уволил ее руководителей и способствовал проводимому прокуратурой расследованию ее деятельности. Тянулось оно долго, а со смертью бывшего руководителя корпорации его прекратили.

Закон, из-за которого я ушел в отставку, все-таки был принят, но в процессе рассмотрения и принятия был выхолощен настолько, что какого-либо позитивного влияния не оказал. Многие важные позиции оттуда изъяли. Но я был рад и такому, хотя бы потому, что государство признало сам факт необходимости государственного регулирования агропромышленного производства.

Сразу после выборов президента появилась новая беда. Систему кредитования, которую мы с таким трудом создавали, — Агропром-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

банк с его филиальной сетью отдадут банкиру А. Смоленскому якобы для дальнейшего развития, а на самом деле в порядке расчета за участие в финансировании компании по выборам президента. Это была частно-государственная структура, ее акции принадлежали частично государству, частично региональным филиалам банка и их сотрудникам. Я этому жестко воспротивился, но бывший в то время первым замом председателя правительства Владимир Потанин вместе с министром экономики Яковом Уринсоном продавили это решение. Единственное, что мне удалось сделать — в соглашении по передаче банка прописали позицию, что не менее 75% его кредитного портфеля должно направляться в аграрный сектор. Но банк «ушел» из-под прямого влияния министерства, мы утратили кредитную организацию, которая была мощным механизмом воздействия и влияния на развитие сельского хозяйства. Естественно, там сократили объемы кредитования села, торговлю гораздо выгоднее кредитовать...

Встал вопрос о новой концепции кредитования АПК, мы предложили создать специальный Фонд льготного кредитования, при этом его средствами не будет распоряжаться ни один из банков. Это государственный фонд, из которого предлагалось предоставлять банкам, прошедшим конкурсный отбор, ресурсы для кредитования села по льготным ставкам на один год, с их возвратом в Фонд и запуском на новый цикл. Ресурсы беспроцентные, но при условии, что в полном объеме они будут задействованы на кредитование АПК. Предложение министерства было принято и с начала 1997 года он заработал и играл главенствующую роль в поддержке сельского хозяйства до дефолта 1998 года. 1997 год по погодным условиям был очень тяжелый, засуха поразила два десятка сельскохозяйственных регионов, и все-таки он стал первым годом, когда АПК (единственный из всех секторов экономики) показал прирост в суммарном объеме производства по сравнению с годом предыдущим. Именно с этого года начался очень медленный подъем, тренд которого продолжился в последующие периоды и резко ускорился с началом реализации национального проекта «Развитие АПК».

В начале 1998 года по ряду причин ушел в отставку заместитель председателя правительства, курирующий сельское хозяйство, Александр Харлампиевич Заверюха. Должен сказать, что он был моим непосредственным руководителем начиная с 1993 года, и мы с ним отлично сотрудничали. Он полностью доверял мне разработку стратегических позиций и активно включался в их реализацию, поддерживая меня практически во всем. У него были прекрасные отношения с Черномырдиным, сложившиеся еще со времен их работы в Оренбурге, и я часто просил его этим воспользоваться при решении различных проблем. Думаю, что инициатива моего возврата в министерство принадлежала именно ему. Я был очень огорчен его уходом. Около двух месяцев эта должность была свободной, а в апреле президент и председатель правительства предложили занять ее мне с сохранением должности министра. Я получил статус

заместителя Председателя Правительства РФ — министра сельского хозяйства. Работы, конечно, сильно прибавилось, поскольку под мое руководство кроме Минсельхоза передали еще пять министерств и ведомств. Тяжелее стало и моим заместителям в министерстве, особенно первому — В. Н. Щербаку.

В новом качестве мне пришлось возглавить и Фонд льготного кредитования, обеспечить его успешное функционирование на основе жестко контролируемого оборота ресурсов и своевременного возврата кредитов. В совет Фонда вошли заместители министров экономики и финансов, представители администрации Президента и правоохранительных органов и других правительственных структур. На еженедельные заседания Совета с отчетами о движении средств приглашались руководители шести банков, которые прошли конкурс и стали операторами средств Фонда. Иногда приходилось устраивать им настоящую головомойку за сбой в возврате средств и запуске новых кредитов. Несмотря на все трудности, Фонд достаточно успешно реализовал свою миссию.

В начале 1998 года мы приступили к созданию еще одной важной финансовой структуры — Фонда поддержки кредитной кооперации, которая была очень нужна для развития фермерства. Главной проблемой здесь было, конечно, отсутствие необходимых для его функционирования средств. В то время у нас неплохо складывались отношения с родственными министерствами ряда европейских стран и США и возникла идея привлечь к участию в этом проекте наших зарубежных коллег. Представилась хорошая возможность поднять эту тему в ходе очередного заседания Российско-Американской межправительственной комиссии Гор-Черномырдин, членом которой я был. Предварительно мы обсуждали эту тему с моим американским коллегой и на заседании было принято решение — предоставить России определенный объем зерна с направлением средств от его реализации в Фонд поддержки кредитной кооперации. Для управления Фондом создать наблюдательный совет с включением в его состав представителей Минсельхоза США. Создание Фонда завершилось уже после моей отставки, но я входил в состав этого совета до 2009 года. Фонд, несомненно, сыграл существенную роль в развитии межфермерской кооперации, но постепенно его средства иссякли, и он в конце 2000-х годов утратил свое значение.

В 1997–1998 годах одной из основных сфер моего внимания было внедрение новых технологий агропромышленного производства на основе привлечения международных инвестиций, которые в условиях наших весьма ограниченных финансовых возможностей были крайне важны. Это было время моих многочисленных встреч с коллегами и потенциальными инвесторами, поездок в другие страны, приезда моих коллег в Россию. В 1997 году минимум 10 министров сельского хозяйства побывали в России. Итогами наших контактов, как правило, были решения о разработке и реализации различных проектов. Производство кормозаготовительных комплек-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

сов в Перми, почвообрабатывающей техники в Татарстане, строительство современных мельниц в Оренбурге, поставки на выгодных условиях племенного скота и семян высокоурожайных культур, создание самых современных предприятий по переработке сельхозпродукции и другие. Реализовывались десятки проектов, но для огромной нашей страны это крайне мало, хотя роль этих проектов как примеров модернизации производства была весьма велика.

Самый крупный международный проект — «Орел — пшеница 2000», начатый в 1997 году и завершившийся уже после моего ухода. Это был комплексный проект развития зернового хозяйства области, который за короткое время вывел Орловскую область в число самых успешных в АПК страны. К сожалению, после ухода Егора Строева этот проект растащили по частям. Он зародился на «Зеленой неделе» в Германии, нашим партнером выступила компания «Мерседес-Бенц». Суть проекта заключалась в том, что в области создавались самые современные мельницы и комбикормовые заводы, поставлялась современная сельскохозяйственная техника, создавались центры ее обслуживания. Все компоненты проекта работали на конечные продукты производства и глубокой переработки зерна.

Достаточно серьезной была проблема подготовки кадров. Резкое снижение объемов финансирования поставило вузы и техникумы на грань выживания. Я старался по возможности «поднять» хотя бы те аграрные вузы, которые могли стать центрами демонстрации возможностей развития аграрного образования, — Тимирязевка, Кубанский, Белгородский, Орловский, Ставропольский и некоторые другие агроуниверситеты получили неплохое развитие, а остальные удалось удержать от полного разрушения. Ни один вуз в 1990-е годы не прекратил свое существование. Наибольший вклад в поддержание жизнеспособности вузов и техникумов тогда внес руководитель департамента образования Ю. Ф. Лачуга, сейчас он академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук РАН.

22 марта 1998 года — абсолютно неожиданное решение президента об отставке правительства Черномырдина. Передо мной встал вопрос: надо ли входить в состав правительства С. В. Кириенко? После некоторых раздумий принял решение, что лучше отказаться. При этом дурацкая была ситуация: вот приду я к Кириенко, который был и.о. премьера, и скажу: не включайте меня в проектированный состав правительства, а он ответит, что и не собирался этого делать. Мучился, не знал, как заявить. При этом боялся, что опоздаю, объявят новый состав без каких-либо предварительных бесед, как уже было при прежних изменениях состава правительства (меня дважды переназначали без получения моего согласия). И вдруг подворачивается случай — в качестве зампреда правительства мне пришлось встречать во Внуково-2 главу одного из африканских государств и сопровождать его на всех мероприятиях визита. На встрече у Ельцина гость поставил три вопроса: поддержка на международной арене, военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в области

рыболовства. Ельцин говорит, что по международному сотрудничеству нужно поработать с Примаковым, он остается в новом составе правительства в качестве министра иностранных дел, по поводу военно-технического сотрудничества — с маршалом Сергеевым, он также будет в составе правительства, и по вопросам рыболовства — с присутствующим здесь Хлыстуном, который тоже продолжит работу в правительстве.

Вернувшись в Белый дом, сразу же попросился на прием к Кириенко и сказал, что была озвучена такая информация, но я очень прошу не включать меня в состав правительства. Он удивился: почему? Я назвал три причины: психологическая усталость (я на самом деле был совершенно измотан), принципиально не согласен с тем, что ликвидируется должность зампреда правительства по вопросам сельского хозяйства, оставлена только должность министра (это резко снижало возможности управления отраслью), и в новой структуре Минсельхоз в качестве вице-премьера будет курировать Уринсон, с которым у меня были сплошные разногласия и психологическая несовместимость.

Кириенко сказал, что должен обговорить этот вопрос с президентом. На следующий день он попросил меня зайти и сказал: «Я не видел президента столь разгневанным, как в этот раз. Но он сказал: «Держать не буду, хочет уходить — пусть уходит». Далее Кириенко спросил: «Кого Вы порекомендуете вместо себя?» Я назвал три фамилии, он попросил организовать совещание в Минсельхозе с его участием, на котором эти трое должны выступить. Совещание прошло, из трех человек, которых я предлагал, он выбрал В. А. Семенова. Через месяц моя работа в правительстве была завершена, встал вопрос: чем заниматься? Евгений Максимович Примаков предложил мне на выбор три страны, в которые я мог быть направлен в качестве посла, но я, подумав, отказался. Кириенко предложил побыть какое-то время в резерве правительства или направить ректором в один из вузов — я тоже отказался, сказав, что сам найду себе применение.

Для меня всегда было важным не приходиться на должность, с которой кого-то надо изгонять. Решил создать новый исследовательский центр — Институт конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР). Институт был создан, и стал первым аналитическим центром, в котором достаточно предметно и глубоко анализировалась аграрная конъюнктура. На этапе создания и начала работы было интересно, но через некоторое время стало скучно — кабинетная работа не для меня. Решил оставить институт, передал его Д. Рыхлю, который и сейчас им успешно руководит. Сам же решил создать Центр международных инвестиций в АПК, целью которого должно было стать формирование условий для значительного роста инвестиций в аграрную сферу.

Это было некоммерческое партнерство, участниками которого стали Министерство сельского хозяйства РФ и пять крупных

коммерческих банков. Задача центра — разработать отраслевую программу привлечения иностранных инвестиций, обеспечить механизмы предоставления необходимых условий и гарантий и создавать возможности для реализации крупных международных проектов в сфере АПК. Мы за короткое время разработали программу, представили ее в Минсельхоз, министр А. В. Гордеев ее одобрил, а в Минэкономике ее зарубили без каких-либо серьезных аргументов. Главное объяснение было: «Вы будете в качестве гарантий отвлекать определенные государственные ресурсы». Имелось в виду, что под проекты этой программы не выделяются прямые вложения, а предоставляются гарантии государства. Это совершенно нормальный инструмент, который не требует серьезных вложений, но очень жесткого государственного контроля за реализацией проектов со стороны гаранта. В общем, чиновников мне не удалось убедить. Но тем не менее за время работы Центра удалось сделать достаточно много и в плане законодательном, и в плане поддержки серьезных проектов, таких как создание на территории России предприятий по производству сельскохозяйственной техники с привлечением немецких и голландских инвестиций.

В рамках законотворческой деятельности Центром был подготовлен по заказу Минимущества проект закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и более 10 проектов законодательных актов для субъектов РФ. Должен сказать, что когда этот федеральный закон был принят Государственной Думой, то журналисты у меня спросили: «Как разработчик Вы готовы поставить свою подпись под этим законом?», я ответил: «Не только не поставлю свою подпись, но публично заявляю о том, что буду подвергать этот закон самой жесткой критике» — от первоначального варианта, который мы внесли в Минимущество, на выходе остались рожки да ножки. Исключены были важнейшие позиции, например, ограничение размеров латифундий. Был прописан четкий механизм — и экономического воздействия, и административного, и ограничений. В нашем проекте были определены подходы к организации использования невостребованных земельных долей, в законе их не стало, исчез ряд и других важных позиций. В общем, на выходе закон оказался плохим, и последующая практика его применения весьма наглядно это подтверждает.

Осенью 2002 года мы инициировали разработку федерального закона о развитии сельского хозяйства. Идею горячо поддержал министр Гордеев. Мы глубоко изучили европейское и американское аграрные законодательства и предложили свое видение российского закона, Гордеев добился поддержки правительства и была создана межведомственная рабочая группа по подготовке законопроекта, в которую вошли представители Минэкономки, Минсельхоза, Минфина и большая группа ученых-аграрников. Меня назначили руководителем этой группы, а от Минэкономки ее курировала тогда руководитель Центра стратегических разработок Э. Набиуллина.

Началу подготовки проекта закона предшествовали очень острые дискуссии, организованные сотрудниками аппарата правительства. От аграрников на участие в ней Гордеев делегировал меня и И. Г. Ушачева. Ключевой вопрос: какая отрасль сельского хозяйства должна стать базой для его ускоренного развития? Правительственная команда утверждала: «Зерно. Основное внимание государства должно быть направлено на увеличение производства зерна». Я был категорическим противником, моя позиция была — животноводство. Зерновое хозяйство — сезонная отрасль, в ней задействовано ограниченное число людей, она не обеспечит ритмичное, в течение года, поступление хозяйствам средств. Она не решит проблему занятости сельского населения и негативно повлияет на структуру посевных площадей, монокультура ликвидирует севообороты, в результате произойдет истощение почвы, ухудшение ее состояния.

А. М. НИКУЛИН: А нельзя было контролировать ситуацию государственными регулирующими мерами?

В. Н. ХЛЫСТУН: Думаю, что нет. Мои взгляды полностью разделял академик Ушачев, и мы вместе убедили Гордеева поддержать нашу позицию в пользу животноводства, развитие которого даст возможность роста и отраслям растениеводства, увеличив спрос на его продукцию.

А. М. НИКУЛИН: Животноводство ведь интегрирует и земледелие вокруг себя?

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, животноводство обеспечит постоянную занятость населения. Через животноводство приходит научно-технический прогресс, это принципиально новые технологии, которые влекут за собой совершенно иные подходы. Но главное — это ритмичность его циклов и обеспечение занятости. Спор был жесткий. Аркадий Злочевский — президент Зернового союза тоже был активным участником этой дискуссии и выступал на стороне чиновников правительства, с ним у меня были споры иногда на повышенных тонах. Эту полемику мы выиграли и разрабатываемый законопроект базировался на основе нашей позиции, которая в последующем стала исходной и при разработке Национального проекта «Развитие АПК». Гордееву удалось отстоять в правительстве эту точку зрения — Закон о сельском хозяйстве был подготовлен, его завизировала в том числе и Набиуллина.

В начале 2003 года проект закона «О развитии сельского хозяйства» был подготовлен и одобрен Минсельхозом. По предложению Гордеева для обсуждения проекта в Минэкономике Г. О. Греф — в то время министр экономики назначает совещание на ближайшую субботу в 10 часов. Мы с Гордеевым и Ушачевым приезжаем в установленное время — Грефа в министерстве нет. Ждем до 12 часов, его все нет, и никаких сообщений от него тоже нет. Собираемся уезжать, и тут в ковбойке и джинсах появляется Греф. Даже не извинившись перед своим коллегой-министром, с лету говорит: «Вы что, хотите, чтобы я подписал закон, который ликвидирует ры-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

ночную экономику?» Я говорю: «Есть опыт самых рыночных стран, где действуют подобные законы, в США на каждые пять лет принимается закон о развитии сельского хозяйства, который устанавливает определенные параметры, обязанности государства и так далее». Греф прерывает: «Я американцев не люблю, что Вы ко мне с их опытом, мы создаем свой рынок! Я никогда не подпишу этот закон! Эльвира, а ты зачем свою подпись поставила?» Набиуллина тоже была, ждала вместе с нами. Она говорит: «Я считаю, что для первой редакции, для обсуждения в правительстве он нормальный». «Не нормальный, даже обсуждать не буду!» И разговор закончен.

После этого начались консультации, в ходе которых приняли решение этот закон сделать очень коротким, а на основе разработанного проекта подготовить среднесрочную программу развития сельского хозяйства. Когда стали писать программу, президент дал поручение правительству подготовить несколько национальных проектов для решения наиболее актуальных для страны проблем. Гордеев приложил максимум усилий к тому, чтобы в их перечень включили проект «Развитие АПК» (вечная благодарность ему за это). Нужно было принять концепцию проекта и в результате нескольких совещаний в Минсельхозе, в которых я принимал деятельное участие, решили, что он должен включить в себя четыре основных тезиса: развитие животноводства (строительство современных животноводческих комплексов), развитие малого агробизнеса (поддержка КФХ и ЛПХ), развитие потребительской кооперации, создание системы земельной ипотеки. Основными инструментами реализации проекта избрали льготное кредитование и лизинг с участием государства.

Осенью 2004 года я перешел на работу в качестве заместителя председателя правления в воссозданный Россельхозбанк, которому предстояло стать основным центром реализации национального проекта. На меня была возложена организация деятельности банка по реализации нацпроекта: разработка программы, формирование системы кредитования, разработка методологии и методики земельной ипотеки, технологии кредитования личных подсобных хозяйств и поддержки развития кредитной кооперации. Это была очень большая и интересная работа. Одновременно мы расширяли филиальную сеть банка и к концу 2007 года филиалы были открыты в 84 субъектах РФ. За три года Россельхозбанк поднялся в банковской иерархии с 47-го на 4-е место в стране. В общем объеме кредитования села в рамках нацпроекта его доля составила более 70%. В 2007 году нацпроект заканчивается, мне исполнилось 60 лет, и я решил, что пора возвращаться в альма-матер, о чем все время мечтал.

А. М. НИКУЛИН: Но ведь ограничений по возрасту не было?

В. Н. ХЛЫСТУН: Не было, но я всегда считал, что надо уходить вовремя. Я подготовил хорошую замену. Банковский сектор развивался столь стремительно, что, откровенно говоря, в своем возрасте я уже не успевал адаптироваться к постоянно меняю-

щимся технологиям, тем более что не имел соответствующего образования. Я был полезен как организатор системы и ее включения в процесс развития АПК, но с переходом к деятельности банка в обычном режиме я уже не мог быть столь хорош. Подготовил себе очень неплохую замену, поэтому мой уход не был для банка болезненным. Решил, что на финише надо вернуться к тому, с чего начинал и что мне очень нравится. К тому, что я умею и могу делать достаточно профессионально и где мой опыт будет, несомненно, полезен — это преподавание и научные исследования.

Вернулся в родной университет и крайне этим доволен, занимаюсь тем, что мне действительно интересно. Полагаю, что вполне востребован как профессионал, вхожу в различные консультативные и экспертные советы (Минсельхоза, Госдумы, Совфеда), стараюсь через них реализовывать свои позиции в сфере земельной политики и управления земельными ресурсами, вхожу в два диссертационных совета, в редакционные советы четырех журналов, являюсь почетным президентом Международного клуба агробизнеса, участвую в подготовке законопроектов и различных программ, за последние три года опубликовал более 40 научных работ...

Много пишу о современной земельной политике. С болью говорю, что мы разрушили систему управления земельными ресурсами. Есть отдельные фрагменты, но не система. Нет целеполагания, нет таких важных блоков, как прогнозирование, мониторинг и другие. Нет ответов на множество ключевых вопросов, например, о перспективах развития форм собственности на землю. Мы консервируем нынешнее соотношение государственной и частной, продолжаем ее приватизацию или ориентируемся на ее национализацию. Нет четкой позиции в отношении форм хозяйствования на земле. Мы вроде бы говорим о равенстве всех форм, но в реальной практике это далеко не так — значит, должны быть не просто устные декларации, а четко определенные официальные государственные документы. Нет ясного ответа на вопрос о роли государства в управлении земельными ресурсами. Идет процесс разрушения почв — водная эрозия, ветровая, различные другие виды их деградации, но не понятно, кто должен остановить эти процессы и какова в этом роль государства.

Все эти открытые вопросы побудили меня подготовить проект документа высокого уровня — «Доктрина земельной политики Российской Федерации». Он должен четко определить все основные позиции государства по перспективам развития земельных отношений и организации использования, охраны и воспроизводства главного национального богатства страны — ее земельных ресурсов. Проект обсудили в профессиональном сообществе экономистов и землеустроителей, с незначительными замечаниями и предложениями этот документ поддержан. Я опубликовал его основные положения в двух журналах, в середине прошедшего года передал в правительство, но реакции на сегодняшний день нет. Счи-

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

таю, что такой документ, как и «Доктрина продовольственной безопасности», крайне необходим и важен, он должен быть подписан президентом страны и положен в основу развития земельного законодательства и практики управления земельными ресурсами. Ознакомиться с проектом можно в № 3 журнала «Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий» за 2021 год.

А. М. НИКУЛИН: Это журнальный вариант?

В. Н. ХЛЫСТУН: Это статья, но в ней представлено основное содержание проекта доктрины. Могу переслать сам проект в том виде, как я его передал вице-премьеру А. Л. Аверчуку, тогда он курировал вопросы земельной политики, с ним была предварительная договоренность. Но потом произошла смена полномочий и теперь эту сферу курирует М. Ш. Хуснуллин, на контакты с ним я пока выйти не смог.

А. М. НИКУЛИН: Вы говорите, что всегда с уважением относились к науке, хотя сельскохозяйственная наука сегодня находится в большом загоде, и это большая проблема.

В. Н. ХЛЫСТУН: И не только сельскохозяйственная.

А. М. НИКУЛИН: Это правда. Когда Вы стали академиком?

В. Н. ХЛЫСТУН: Членкором еще ВАСХНИЛ я стал в возрасте 44 лет в 1991 году. Это была инициатива Александра Александровича Никонова. Когда мы работали в составе Комиссии по подготовке основ земельного законодательства, он однажды сказал: «Как-то удивительно, что у нас в академии нет ни одного землеустроителя. Был Сергей Александрович Удачин, но он умер лет 20 назад. Это положение надо исправить». И уже на ближайших выборах он выдвинул мою кандидатуру, я был избран академиком РАСХН в 1997 году.

А. М. НИКУЛИН: Вы говорили, что в СМИ писали, что якобы аграрное лобби было Вами недовольно, но в реальности получается, что больше Вами было недовольно либеральное лобби. Фамилии, которые упоминались — Гайдар, Уринсон, Греф — это яркие представители либерального направления в нашей экономике и идеологии. Получается, что именно здесь и проходили линии конфликтов.

В. Н. ХЛЫСТУН: Я бы не назвал это конфликтами, это скорее жесткая дискуссия. Разумеется, мои принципиальные взгляды на экономику значительно отличаются от декларируемых ими, при этом что хотя я принимаю очень многие либеральные ценности, но отношу себя в большей степени к государственным. При этом четко декларирую, что государства в экономике должно быть столько, сколько в нем существует необходимость. Это главная моя позиция. Идея, насаждаемая в течение 1990-х годов, что рынок вообще исключает возможность влияния государства, потому что сам все регулирует, — на мой взгляд, не просто ошибочна, она крайне вредна, она уже привела к разрушению экономической инфраструктуры страны и к несправедливой дифференциации экономического состояния различных социальных групп. Это произошло именно потому, что государство отказалось регулировать отношения в сферах соб-

ственности, производства и потребления. При этом я противник государственного капитализма, потому что он убивает конкуренцию, без которой наступает стагнация. На мой взгляд, чрезмерное развитие различных государственных компаний разрушает многообразие форм собственности и типов хозяйствования, это ошибка. Государство должно существенно присутствовать и контролировать целый ряд отраслей экономики (оборонная промышленность, в значительной мере медицинская промышленность, транспорт), но все, что связано с производством товаров народного потребления, в том числе продовольствия, должно функционировать в конкурентной среде.

А. М. НИКУЛИН: Но можем ли мы считать, что наши агрохолдинговые структуры, которые сейчас играют первую скрипку, в определенной степени порождение государственного капитализма?

В. Н. ХЛЫСТУН: Формально — нет, но по сути — да. Государственный капитализм проявляется не только через долю в собственности, но и через инструменты жесткого влияния на бизнес. И если распределение господдержки идет в основном в адрес сверхкрупных компаний, по сути латифундий, то это естественно снижает конкурентные возможности для всех других. Здесь явно проявляется негативное влияние государства. Ведь чем вредны латифундии? Недаром Плиний говорил, что латифундии погубили Рим.

А. М. НИКУЛИН: И добавлял: «...погубили, кажется, уже и Италию».

В. Н. ХЛЫСТУН: Да, притом что 50 югеров земли (примерно 12,5 гектара) в Древнем Риме уже считалось латифундией. А в чем было их негативное влияние? В том, что в результате развития латифундий с земли сгоняли свободных крестьян. Ликвидировалась свободная прослойка крестьян, достаточно самостоятельных и предприимчивых, взамен росло число рабов. Это нельзя проецировать на современность, но, по сути, события в станице Кущевская на Кубани — это последствия той же ситуации. Это микропроявление латифундизма, но оно может стать всеобъемлющим.

Когда мы вспоминаем «Мираторг», который «съедает» в Брянской области около 70% всей господдержки, то, естественно, это не говорит о равенстве возможностей. Хотя эта компания делает и очень позитивные вещи. Например, меня очень обнадежила информация, что они выстраивают в ряде регионов отношения с семейными фермерскими хозяйствами по поводу откорма крупного рогатого скота. Они делают стартапы, по которым предлагают в аренду землю, молодняк на откорм, потом забирают его на промышленный докорм. Это неплохая форма, нормальная кооперация, если только это не влечет за собой полную зависимость фермеров от компании и вытеснение с рынка малого и среднего бизнеса. Но это, пожалуй, единственный позитивный пример, а в остальном то, что происходит — сверхконцентрация земли у «Степи», «Агрокомплекса» и ряда других компаний, беззастенчивое ее изъятие у малого и среднего бизнеса, развитие локальных монополий, крайне опасно. Опасность

этого явления и в том, что латифундисты всеми средствами продвигают своих представителей в структуры власти, где те принимают необходимые им решения в ущерб интересам других сельхозпроизводителей, да и всего населения. А это уже политическая проблема.

А. М. НИКУЛИН: А что Вы можете сказать в целом не только об экономическом, но и социальном развитии России?

В. Н. ХЛЫСТУН: Перед Новым годом было очередное заседание Агробизнесклуба, посвященное его двадцатилетнему юбилею. Основным докладчиком был И. В. Лебедев — статс-секретарь, замминистра сельского хозяйства. Потом было выступление А. В. Гордеева, потом — мое, в котором я говорил о двух проблемах, которые меня очень сильно беспокоят. Первая — это реализация программы развития сельских территорий. На мой взгляд, ее ошибочность заключается в том, что упор в ней сделан на развитие социальной инфраструктуры села. Практически решение этой задачи составляет основное содержание программы. Но все мое, достаточно обширное, общение с селянами разных возрастов и профессий, да и просто логика говорят о том, что для того, чтобы сохранить село, прежде всего нужны квалифицированные рабочие места. А для их создания программа почти ничего не предусматривает.

А. М. НИКУЛИН: Это и наши социологические опросы показывают. Первый, самый животрепещущий вопрос — работа, а уже потом водопровод, школы и т. д.

В. Н. ХЛЫСТУН: При этом очевидно, что только сельское хозяйство новые рабочие места не обеспечит. Нужно развивать многопрофильное производство на этих территориях, очень предметно проанализировать различные возможности новых производств, что прекрасно использовали американцы начиная с 1930-х годов. Тот же Детройт, центр автомобилестроения, — размещал свои производства отдельных запчастей на значительной части сельских территорий страны.

А. М. НИКУЛИН: Это знаменитые фордовские проекты. Ильф и Петров описывают их в «Одноэтажной Америке».

В. Н. ХЛЫСТУН: Эти проекты реально очень сильно поддерживали и сохраняли сельские поселения, развивали все виды коммуникаций. Мы об этом, к сожалению, пока не думаем. В программе упомянут только сельский туризм и объекты сельской социальной инфраструктуры. Это, несомненно, даст какое-то количество новых рабочих мест, но не решит проблему занятости, а значит, не оставит отток сельского населения и опустынивание значительных территорий. Нам нужно серьезно задуматься об этом. Особенно в связи с вбросом в публичное пространство идей некоторых политиков о нецелесообразности поддержки развития сельских поселений и преимуществах мегаполисов. Считаю эту позицию крайне вредной, ее реализация приведет к опустыниванию огромных территорий и утрате продовольственной независимости страны. Нужна ориентация на пространственное развитие абсолютно всех ре-

гионов и создание для этого равных условий. Для этого должны быть государственные программы, которые создают на территориях новые рабочие места и новые возможности. Причем не любые рабочие места, а преимущественно квалифицированные! Возможности для этого у государства, несомненно, имеются.

Второе беспокойство связано с программой вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель, на реализацию которой государство выделило немалые средства. Некоторые коллеги называют ее «второй целиной», но надо хорошо знать ошибки первой, чтобы не повторить их сейчас. Я, к сожалению, вижу реальную опасность таких повторений и прежде всего риски распашки малопригодных земельных участков, которая в 1950-х годах привела к разрушению потенциала огромных площадей, сокращению производства мяса и абсолютной неэффективности вложений в освоение и затрат на производство. Я вырос на Целине, много лет вел исследования в Северном Казахстане, основном целинном регионе, и не понаслышке знаю как позитивные, так и негативные последствия этой эпопеи. Может ли быть эффективным производство зерна, когда высевают 4 центнера на гектар семян, получают урожайность 6–7 ц/га. Плюс разрушительная ветровая эрозия, плюс огромные потери при хранении и транспортировке... Государство вкладывало огромные средства в поддержку нерентабельных хозяйств, сегодня, в условиях рыночной экономики, этого не будет. В чем была главная ошибка? Лишь на 10–15% осваиваемых территорий были проведены почвенные и землеустроительные обследования, распахивали все подряд, в том числе продуктивные пастбища, на которых ранее выпасали огромное количество скота, солонцы и солончаки, участки, уже подвергнутые водной и ветровой эрозии, и т. д. Боюсь, что ситуация повторится вновь, наши предложения при обсуждении проекта не были приняты во внимание, раздали средства по регионам и сказали: молодец будет тот, кто распашет больше земли. Львиная часть затрат, как и в советское время, вкладывается в водные, весьма дорогостоящие мелиорации, что тоже далеко не всегда эффективно, а зачастую даже вредно. Чего стоит, например, осушение больших площадей торфяников, которые после массовых пожаров вынуждены искусственно обводнять, тратя на это очень большие финансовые и технические ресурсы. Нельзя подобное повторять!

А. М. НИКУЛИН: Еще Сталин пытался в 1920–1930-е годы создавать в южных степях гигантские зерносовхозы.

В. Н. ХЛЫСТУН: Неиспользуемые земли находятся в основном в Нечерноземье. Ну проведем мы там мелиорацию, а повысит ли она плодородие почв? Их химический состав, структура, генезис таковы, что под пашню они зачастую непригодны. Можно, конечно, завалить их удобрениями, как китайцы делают. Но надо ли? Ведь большие площади неиспользуемых сельхозземель Смоленской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской и других областей могут стать прекрасными кормовыми угодьями! При небольших затратах

*В. Н. Хлыстун,
А. М. Никулин*
«Я всегда считал крайне важным вовлечение науки в аграрную практику»

на технику на них целесообразнее создать культурные пастбища, ввести сенокосопастбищеобороты и с использованием малозатратных современных технологий производить высококачественные молоко и говядину, которых нам сейчас очень не хватает. Предусмотрено ли это программой? Увы, нет. Делает ли что-то в этом плане Минсельхоз? К сожалению, тоже нет, поэтому большого оптимизма эта программа у меня не вызывает.

А. М. НИКУЛИН: Вообще на Нечерноземье дикий лес надвигается, уже миллионы га такого леса выросло. А растет этот новый лес на землях формального сельхозназначения. И получается парадокс: пользователей той нечерноземной земли периодически штрафуют за то, что они землю не обрабатывают и она у них лесом зарастает. А с другой стороны — заняться заготовкой и переработкой леса на такой земле нельзя, потому что это уже другая отрасль — лесоводство, а фермерам положено заниматься сельским хозяйством.

В. Н. ХЛЫСТУН: Леса на сельхозземлях — это уже данность, которую надо принимать, а значит, находить решения по их рациональному использованию — и ввиду экологических проблем, и ради их хозяйственного применения — правообладателями (сельхозпредприятиями и фермерами) по установленным государством правилам. Это даст возможность создания новых рабочих мест и получения дополнительной прибыли.

Но главное с точки зрения сельского хозяйства — возможность развития в этой зоне мясного и молочного скотоводства. Пастбищное содержание здесь — это же совершенно иное качество продукции и другая, более эффективная экономика. По канадской системе «корова-теленочек», суть которой в том, что скот даже зимой содержится на открытых площадках, защищенных с ветреных сторон ограждением из тюков сена. Теленок рождается там же и получает хорошую закалку, питается на подсосе молоком матери и быстро набирает вес, с наступлением тепла стадо выходит на пастбище при сохранении подсоса и к концу уже первого сезона молодняк нагуливает очень приличный вес. Эта система сегодня охватила уже полмира, причем используется и в северных, и в южных странах. Наши северо-западные области просто идеально для нее подходят — влаги предостаточно, очень низких температур не бывает, травостой может быть очень богатым, не надо строить капитальные здания и сооружения. Дополнить эту систему должна межхозяйственная кооперация для интенсивного докорма скота на основе концентрированных кормов в течение достаточно короткого периода, причем тоже на открытых площадках. Убежден, что такие проекты могут быть весьма эффективными. Это подтверждает и опыт «Мираторга», который уже использует эту технологию. Она вполне применима и в фермерских хозяйствах, у них она наверняка будет даже эффективнее, но на старте им, несомненно, должна быть оказана необходимая поддержка со стороны государства.

К сожалению, у нас часто получается так, что у одних — зуд осваивать государственные вложения, а у других — абсолютный не-

профессионализм. Мое общение с современными чиновниками говорит о том, что они зачастую очень плохо представляют реальные процессы, которые происходят на селе, очень далеки от него. Я не случайно вытаскивал на работу в министерство людей из регионов, которые прошли хорошую школу, я мог на них опираться. Но когда сегодня истинных аграрников в управлении отраслью, по сути дела, почти нет, когда к нему привлечены, несомненно, толковые и умные ребята в основном из банковской сферы, очевидно наблюдается отрыв от глубокого понимания сельских проблем. Они обладают современными технологиями управления, но часто далеки от понимания реальных процессов, происходящих на земле, от осознания того, что это очень специфическая сфера отраслевой экономики, в которой как нигде переплетаются производство и реальная жизнь миллионов людей.

Вот что опасно: преобладание частных интересов и непрофессионализм. Две беды.

“I have always considered it extremely important to use science in agricultural practice”

Viktor N. Khlystun, DSc (Economics), Professor, State University of Land Use Planning; Academician of the Russian Academy of Sciences. 125064, Moscow, Kazakova St., 15. E-mail: vkhlystun@yandex.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The interview presents the history of the rural development and agrarian reforms in Russia in the 20th — 21st centuries as based on the facts from the biography of the Academician V. N. Khlystun. The article focuses on the features of educational and scientific institutions associated with the countryside in the USSR and in post-Soviet Russia, in particular on the history and present state of the Academician's alma mater — the State University of Land Use Planning. One of the main issues in the interview is the reforms of the Russian agrarian system, which are considered primarily on the basis of Khlystun's rich management experience in the 1990s — as the Chairman of the RSFSR State Committee on Land Reform, Russian Minister of Agriculture, Deputy Chairman of the Russian Government, and as a key manager of large financial organizations and analytical structures in the agrarian-industrial complex. In his memoirs, Khlystun describes and analyzes successes and failures of various legislative, economic and political measures of agrarian reforms at the federal and regional levels, and makes some personal assessments of the behavior and competencies of some representatives of the state, political and scientific elites of Russia. He repeatedly emphasizes that rural life is a special social sphere that requires complex and balanced measures for its transformations, i.e., considering various agrarian characteristics of such a vast country as Russia. Khlystun argues that the key to successful rural reforms is a combination of leaders' broad professional horizons with the ability to give priority to the common national good instead of private interests.

Key words: Russia, Kazakhstan, State University of Land Use Planning, *perestroika*, Ministry of Agriculture, land and agrarian reforms, Russian Government

**Рецензия на монографию: Мозохин О. Б. Дело
«Трудовой Крестьянской партии»**

**М.: Издательство «Вече», 2021. — 400 с. ISBN
978-54484-2500-4**

П. С. Кабытов

Петр Серафимович Кабытов, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва. 443036, г. Самара, Московское шоссе, 34. E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-220-227

В 2021 году московское издательство «Вече» опубликовало монографию доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Олега Борисовича Мозохина, в которой осуществлена реконструкция процесса фабрикации Политбюро ЦК ВКП(б) и органами ОГПУ дела «Трудовой Крестьянской партии». В Предисловии автор приводит данные о комплексе источников, который значительно расширяет представления о факторах, повлиявших на принятие Политбюро тех или иных решений по фабрикации дела «ТКП». Им были выявлены и введены в научный оборот материалы, извлеченные из фондов Архива Президента Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива новейшей истории и Центрального архива ФСБ РФ. Источниковая база была расширена также за счет привлечения О. Б. Мозохиним документальных публикаций, в частности, брошюры «Материалы по следственному делу контрреволюционной Трудовой Крестьянской партии и группировки Суханова–Громана (на материалах следственного производства ОГПУ)» (1930 г.). Автор подчеркивает, что им изучены первые экземпляры этих материалов, на которых есть пометы И. В. Сталина. Судя по этим документам, вождь Коммунистической партии внимательно отслеживал ход следствия и был одним из инициаторов организации процесса над видными представителями интеллектуальной российской элиты. Кроме того, автор при анализе процесса «Трудовой Крестьянской партии» опирается на письма Н. Д. Кондратьева, которые были

опубликованы в 2004 году¹. Он также использовал документальную публикацию, изданную в Киеве², и статью С. А. Панкова, включенную в состав «Книги памяти» в 2014 году³.

Как известно, российские историки приступили к научному изучению процесса «Трудовой Крестьянской партии» лишь в новейший период развития российской историографии, что связано с изменением историографической ситуации в стране. Исследование этой проблемы, долгие годы остававшейся невостребованной историками, стало вестись как в центре, так и в регионах России. Помимо публикации документов были изданы научные труды, авторы которых попытались осветить различные аспекты темы. Новизна рецензируемой монографии, на наш взгляд, состоит в том, что в ней предпринят комплексный анализ проблем, связанных с фабрикацией дела «Трудовой Крестьянской партии». Во-первых, воссоздана социально-политическая ситуация в стране, которая, с одной стороны, характеризуется подъемом протестных акций, а с другой — не только резким усилением репрессий, но и организацией центральной властью политических процессов против явных и мнимых противников советского строя. Во-вторых, особое внимание автор монографии уделил механизму фабрикации дела против выдающихся российских экономистов А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева и др. В этой связи значительный интерес представляют данные о ходе следствия, а также о том, как и каким образом следователи ОГПУ с помощью якобы признательных показаний подследственных добивались сведений о существовании Центрального Комитета партии и сети его региональных отделений. Именно эти материалы следствия ОГПУ должны были убедить общество, какую опасность представляют для строителей социализма масштабы деятельности ЦК «ТКП».

О. Б. Мозохин подробно анализирует достижения историков в изучении исследуемой им проблемы. Одновременно он акцентирует внимание читателя на дискуссионных вопросах и пробелах в ее изучении. Автор приходит к выводу, что многие исследователи обращают внимание на наличие темных пятен в исследовании этой проблемы. И более того, они констатируют, что никаких данных о существовании ЦК «ТКП», кроме показаний подследственных, не существует (с. 15). Автор солидаризируется с точкой зрения о том, что «вся информация,

1. *Клюкин П. Н.* (ред.) (2004). Н. Д. Кондратьев. Суздальские письма. М.: ЗАО Изд-во «Экономика».
2. *Григорьева Т. Ф., Очеретянюк В. И.* (сост.) (2010). Дело «Украинского филиала Трудовой Крестьянской партии». Киев.
3. *Панков С. А.* (2014). Сталинская коллективизация и специалисты аграрники Сибири. Дело «Трудовой Крестьянской партии» о заговоре и сельском хозяйстве западносибирского края в 1930–1933 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: Правительство Новосибирской области. С. 609–617.

содержащаяся в материалах следственного дела Центрального комитета «Трудовой Крестьянской партии», фальсифицирована» (с. 14). Позитивным можно считать и то, что Мозохин не обошел вниманием эмигрантскую литературу. Автор, опираясь на комплекс архивных, опубликованных источников и научной литературы, рассматривает факторы, повлиявшие на фабрикацию дела «Трудовой Крестьянской партии». Принципиальное значение имеет вывод историка о том, что инициатива выявления этой мифической организации и судопроизводства над ее «организаторами» исходила от руководителей Коммунистической партии, а фальсификация дела «Трудовой Крестьянской партии» была реализована Центральным аппаратом ОГПУ. Проводимая Коммунистической партией «революция сверху» — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства — способствовала росту социальных противоречий в стране, увеличению количества протестных акций, которые центральная власть стремилась погасить, используя репрессии.

В первой главе «Противодействие крестьянского населения страны «Революции сверху»» осуществлена реконструкция социально-политической обстановки в стране в начальный период коллективизации сельского хозяйства. Впечатляют масштабы протестных выступлений в различных регионах Советского Союза. Так, в 1926–1927 годах было зарегистрировано 63 массовых выступления, в 1928 году — 709, а в 1929-м их число возросло до 1190 (с. 30). Причем рост массовых выступлений происходил осенью 1929 года на почве хлебозаготовок. ОГПУ также были зафиксированы выступления крестьян на религиозной почве, в связи с закрытием церквей. В ходе коллективизации увеличилось число терактов: в январе 1930 года было зарегистрировано 750 терактов, в феврале — 1349, в марте — 1751 (с. 37). Автор отмечает, что в течение первого года коллективизации массовые репрессии обрушились не только на зажиточных крестьян, но и на тех, кто отказывался вступать в колхозы, поэтому власть прибегла к еще более радикальным действиям, приняв 30 июня 1930 года Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В монографии охарактеризованы мероприятия органов ОГПУ по ликвидации кулачества и массового выселения кулаков и их семей из районов сплошной коллективизации. «В 1930–1931 гг., — пишет Мозохин, — было выселено на спецпоселение более 1 800 000 человек» (с. 56). Автор подчеркивает, что органы ОГПУ в 1930 году зафиксировали 13 754 массовых протестных выступления. В восстаниях принимали участие около 2,5 млн человек. В условиях роста социальных противоречий в стране, для того чтобы «умиротворить» население, власть традиционно стала использовать репрессивные методы, которые в конечном счете вылились в государственный террор, в ходе реализации

которого в 1930 году органы ОГПУ приговорили к расстрелу 20 201 человека. По мнению центральной власти, помимо этого необходимо было определить виновных за срывы темпов коллективизации. Их пытались, и безуспешно, найти среди сотрудников Народных комиссариатов СССР и Украины. Мозохин воссоздает механизм поиска вредителей в сельском хозяйстве страны и анализирует ход кампании по борьбе с ними. Ее инициаторами были руководители ОГПУ. Так, 13 января 1930 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода сообщил И. В. Сталину о вредителях в сельском хозяйстве, которые распространили свое влияние на центральные и периферийные организации и учреждения. Одновременно ставилась задача в короткий срок «притушить» критические настроения по отношению к реализуемой коллективизации среди представителей сельскохозяйственной элиты. Здесь использовался традиционный способ — репрессии, которые должны были стать сигналом для советской интеллигенции. С этой целью ОГПУ в начале 1930 года открыло дело о контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве Украины (с. 57-58).

Мозохин правомерно замечает, что дела по борьбе с вредителями в сельском хозяйстве в масштабе страны были мелковаты, а потому руководству ВКП(б) понадобилась аналогичная «Промпартии» крестьянская организация с региональными отделениями на территории СССР и связями с границей. Первоначальная идея связать арестованных «членов» «Трудовой Крестьянской партии» с «правыми» коммунистами не удалась, так как следователи так и не получили признание в стоворе с лидерами правого крыла ВКП(б) (с. 59). Доказано, что организованное ОГПУ следствие по делу «Трудовой Крестьянской партии» ставило своей целью предупредить возможное политическое объединение различных политических течений в аграрно-экономическом блоке, что стало важным этапом сталинского наступления на аграрно-экономическую оппозицию (с. 63).

Во второй главе «Центральный комитет Трудовой Крестьянской партии» показан процесс выявления политического центра контрреволюционных организаций, которым якобы являлось Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) во главе с Н. Д. Кондратьевым, Н. П. Макаровым, А. В. Чаиновым, А. Н. Челинцевым, А. Г. Дояренко, А. П. Садыриным и другими (с. 64). Мозохин пишет, что первое сообщение о «ТКП» появилось 17 июня 1930 года, о чем Сталину доложили заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода и помощник начальника экономического управления ОГПУ М. И. Гай. 19 июля 1930 года о контрреволюционной деятельности Н. Д. Кондратьева дал сведения в показаниях на допросе по делу о «Союзном бюро ЦК РСДРП(м)» член коллегии ЦСУ СССР В. Г. Громан. Установлено, что основой для фабрикация дела «Трудовой Крестьянской партии» стали показания Н. Д. Кондратьева, Н. П. Макарова,

А. В. Чайнова и других аграрников-экономистов, арестованных в ходе следствия. Для придания большей значимости этой так называемой контрреволюционной организации следователи в кратчайшие сроки сумели добиться от арестованных необходимых для ОГПУ признательных показаний, чтобы представить их высшему руководству страны и прежде всего Сталину. Они включали данные о структуре организации, о том, что партией руководил Центральный комитет, наличии программы, сети региональных отделений на территории СССР и ее связях с границей. Но в процессе анализа следственных материалов Мозохин приходит к выводу, что на самом деле ни ЦК «ТКП», ни программы, ни самой партии не было (с. 107).

В монографии показана роль И. В. Сталина и высшего партийного руководства в организации процесса над аграрниками-экономистами. Сталин не только изучал материалы следствия и знакомил членов Политбюро с ходом процесса, но и давал указания руководству ОГПУ, так что его роль в фактикации процесса несомненна. Поначалу Сталин считал, что необходимо организовать открытый суд над членами «ТКП», но затем у него возникли сомнения в том, что «обвиняемые публично признают свои ошибки на открытом процессе. И он передумал передавать это дело в суд» (с. 166). А потому дело было рассмотрено во внесудебном органе — в Коллегии ОГПУ. 23 января 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение разрешить ОГПУ судить группу Н. Д. Кондратьева, а уже 30 января 1932 года Коллегия ОГПУ вынесла постановление заключить в концлагерь на 8 лет Н. Д. Кондратьева, Н. П. Макарова, Л. Н. Юровского; сроком на 5 лет А. В. Чайнова, А. Г. Дояренко, А. А. Рыбникова; сроком на 3 года Л. Н. Литошенко, С. К. Чайнова, Л. Б. Кафенгауза. Были осуждены сроком на 3 года с заменой этого наказания ограничением в месте жительства также А. В. Тейтель, И. Н. Леонтьев; сроком на 3 года с последующим освобождением от наказания А. О. Фабрикант (с. 169).

В главе третьей «Крестьянская Россия — Трудовая Крестьянская партия» Мозохин анализирует деятельность реально существовавшей партии «Крестьянская Россия — Трудовая крестьянская партия» (далее КР–ТКП), которая была создана в Москве в 1920 году Сергеем Семеновичем Масловым, членом партии социалистов-революционеров, депутатом Учредительного собрания. Идея создания этой организации родилась под воздействием крестьянского движения в России 1918–1921 годов, когда в стране во многих уездах вспыхивали крестьянские восстания. Уже в середине 1921 года возникли филиалы этой партии в Петрограде, Пскове, Ростове-на-Дону, Туапсе, Новосибирске, Архангельске и Харькове. Автор пишет о том, как С. С. Маслов привлек к работе в Праге П. А. Сорокина, в Париже — А. А. Аргунова (с. 173). Была определена главная задача партии, состоявшая в том, чтобы

поддерживать старые и устанавливать новые связи в России и распространять на территории страны программные документы и информационные бюллетени. Подчеркивается, что КР–ТКП сумела сохранить в России связи вплоть до коллективизации. Большое внимание уделяет автор анализу деятельности КР–ТКП и ее лидера С. С. Маслова накануне коллективизации и в период ее реализации. Он также приводит сведения о контактах партии с милюковским Республиканско-демократическим союзом, о численности КР–ТКП и о I съезде партии, на котором был избран Центральный комитет и принята программа. На основе анализа статьи С. С. Маслова выявлены конкретные формы борьбы против советской власти, которая должна была вестись по нескольким направлениям, это «фронт мирно-политический», «фронт экономический», «фронт культурный» и «фронт вооруженной борьбы» (с. 187). Значительный интерес представляют также данные о распространении в России партийной литературы. Из документов следует, что ЦК партии планировал применять политический террор, диверсии, вредительство и организацию вооруженных выступлений. Состоявшийся в Праге 3–6 июля 1932 года II съезд партии подтвердил курс на вооруженную борьбу с большевиками.

В связи с этим историк не обошел вниманием мероприятия ОГПУ по выявлению связей Н. Д. Кондратьева с лидером КР–ТКП Масловым. Однако ОГПУ не удалось добиться признательных показаний от Кондратьева, который, как доказывает Мозохин, был против этих контактов. Вместе с тем ОГПУ обладало обширной информацией о КР–ТКП, о чем свидетельствует подробный отчет о ее деятельности.

В четвертой главе «Филиалы Трудовой Крестьянской партии» анализируются методы, которыми следователи ОГПУ добивались признательных показаний о региональных отделениях «ТКП». Для этого использовались показания С. К. Чайнова, А. В. Тейтеля, А. В. Чайнова и других арестованных. Помимо сети ячеек в центральных органах власти: Наркомземе РСФСР, Наркомфине СССР, Госплане СССР, ЦСУ, Конъюнктурном институте и Наркомфине, Московском обществе сельского хозяйства и других организациях, «ТКП» якобы имела сеть организаций в Центрально-Черноземной области, на Северном Кавказе, в УССР, Ленинграде, Омске, Самаре, Нижегородском крае, Иваново-Промышленной области и в других областях СССР (с. 211). Автор цитирует циркуляр председателя ОГПУ В. Р. Менжинского от 23 августа 1930 года, направленный начальникам областных отделов, в котором сообщалось о раскрытии деятельности «ТКП» и о враждебных планах этой организации. В этой связи ОГПУ предписывало принять срочные меры к выявлению и ликвидации на местах организаций и ячеек «ТКП» (с. 215). В процессе изучения деятельности региональных отделений ОГПУ автор приходит к выводу о том, что выявление филиалов «ТКП»

проводилось по указаниям Центрального аппарата ОГПУ СССР. «Первоначально, — констатирует историк, — эта работа ими саботировалась, только после очередной “встряски” она стала проводиться в соответствии с полученными указаниями» (с. 313). О ходе этой работы докладывалось И. В. Сталину. Доказано, что основная масса дел арестованных в регионах фальсифицировалась, о чем свидетельствует тот факт, что многие были досрочно освобождены или им были изменены меры наказания.

В пятой главе «После вынесения приговора» речь идет о том значении, которое имело постановление от 25 июня 1932 года ЦИК и СНК СССР о революционной законности и об обращении ЦК ВКП(б) ко всем партийным организациям. На его основании осужденные по делу «ТКП» стали подавать прошения в Коллегию ОГПУ, а копии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и в СНК СССР В. М. Молотову о пересмотре дела. Такое прошение подал 4 июля 1932 года Л. Н. Юровский. Н. Д. Кондратьев направил свое заявление 17 ноября 1932 года председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому, а копии И. В. Сталину, В. М. Молотову и председателю ЦИК СССР М. И. Калинину. Прогрешения и заявления были ими посланы из Суздальского политизолятора ОГПУ, в них осужденные писали о том, что не принадлежали к какой-либо контрреволюционной партии или группировке. В них же содержались заверения в преданности советской власти и строительству социализма. Но их попытки добиться пересмотра дела были тщетны. Заявление Н. Д. Кондратьева вместе с сопроводительной запиской ОГПУ попало к Сталину, на ней он написал резолюцию «В архив. Ст.» (с. 319). В своих прошениях Юровский и Кондратьев описали приемы следователей, когда, находясь под жестким давлением со стороны сотрудников ОГПУ, они были вынуждены оговаривать себя. Допросы проводились ночью с 11 часов вечера до утра, днем запрещалось спать, что деморализовало арестованных. Люди теряли способность адекватно воспринимать явления и реагировать на них, возникало чувство отчаяния и безысходности, которое сменялось состоянием апатии. Так, Юровский после 42 допросов вынужден был просить следователя задать ему необходимые вопросы и завершить следствие (с. 329). Впрочем, следует согласиться с мнением Мозохина о том, что, судя по всему, Кондратьев и Юровский «не могли серьезно искажать описываемые факты» (с. 370).

Завершает главу переписка родных и близких о Н. Д. Кондратьеве, Н. П. Макарове, А. В. Чаянове, Л. Н. Юровском, А. Г. Дояренко, а также решения Верховного суда СССР от 16 июля 1987 года об их реабилитации.

Итак, в монографии продемонстрировано, какой арсенал средств использовали следователи ОГПУ для того, чтобы добиваться от подследственных признательных показаний. Автором осуществлена реконструкция процесса создания мифа о деятельности «Трудовой Крестьянской партии». Новым является

тезис автора о том, что «привлеченные по делу ЦК “ТКП” обсуждали вопросы экономики и политики Советской России в узком кругу единомышленников, только не в том, который очертили органы ОГПУ, создавая дело “Трудовой Крестьянской партии”» (с. 380). И далее следует вывод о том, что какого-либо оформленного членства в партии не было, а обвинения строились лишь по материалам допросов обвиняемых. Сами же показания подследственных под непосредственным влиянием указаний И. В. Сталина корректировались следователями ОГПУ. Приведены сведения и о том, что отдельные протоколы допросов заранее готовились следователями самостоятельно, «но это делалось с целью сломить человека и в дальнейшем шантажировать его этими признаниями» (с. 381). В монографии рассказано о том, что подследственные были вынуждены самостоятельно «писать признания» по указаниям следователей ОГПУ.

Особо подчеркнем, что монография О. Б. Мозохина открывает новый вектор исследований начального периода социалистического проекта в нашей стране по такой актуальной проблеме, как взаимоотношения власти и интеллигенции.

П. С. Кабытов
Рецензия на монографию: Мозохин О. Б. Дело «Трудовой Крестьянской партии»

Review of the book: Mozokhin O. B. The Case of the Labor Peasant Party

Moscow: Veche Publishing House, 2021 — 400 p. ISBN 978-54484-2500-4

Petr S. Kabytov, Honored Worker of Science of the Russian Federation, DSc (History), Head of the Department of Russian History, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev. 443036, Samara, Moscovskoe Sh., 34. E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Новый взгляд на старые проблемы российской периферии¹

И. В. Троцук

Рецензия на книгу: От родовых поместий до дальневосточного гектара: нетривиальные вопросы государственного и муниципального управления. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. — 312 с. ISBN 978-999999-1-49-0

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-228-238

Книга «От родовых поместий до дальневосточного гектара» — сборник статей со вступительным словом научного редактора, т. е. по форме вполне традиционная для научного дискурса коллекция текстов. Но содержательно это материал, не характерный для российских научных изданий, — выпускные квалификационные работы студентов, превращенные в статьи. Российская университетская и научная среда чтит статусную дифференциацию в том смысле, что студенту сложно опубликовать статью (без соавтора с академическими регалиями) где-либо, кроме сборников конференций: «студенческие исследовательские работы нечасто появляются в публичном поле и тем более редко выходят в серьезных изданиях и поучают сколь-либо значимую огласку» (с. 6). Здесь же читатель видит коллекцию студенческих работ без предупреждений, что это не вполне научные тексты, и авторы действительно выступают как состоявшиеся исследователи — с собственными интересами, методическими предпочтениями и аналитической «оптикой». Объединяет их работы, по мнению редактора А. Позаненко (научного руководителя авторов), фокус на «русской периферии и ряде примечательных для нее явлений и процессов», благодаря чему «разнообразие тем отражает богатство социальной и политической ткани периферийной действительности» (с. 4): поселения

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

родовых поместий; ход и результаты программы «Дальневосточный гектар»; модели сохранения моногородов; причины и последствия укрупнения сельских поселений; хозяйственные практики приграничных территорий; факторы дифференциации сельскохозяйственных укладов.

Отличительная черта книги — явная и имплицитная противоречивость, которая очевидна уже в аннотации: рассматриваемые вопросы государственного и муниципального управления применительно к современной российской периферии заявлены в названии сборника как «нетривиальные» (допустим), в аннотации — как «малознакомые широкой публике» (сомнительно, учитывая, как часто и акцентированно обозначенные выше вопросы звучат в государственном дискурсе и медийном поле). Российская периферия, преимущественно сельская по характеру, — вряд ли нетривиальное или незнакомое широкой публике проблемное поле. Скорее негативные стереотипизации организации и качества жизни в сельской России («на периферии», «в глубинке» и т. д.) приводят к тому, что исследования стратегий ее выживания не распространены ни в студенческой, ни в научной среде (в отличие от тех стран, которые упоминаются в сборнике как источники моделей для российских реалий, например, Германии или Финляндии). А если проблемы негородской периферии попадают на страницы российской художественной литературы, то это, как правило, депрессивно-трагические жизнеописания бесправных и бессильных людей «на обочине жизни», а не, скажем, нейтрально-объективный контекст запутанной детективной истории².

Научный редактор книги прав в том, что сборник представляет «широкой публике работы молодых перспективных исследователей», пример которых «может простимулировать и других», но с тем, что «взгляд авторов еще не замылен, не перегружен теоретическим багажом и оттого свеж, а изложение мыслей прямое

2. См., напр.: *Гребс К.* (2019). Дневник моего исчезновения / Пер. со швед. Е. Н. Хохловой. М.: АСТ. Детективная история разворачивается в небольшой шведской деревне, где «работа осталась только у фермеров... лесопилка и мастерская закрылись, то, что от них осталось — ржавые бараки, — стоят заброшенные посреди поля» (с. 21); «большинство жителей уехали... никто не переселяется сюда... никто и пальцем не пошевелил, когда производство закрылось и деревня начала вымирать... коренные жители этих мест переживали трудные времена, но никто не пришел им на помощь» (с. 54); «продуктового магазина сейчас нет — покупателей недостаточно» (с. 59); при этом «природа роскошная, особенно летом — пасторальная идиллия с домиками, густыми лесами, теплой ясной водой озера» (с. 76); «здесь ничего не происходит» (с. 141), «много безработных» (с. 143), «умирающая деревня — предприятия закрылись... закрылась почта, детский сад, даже чертов магазин заколотили... теперь здесь нет совсем ничего, люди чувствуют себя преданными» (с. 159), «красиво, одиноко и темно... в этой дыре» (с. 289). Вполне универсальное описание сельской периферии.

и ясное» (с. 6), сложно согласиться. Действительно, и в этом достоинство статей, они имеют четкую содержательную структуру, в которой в разных сочетаниях и последовательности представлены следующие блоки: реконструкция истории становления феномена и/или обзор теоретико-методологических подходов к его изучению; анализ нормативно-правовой базы и ее изменений; статистические данные; контент-анализ медийного дискурса и/или судебной практики; описание кейсов на основе собранного экспедиционного материала (наблюдений) и интервью с представителями органов местного самоуправления и местными жителями — прежде всего чтобы сопоставить декларируемое и реальное.

Статьи начинаются с обзоров: истории движения «Звенящие кедры России» и практик «взаимодействия анастасийцев с государством в процессе создания экопоселений и поселений родовых поместий с целью проживания в условиях идеологической общности» (с. 12), в том числе в контексте становления «новых религиозных движений»; разработки государственной программы «Дальневосточный гектар» и опыта других стран по введению в сельскохозяйственный оборот малоосвоенных земель; моделей поддержки и развития моногородов — американской («сжатие экономики» моногорода до рентабельности), европейской (долгосрочная стратегия сохранения монотерриторий) и смешанной, а также их применения в советский и постсоветский периоды; истории из современной жизни общин родовых поместий на фоне действующих и искомых форматов нормативно-правового регулирования их жизни и т. д. Завершает статьи или включен в их текст иллюстративный материал — фрагменты из полевых дневников, цитаты из транскриптов интервью, кодификаторы контент-анализа.

К сожалению, даже после продуманных обзоров в текстах встречаются неоднозначные утверждения: например, каковы критерии «стабильности процесса дезурбанизации» и можно ли говорить об «оттоке населения из мегаполисов на фоне глобального запустения деревень и сельских местностей» (с. 12); оправданно ли сводить в понятие «государство» «все органы власти, в том числе муниципальные, так как органы местного самоуправления воспринимаются самими представителями поселений родовых поместий как государственная структура» (с. 13) — это противоречит нормативно-правовой базе и логике выстраивания взаимоотношений с властью (местной — по сути, твои соседи, региональной/федеральной — абстрактные чиновники где-то далеко); какой «уровень социальной активности и политической вовлеченности» признан «должным» во взаимодействии поселений родовых поместий с администрациями (с. 18), если «поселенцы в большинстве своем принимают активное экономическое и культурное участие в жизни муниципальных образований» (с. 38); некорректно называть отсутствие инфраструктуры (в частности, неразвитое транспортное сообщество) «популярной» проблемой (с. 63) и т. д. Иногда не вполне четко

определены ключевые понятия: например, в первой статье о родовых поместьях они обозначены как экопоселения, поскольку «одной из их важнейших основополагающих характеристик является экологическая направленность» (с. 16), а во второй статье, напротив, утверждается, что «поселения родовых поместий не могут приравниваться к экопоселениям», потому что «отличаются от них рядом хозяйственных характеристик (не приветствуется проживание без семьи, она должна создавать собственное «пространство любви» размером не менее 1 га, нет иерархичной системы управления, различаются трактовки идеологии анастасийства и вектора развития поселения и др.)» (с. 133-137), но при этом два понятия используются как синонимы.

Сложно согласиться и с обозначением проведенных исследований как «социальных» в силу их междисциплинарности — это классические социологические кейс-стади, которые по определению требуют тщательной проработки разных типов данных до выхода в поле и сочетания разных методик на этапах полевой работы и анализа ее результатов. Авторы, невзирая на его трудоемкость, используют «качественно-количественный интерфейс» эмпирических поисков — сочетают (контент-)анализ судебных решений (сложно сказать, насколько это показательные данные — люди часто не хотят или не могут себе позволить обратиться в суд) и материалов СМИ с изучением социальных сетей (тематических групп), проведением глубинных интервью в очном и онлайн-режиме (все же это полуформализованные интервью), стандартизированного анкетирования с помощью онлайн-форм (весьма показателен низкий отклик районных и местных администраций — они слишком загружены и/или запуганы) и полевых экспедиций. Хотя количественные данные служат грамотно выстроенным контекстом полевых исследований (сбора качественных данных), авторы все же тяготеют к «количественному» формату презентации их результатов: предпочитают перечислительные описания (нередко в абсолютных значениях — «в опросе 5 человек отметили, что упала покупательная способность», «о проблемах с коррупцией опрошенные упомянули 6 раз», «4 опрошенных упомянули об алкоголизации населения как проблеме моногородов», «о проблемах с экологией упомянули 11 раз», «26 раз опрошенные отметили сокращение социальной поддержки работников» и т. д.; или выстраивая диаграммы для незначительного числа респондентов/ответов) аналитическим обобщениям (редко встречаются типологии — основной результат качественных исследований со времен чикагской социологической школы). Но информантам предоставлено «право голоса» — приводятся многочисленные цитаты из их высказываний, в том числе сгруппированные по тематикам/проблемам.

Слишком небольшие выборки не позволяют авторам делать серьезные обобщающие выводы, поэтому некоторые констатации вызывают у читателя вопрос «и что?»: например, «по результатам опро-

са 18 человек знают о субсидиях для МСП, при этом опрошенные наиболее часто (13 ответов) указывали поддержку МСП как наиболее эффективную меру поддержки моногородов» — это весь абзац, суммирующий результаты опроса по блоку «Развитие малого и среднего предпринимательства». Авторы подводят итоги исследований скорее в перечислительном, чем в типологическом формате: например, список причин разочарования информантов в программе «Дальневосточный гектар» включает в себя «нет возможности подключить коммуникации, удаленность от города, безразличие местных властей, непрозрачность условий, обилие “серых зон”, слабая финансовая поддержка государства» (с. 72), хотя несколько вариантов пересекаются, и можно было бы объединить их в три группы барьеров — инфраструктурные, административные и информационные (по аналогии с типами проблем моногородов — технико-технологические, экономические, институциональные и социальные).

Прикладным характером дисциплины «Государственное и муниципальное управление» (все авторы — выпускники одноименной образовательной программы) научный редактор объясняет завершение статей «практически применимыми рекомендациями органам власти и изучаемым группам» (с. 6). Но это не столько рекомендации, сколько попытки их сформулировать — в идеалистическом ключе и/или повторяя, пусть и более простыми словами, стандартные бюрократические формулировки. В значительной степени такие рекомендации вытекают из выводов: например, если после полевых экспедиций автор убежден, что «местные и региональные власти не мотивированы изучать структуру локальных сообществ, потенциал их существования на сельских территориях» (с. 18) (у местных властей скорее нет кадров, ресурсов и моральных сил на такую работу), то считает необходимым «выстроить конструктивный диалог с властью... изменяя публичный образ экопоселений в положительную сторону... публикуясь в высокоцитируемых СМИ» (с. 47). Если в качестве «основной проблемы во взаимодействии между государством и поселениями родовых поместий» назван «усложненный механизм получения земель под их строительство», который «замедляет процесс освоения муниципальных территорий, которые в перспективе мог бы положительно влиять на локальную экономику и развитие местной инфраструктуры» (с. 23), то «рекомендуется... заняться решением земельного вопроса... продвижением федерального закона, который бы упрощал процесс получения земель... необходимо разработать качественный законопроект и затем внести его на рассмотрение в Государственную Думу. При условии усовершенствования на предыдущем этапе публичного образа поселений родовых поместий и наличия репутации на политической арене качественный и детально проработанный законопроект будет иметь высокие шансы на принятие» (с. 48). Это прекрасные и правильные рекомендации, но их уже давно и безуспешно пытаются реализовать.

Вывод по результатам анализа интервью о программе «Дальневосточный гектар» также вызывает вопросы: «Судя по отзывам получателей гектаров, программа для них — это удобный механизм получения бесплатного земельного участка в разумном удалении от городов. Но чтобы его закрепить и реализовать планы по его освоению, необходимо иметь знания российского законодательства. Работники администраций отмечают юридическую неграмотность сельского населения. Люди не знакомы с процедурами оформления участков, не знают своих прав и обязанностей. Можно сказать, что это главная проблема, препятствующая эффективной реализации программы» (с. 82). Во-первых, в свете перечисленных инфраструктурных, административных и информационных барьеров юридическая неграмотность сельского населения не выглядит главным препятствием для успеха программы. Во-вторых, непонятно, зачем тогда нужны администрации — если сельские жители будут настолько грамотны, что смогут решить все свои проблемы самостоятельно. Соответственно, и вывод, что «чаще всего судебные споры возникают в сфере землепользования ввиду недостаточной осведомленности граждан о своих правах и в результате проявления низкой гражданско-правовой ответственности (!), реже — по вине сотрудников уполномоченных органов, уклоняющихся от выполнения своих обязанности» (с. 85), говорит о том, что эти сотрудники не выполняют свою важнейшую обязанность — информирования и помощи населению. Повышать осведомленность граждан автор предлагает в том числе посредством «консультирования государством по части законодательства» (с. 87), но «государство» — это «сотрудники уполномоченных органов», которые уклоняются от такого консультирования. «Разработка КПЭ для органов местного самоуправления в целях повышения их трудовой мотивации» (с. 88) не изменит ситуацию, потому что у муниципалитетов просто нет необходимых кадровых и финансовых ресурсов.

Вывод по итогам оценки мер поддержки российских моногородов сводятся к необходимости «дополнительных мер» по ряду запущенных направлений работы: развитие туризма, создание экологически чистых производств, комплексные меры с необходимым финансированием, общественные работы и дистанционная занятость, развитие государственно-частного партнерства, поиск рынков сбыта, связь науки и бизнеса, повышение мобильности работников и молодежная политика (с. 116, 120). Рекомендации здесь тоже совершенно правильные³, но неконкретные (развитие инфраструктуры, мониторинг, индивидуальный подход, снижение административных барьеров и др.) — возможно, они имели бы более

3. Строительство мусороперерабатывающих заводов выбивается из общего списка, потому что эти предприятия негативно стереотипизированы в общественном мнении и, как правило, попытки их строительства наталкиваются на организованное сопротивление местного населения.

практический характер, будучи дифференцированы по обозначенным типам моногородов — с наиболее сложным социально-экономическим положением, с рисками ухудшения этого положения и со стабильной социально-экономической ситуацией.

Вызывает сомнения в реалистичности и рекомендация «внести изменения в существующее законодательство для популяризации (?) и стандартизации процедуры получения земли с целью создания родового поместья», поскольку «укрупнение сети экопоселений сможет решить сразу несколько долгосрочных проблем: гармонизация национальных и этнокультурных отношений между людьми, связанными едиными целями; предотвращение трудовой миграции за счет предоставления трудового участка, который может обеспечить продовольственным минимумом целую семью; развитие рынка экологически чистых продуктов благодаря производству, построенному на сети независимых ЛПХ и КФХ; увеличение конкурентоспособности рынка за счет множества независимых предпринимателей; создание брендов отечественной сельхозпродукции с последующими возможностями для роста реализации экспорта» (с. 145). Помимо описанных ранее организационных проблем нет уверенности в том, что общины родовых поместий в принципе готовы и хотят участвовать в чем-то подобном.

Сложно не согласиться с тем, что в обычной жизни «в большинстве своем информанты... не создают впечатления радикально настроенных сторонников единой идеологии, скорее... рационально мыслящих людей с несколько иными взглядами, нежели принято в привычном жителю города обществе» (с. 150). Но все же родовые поместья основаны именно на определенной идеологии, которую их общины пытаются воплотить в жизнь с учетом ее объективных ограничений (невозможно полностью отказаться от благ цивилизации и разорвать связи с городами)⁴. В итоге, систематизиро-

4. См., напр.: Сафронов О. В. (2007). Родовое поместье: шаг навстречу мечте. М.: «Нам захотелось претворить в своей жизни все, что так захватывающе было описано в книжках... “Звенящие кедры России”... Мы в какой-то мере уже были подготовлены к встрече с этими новыми возможностями и перспективами, так как давно начали искать выход из нелегких и запутанных обстоятельств нашей современной жизни. Ни для кого ведь не секрет, что жизнь человека по всем статьям зашла в тупик. Мы пропадаем, катимся в пропасть, все общепринятые нормы жизни и ее процессы все время утяжеляют бремя, которое влачит человечество. Тупик идеала, тупик экономики, тупик морали и нравственности, закона и порядка, политики, культуры, воспитания и педагогики. Какую область жизни ни возьми, везде тупик и безнадега» (с. 11-12). «Мы вырываем из цельного организма планеты разрозненные и встроены в очень сложные и тонкие процессы взаимоотношений элементы материи и лепим из них выгодные нам сочетания, совершенно игнорируя все последствия подобных разрывов. Потому практически все, что человек создает своими мозгами и руками, обречено умереть. Потому-то мы и вынуждены изобретать все более изощренные технологии для продления “жиз-

вав функции экопоселений (инфраструктурная, образовательная, культурно-рекреационная, информационно-просветительская, экологическая и противопожарная) и обозначив последовательность их реализации публичной властью (первостепенные — инфраструктурная и культурно-рекреационная), автор, по сути, отказывается формулировать рекомендации, отмечая отсутствие единого критерия успешности поселений родовых поместий — «она складывается из огромного множества факторов и исходных условий» (с. 158).

Прекрасные и правильные, но малореализуемые рекомендации даны и по итогам рассмотрения на региональных кейсах негативных последствий укрупнения сельских поселений, которое не ре-

ни” наших мертворожденных детищ, продолжающих сыпаться и рушиться, несмотря на все наши ухищрения... Начав с неверного первого шага, мы продолжаем все дальше заводить себя в тупик, накапливая и громоздя в своей судьбе последствия, обрекающие нас на гибель» (с. 19). «Вот перед нами совокупный образ современного горожанина: полубольного-полудзорового, истерзанного созданной им же самой средой обитания, отравленного неполноценной едой и водой, разъедаемого нездоровыми и искаженными чувствами и страстями, переполненного сумбуром недостойных и навязанных этой же средой мыслей и образов, несущего в себе весь этот ад и медленно бредущего к уготованному самим же собой концу где-то между 50 и 70, в лучшем случае, а то и раньше» (с. 28). «Суть проекта “Родовое поместье” сводилась к тому, что современный человек должен вновь вернуть себе родину, т. е. такое место на земле, где соединятся все планы его бытия, и в полноте их он обретет истинное счастье, вспомнит самого себя, проснется, очнется от колдовских чар, навешенных ему фальшивыми внушениями искусственных миров, и вновь станет истинным хозяином своей жизни, способным в радости и совершенстве претворять замыслы Творца... Для осуществления данного проекта надо было выполнить несколько условий. Во-первых, найти наиболее подходящее МЕСТО, где можно было бы чувствовать себя наиболее комфортно и легко. Суметь взять в этих краях землю размером не менее одного гектара... И отношение к ней должно быть благоговейным и предельно бережным, как к самому дорогому и любимому живому существу... Кроме земли необходим еще и круг ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, разделяющих подобное отношение... и общее понимание проекта и готовых, возрастая над собой и своими теперешними ограничениями, искать новых путей и решений... По сути, данный проект представляет собой первую серьезную попытку человека... создать УСТОЙЧИВУЮ РУКОТВОРНУЮ ЭКОСИСТЕМУ» (с. 34-36). «Самое значимое свойство, главный потенциал, который хранится и ждет своего раскрытия в проекте, — это ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ, жизнь, построенная в гармонии на своей малой родине» (с. 53). «Решений, очевидно, будет если и не по числу участников, то, несомненно, много, и именно это множество вариантов и подходов разовьет проект в полноценную жизнеспособную форму новой жизни. Очень важно начать искать свое решение, свой ключ к проблеме, объединяя усилия с теми, кто солидарен с тобой, и внимательно присматриваясь к иным вариантам и подходам, развивающимся рядом и параллельно. И упаси нас Бог от шаблонов и единообразия» (с. 243).

шает и свою основную задачу — бюджетной экономии: уменьшение дотаций и доходной базы, дублирование функций, сокращение инфраструктуры, отдаление власти от населения и снижение доступности услуг, отток трудоспособного населения и социальное недовольство (с. 208). Вряд ли ситуацию могут принципиальным образом изменить рекомендации региональным и муниципальным властям «анализировать уже произошедшие укрупнения и проводить объединения только после комплексной экспертизы... необходимых преобразований и их возможных последствий» (у региональных властей редко возникает такое желание, а у муниципалитетов нет такой возможности даже при всем желании), а объединенным поселениям — «повышать доступность услуг... сохранять социальные учреждения и повышать количество рабочих мест» (они бы с удовольствием это делали, но не имеют объективных возможностей) (с. 209). Столь же идеалистично-утопичны предложения «обеспечить условия, в которых жители будут организовывать снабженческо-сбытовые кооперативы при ЛПХ» и развивать «инновационную платформу сбыта в Интернете, например, виртуальный рынок купли-продажи продуктов ЛПХ» (с. 296).

И, наконец, как в любом сборнике, в книге опубликованы разные по «качеству» тексты. Скажем, если на примере конкретных поселений родовых поместий последовательно и обоснованно охарактеризованы практики самоорганизации и управления и выделены «факторы, влияющие на масштаб и эффективность самоорганизации и функции публичной власти, которые чаще всего берут на себя поселенческие сообщества» (с. 8), или на примере Приморского края подробно и обстоятельно прописаны элементы комплексной оценки возможностей и угроз, с которыми сталкиваются приграничные территории, то убедительно систематизировать «факторы, определяющие сельские хозяйственные уклады», на основе изучения экономических стратегий жителей деревень в Удмуртии, Республике Алтай и Приморском крае все же не удалось, как и показать, в каких сочетаниях «природно-географические, историко-культурные и административные факторы определяют региональные различия в укладах» (с. 10). Возможно, следовало бы отказаться от словосочетания «сельскохозяйственный уклад» и работать с понятием «экономическая стратегия» или же опираться на комплексные исследования, предлагающие исторически развернутые и фактуально насыщенные описания различных укладов в российском обществе⁵. Категориальный аппарат модели многоукладности привлекателен тем, что позволяет совмещать макрооптику (факторы) и микроподход (повседневные практики), но пока в статье он не очень сочета-

5. См., напр.: Многоукладность России (2009): исторические корни, состояние и перспективы / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Институт экономики РАН.

ется с выбранным концептуальным фреймом и аналитическими общими полевыми данными.

Объединяет статьи сборника имплицитный рефрен тотальной непродуманности государственных решений (прежде всего с практической точки зрения), который легко считывается из фрагментов интервью с информантами, постоянно подчеркивающими, что если у них что-то и получается в рамках государственных программ, то скорее не благодаря, а вопреки их декларациям и нормам: «государство пока ничем нам не помогло, слава богу, хоть не мешает» (с. 78); «плюсы нашей родины в том, что мы можем нарушать правила; пока что власти закрывают на это глаза, но неизвестно, что будет дальше» (с. 81); «такое ощущение, что пускают пыль в глаза, а на самом деле все делают для галочки» (с. 90); «логика и законы — это разное, в программе “Дальневосточный гектар” по логике многое должно быть не так, как на самом деле» (с. 91); «льготы эти на бумаге, а на самом деле нам никто ничего, никаких льгот нет» (с. 280) и т. д. Дополняет этот рефрен тема недоверия к представителям власти, например, «работники администраций не помощники гектарщикам, а хищники/мафия», для них гектарщики — «это шум и лишние хлопоты» (с. 80); или «основная рекомендация по корректировке освещения темы преобразования муниципальных образований в СМИ» — дополнить «общие фразы региональных властей об успешных примерах объединений... мнением жителей соответствующих районов — населению легче поверить таким же людям, как они, чем губернатору» (с. 187).

Отдельные утверждения авторов носят избыточно оценочный характер: например, «чаще всего сельскую местность обсуждают с точки зрения агропромышленного комплекса, однобоко» (неверно), «государство по большей части ушло из деревень, и тема деревни не интересует российское общество» (все не столь однозначно) (с. 266). Иногда оценочности, напротив, недостаточно: скажем, вряд ли «архаичные и традиционные промыслы обеспечивают населению экономическую и социальную стабильность» (с. 272), а «жители северных труднодоступных сел комбинируют несколько видов “теневых подработок”, чем обеспечивают себе безбедную жизнь» (с. 275) — скорее речь идет о выживании. Некоторые утверждения слишком схематичны и потому некорректны: например, что «три наиболее значимых ученых, повлиявших на развитие крестьяноведения в России, — А. В. Чаянов, Т. Шанин и Дж. Скотт» (с. 267). Безусловно, все трое внесли неоценимый вклад в междисциплинарное предметное поле, связанное с изучением сельской жизни, но все же список российских и зарубежных «отцов-основателей» крестьяноведения значительно шире, и вряд ли Скотт и Чаянов назвали бы себя крестьяноведами и создателями теории «моральной экономики».

Несмотря на традиционные для текстов начинающих авторов недочеты, для представителей сельской (и не только) социологии

И. В. Троцук
Новый взгляд
на старые про-
блемы российской
периферии

сборник — бесспорное свидетельство того, что в деятельное решение проблем российской периферии готовы включиться концептуально подкованные, методически грамотные и неравнодушные молодые исследователи, уважающие повседневную «экспертность», задающие правильные вопросы (например, «почему распространенное идеологическое движение поселений родовых поместий, состоящее из мигрировавших жителей городов, так и не сумело повсеместно построить успешную модель самоорганизации и управления ресурсами?») и готовые слышать и предоставлять «право голоса» низовым социальным акторам. Пока статьи несколько идеалистичны, но тем самым они оптимистично диссонируют с депрессивно-апокалиптическими описаниями будущего сельской России и внушают надежду на ее сохранение.

A new look at the old problems of the Russian hinterland

Review of the book: From Family Homesteads to the Far Eastern Hectare: Non-Trivial Issues of Public Administration and Municipal Government. Moscow: Khamovniki Foundation for the Support of Social Research; Common Place, 2021. 312 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Дезурбанизация: за и против¹

Л. А. Овчинцева

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского д. 82, стр.1. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-239-245

Тема дезурбанизации часто присутствовала на научных форумах в 2021 году, чему немало способствовала обстановка пандемии, подталкивавшая к дистанцированию и расселению. В сентябре 2021 года дезурбанизацию обсуждали на Московском международном форуме «Пути России»², в октябре — на Никоновских чтениях³. В ноябре 2021 года в рамках очередного Конгресса социологов России состоялась сессия «Дезурбанизационная миграция в России и развитие человеческого капитала на малых территориях», под руководством профессора *Н. Е. Покровского (Высшая школа экономики, Москва)*.

Сессию открыл *В. А. Мансуров*, президент Российского общества социологов (*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва*), подчеркнувший в своем приветственном слове актуальный тренд соединения традиционных и инновационных исследований при изучении социальных проблем.

Тон научной дискуссии задал доклад *Н. Е. Покровского*, посвященный формированию модели дезурбанизации. В своем выступлении он констатировал, что мы являемся свидетелями формирования новой макросоциологической модели, в рамках которой возникают и занимают все большее место новые социальные процессы, и в их числе — дезурбанизация. Основные тезисы доклада были следующими:

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
2. *Пугачева М. Г.* (2021). Биополитика и солидарность между городом и селом // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 201-207.
3. *Крылатых Э. Н., Фролова Е. Ю.* (2021). Домик в деревне против города: обзор по итогам выступлений на XXVI Никоновских чтениях // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 200-214.

— Известно, что город и внегородские пространства связаны между собой и находятся в динамическом равновесии. В последние годы изменилась стратегия развития мегаполисов и городов-миллионников, возобладали идеи расширения городских агломераций за счет создания зоны массовой застройки и сконцентрированного на бывших землях сельхозназначения многоэтажного строительства. Эти новые кварталы характеризует «всасывающая» миграция, однако каков состав населения этих районов и каковы экономические модели поведения новых горожан, пока изучено очень мало.

— Идеология расширения мегаполисов ширится и укрепляется, равно как и предложения со стороны строительной индустрии. Возникли проекты мегаполисов даже и в Сибири. Замечено, что при заселении новых городских пространств возникают категории людей, которые ощущают падение качества своей жизни в городских микрорайонах. Неравномерность восприятия изменений городской среды создает базу для дезурбанизации (рост стоимости жилья, неприятие некоторых социальных эффектов цифровизации, вызванные пандемией ограничения) — все это образует выталкивающие факторы дезурбанизации. Немалую роль, по мнению докладчика, играют и средства массовой информации, которые охотно размещают материалы по этой новой теме.

— Если говорить о формах дезурбанизации, отчетливо прослеживаются по меньшей мере два вида: традиционная дезурбанизация, основанная на идеализации сельского и сельскохозяйственного образа жизни и склонная к архаизации форм хозяйственной жизни, и модернизационная дезурбанизация, фундамент которой составляет дистанционная работа, часто в сфере информационных технологий, строительство жилья в новых архитектурных формах и с использованием современного оборудования для жизнеобеспечения, экологически ориентированное сознание.

В докладе *Т. Г. Нефедовой (Институт географии РАН, Москва)* была представлена критическая оценка дезурбанизации на материалах Костромской области. Автор представила анализ развития сельской местности и человеческого потенциала этого региона за период около века. С середины XX века сельское население региона сократилось в десять раз и сохранилось только в пригороде. Доминировали два процесса: отъезд и переселение в крупные населенные пункты. С 1926 года плотность населения сократилась с 13 чел. до 1,6 чел. на кв. км. Динамика населения явно коррелирует со сжатием социальной и хозяйственной инфраструктуры на территории региона.

По мнению докладчика, резерв дезурбанизации в Костромской области невелик из-за разрушения инфраструктуры и дорог. Наблюдения и опрос жителей показали, что число оставшихся на зимовку в 2020 года (первый год пандемии) дачников в периферийном Мантуровском районе увеличилось примерно в два раза, но в абсолютном значении было невелико, и многие не хотели бы повторять

этот опыт еще раз, так как горожане, особенно пожилые, сочли, что условия для постоянного проживания в сельской местности некомфортные. Ситуация в Некрасовском районе Ярославской области, где находится знаменитое село Вятское, была, по данным исследования докладчика, немногим лучше.

По мнению Нефедовой, основу для дезурбанизации и выезда на периферию регионов могли бы составить традиционные и новые виды деятельности: малый и средний сельскохозяйственный бизнес, переработка даров леса, деревообработка. Но для развития малого бизнеса в сельской местности нужна стартовая поддержка и некоторая помощь в организации сбыта продукции, а также в целом адаптация институциональных условий к условиям ведения именно малого бизнеса, снятие административных барьеров. К новым видам деятельности докладчик отнесла исторический и рекреационный туризм, создание малых предприятий, восполняющих дефицит объектов социальной сферы (например, небольшие домашние детские сады), удаленную работу. А для всего этого в первую очередь необходимо развитие инфраструктуры.

Дачное использование обширных живописных, некогда освоенных и густонаселенных, а ныне пустующих пространств Костромской области представляется автору доклада наиболее вероятным. Для его распространения необходима информация о свободных домах и участках, облегчение оформления перехода прав собственности на неиспользуемые земли и здания, учет временно проживающего населения при планировании развития инфраструктуры территорий.

Доклад Нефедовой дополнило выступление *У. Г. Николаевой (Институт социологии РАН, Москва)*, при подготовке которого также использовались материалы наблюдений в Костромской области. В этом исследовании представлены результаты опроса семей, оценивающих свой опыт дезурбанизации положительно. В качестве респондентов были выбраны более молодые семьи с детьми. Члены этих семей после переселения трудоустроились, их дети вполне успешно учатся в сельских школах, и родители удовлетворены тем, что в малокомплектных классах ученики естественным образом получают больше внимания учителей.

В качестве отталкивающих от дезурбанизации моментов респонденты назвали: трудности сельского быта, ограниченный набор услуг, узость рынка труда, депрессивную социальную среду, отсутствие инфраструктуры досуга. Семьи, которые в целом были удовлетворены своим опытом дезурбанизации, негативно оценивали сужение круга общения, отмечали, что приходится заново формировать социальные связи.

Для решения этой проблемы группа молодых семей пытается выкупить здание закрытой школы в Мантурово, чтобы создать там учебно-научный центр и точку притяжения для горожан, переезжающих в сельскую местность.

Также Николаева остановилась на факторах, отталкивающих от жизни в городах, а именно: дегуманизация, рост бедности, закрепитованность населения. Эти явления становятся негативным эффектом городского стиля жизни, ориентированного на чрезмерное потребление в том числе товаров и услуг, которые зачастую трудно назвать необходимыми. Социологические исследования показывают, что среди потребителей кредитов лидируют семьи с детьми и неполные семьи. Малоимущие, пользующиеся кредитами, в результате вынужденно тратят на их погашение большую часть своих доходов. Не исключено, что малоимущие семьи будут в числе тех, кто покинет города именно по экономическим причинам. Факторы, притягивающие менее обеспеченных горожан в сельскую местность и малые города, это — дешевизна жилья, отсутствие «ненужных трат», присутствующих в городском обществе потребления, экономия времени на поездки до места работы и вследствие этого высвобождающееся время, которое можно использовать для творчества.

Тема новых видов занятости в сельской местности, а именно роль сельского туризма, была рассмотрена в докладе *С. Н. Смирнова (Высшая школа экономики, Москва)*. Докладчик проанализировал новейшие нормативно-правовые документы, оказывающие влияние на развитие сельского туризма. В 2021 году был принят закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», в котором вводится понятие «сельский туризм», национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», а также Госпрограмма развития туризма. В целом все это следует оценить как важный этап в развитии внутреннего и сельского туризма, однако некоторые положения в документах вызывают вопросы. Например, не понятно, почему законом определено, что услуги сельского туризма могут оказывать только сельхозтоваропроизводители? В мировой практике принято говорить об «агротуризме», такой подход фокусирует внимание общества на фермерах, позволяет им предоставлять услуги по размещению туристов. В России число фермеров сравнительно невелико, а оказание туристических услуг могло бы стать формой дохода не только тех, кто занят сельским хозяйством. Критику вызвал подход к объединению сел и малых городов в единую категорию управления, так как, по мнению докладчика, это может привести к сокращению выделения ресурсов на развитие села и малых городов.

Доклад *Е. Н. Заборовой (Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург)* был посвящен проблемам развития малых городов. Докладчик с сожалением отметила, что позиция федеральных властей направлена не на развитие малых городов, а на расширение территорий крупных городов и превращение их в городские агломерации. По официальным данным, сейчас в стране сорок таких агломераций. Население малых городов сокращается в среднем на 3% в год, хотя бывали периоды, когда со-

крашение достигало 11%. Между тем малые города выполняют важные функции как центры обслуживания прилегающих территорий, как места размещения цехов и филиалов предприятий из больших городов, как центры туризма и рекреации, как составные элементы агломераций. Большинство наукоградов — это также малые города.

Докладчик подчеркнула, что в настоящее время цифровизация снимает необходимость находиться в городе. Многие стороны жизни: экономика (труд, банковские услуги), участие в политической жизни страны (голосование), образование, развлечения вполне могут осуществляться онлайн. И если бы удалось добиться удешевления и массового производства личного транспорта на воздушной подушке, то это могло бы решить проблему с дорогами и усилить тренд на дезурбанизацию.

Л. А. Овчинцева (*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва*) в своем выступлении поддержала идеи предыдущего докладчика и рассмотрела предпосылки перехода от раздельного развития сельских и городских территорий к комплексному развитию агломераций. Были выделены технологические предпосылки (в связи с цифровизацией отпадает необходимость территориальной привязки места работы, получения образования, государственных услуг, досуга, обмена товарами и пр.), административно-управленческие (стремление властей к укрупнению единиц управления, сокращение числа сельских поселений, объединение в единую категорию малых городов и сельских поселений), экономические (стремление государства к повышению экономической эффективности предоставления социально значимых услуг в сельской местности в ущерб их территориальной доступности). Следствием такого подхода может быть усиление маргинализации периферии, так как в едином сельско-городском пространстве ее проблемы станут менее явными. В этой связи возрастает роль социологических локальных исследований, которые смогут показать внутрирегиональное разнообразие и проблемы развития периферийных территорий.

Т. И. Черняева (*Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, Саратов*) остановилась на формах и особенностях формирования социального капитала территорий в контексте региональной идентичности. Доклад был основан на результатах масштабных социологических исследований в нескольких регионах России. Эти исследования выявили особенности региональной идентичности, а также среди прочего недостаточную проектную подготовку региональных управленцев, что сказывается и на формировании социального капитала в регионах.

В сообщении А. В. Шелуджова (*Институт географии РАН, Москва*) были представлены новые методы отслеживания сезонных дачных миграций на основе спутниковых снимков интенсивности ночной освещенности. Этот метод облегчает широкомасштабные ис-

следования: докладчик применил его на шести регионах, и те, где ночная освещенность наряду с Москвой, значительно варьируют по сезонам (это оказались крупные промышленные центры — Нижний Новгород и Пермь). Исследование показало тесную корреляцию динамики ночной освещенности с уровнем экономического развития территории и динамикой населения. В Московском регионе динамика ночной освещенности позволила определить наиболее крупные ареалы распространения второго жилья на запад и север от мегаполиса.

В докладе *В. А. Шиловой (Институт социологии РАН, Москва)* были представлены результаты социологического исследования изменения образа жизни жителей села за последние тридцать лет (проведено в 2021 году в Ярославской области). Глубинные интервью и количественный опрос выявили сокращение форм социальной жизни, уменьшение масштабов сельскохозяйственной деятельности (как числа сельскохозяйственных предприятий, так и размеров личного подсобного хозяйства, сокращение товарообмена между городом и деревней). Селяне все чаще ездят работать в пригороды, а в своей деревне только живут. Увеличилась несвойственная ранее обособленность их домохозяйств, сократилось число детей в семьях. Среди наиболее негативных изменений прошедших десятилетий респондентами были отмечены сокращение рынка труда в сельской местности и ухудшение дорог и транспортного сообщения, среди положительных — развитие цифровых технологий, облегчающих некоторые стороны жизни. Половина респондентов не хотела бы, чтобы их дети остались жить на селе, и в целом по результатам опроса складывается негативный образ будущего в представлении жителей села.

В рамках дискуссии было сделано несколько сообщений. В частности, *А. Н. Метелкин (Ресурсный центр развития сельских территорий, Московская область)* высказал предположение, что пустующие сельские территории будут заселяться выходцами из городов, имеющими новые и отличные от традиционных целей переселения, механизмы освоения и приемы жизни на селе. *А. А. Макаров (ГУП Московский метрополитен, Москва)* обратил внимание слушателей на высокое значение технологического фактора при оценке сельско-городских миграций, поскольку современная техника ведет к сокращению использования живого труда в сельском хозяйстве. *А. А. Чернега (Отдел туризма администрации Тотемского района Вологодской области)* привел примеры положительного влияния социокультурных проектов на развитие малых населенных пунктов. *А. Н. Расходчиков (Московский центр урбанистики «Город»)* обратил внимание участников сессии на проблемы в управлении развитием сельских территорий в рамках создаваемых агломераций. Выступавший с сожалением отметил отсутствие стимулов у властей к развитию малых городов, в то время как международный опыт показывает, что развитие малых городов зависит не только от инициативы местных жителей.

Участники сессии в целом были удовлетворены представленными докладами и дискуссией, однако даже такой разносторонний разбор темы не позволил пока сделать определенные выводы, насколько продолжительны и устойчивы будут дезурбанизационные процессы в постковидную эпоху.

245

Л. А. Овчинцева

Дезурбанизация:
за и против

Deurbanization: pro et contra

Lubov A. Ovchintseva, PhD, Leading Researcher, Center for Agrarian studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadsky Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

К 80-летию юбилею Василия Якимовича Узуна

Ц. Лерман

Цви Лерман, профессор эмеритус Университета Хеврона в Иерусалиме. 76100, Израиль, Реховот, 12. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-246-247

Я встретился с Василием Якимовичем в первый раз в декабре 1991 года в пресловутом здании № 4 на Старой площади. До августовского путча здесь располагался Центральный аппарат КПСС. В декабре большинство кабинетов оставались запечатанными прокуратурой. Для нас — официальная миссия Мирового банка, приехавшая в Россию по приглашению М. С. Горбачева — был открыт один кабинет, в котором мы обсуждали будущее сельского хозяйства России с командой минсельхозов СССР и союзных республик, Аграрного института и другими представителями российской науки и общественности. Василий Якимович стал одним из самых активных участников этих обсуждений, чувствовалось, что у него много идей, как можно помочь советскому сельскому хозяйству и сельским жителям. Он задавал много практических вопросов, а я ему пояснял, как и что мы делаем. В частности, он заинтересовался влиянием инфляции на балансы предприятий. Мне кажется, что индексацию балансов в России не проводят по сей день, но магией механизма индексации овладели и свободно им пользуются.

Миссия 1991–1992 годов после этих обсуждений завершилась обстоятельным отчетом с конкретными рекомендациями по земельным и сельскохозяйственным реформам в СССР. Но к тому моменту, когда отчет был опубликован (в 1993 г.), СССР распался и некому было претворять наши предложения в жизнь. Впрочем, они остаются актуальными, как мне кажется, и по сей день, редкая публикация за рубежом по вопросам преобразований в АПК России обходится без их цитирования.

После этой первой встречи в декабре 1991 года я посоветовал Международной финансовой корпорации (IFC) (институту международного развития, подразделению Всемирного банка), когда губернатор Б. Е. Немцов привлек ее к реализации земельной реформы, обратиться к В. Я. Узуну. Россия как член Всемирного банка могла пользоваться проектами технической помощи этой организации. Мы плодотворно работали в Нижнем Новгороде, Василий Якимович был здесь ключевой фигурой. Этот проект был интересен тем, что в рам-

ках существовавшего российского законодательства разрабатывались практические механизмы приватизации и создания новых организационно-правовых форм в сельском хозяйстве. Я считаю, что немаловажным итогом той работы стало то, что до сих пор большая часть сельхозугодий находится в руках сельских жителей, часть которых стали предпринимателями, часть — получают арендную плату. К сожалению, многие не смогли воспользоваться возможностями, что не удивительно, учитывая проблемы становления малого бизнеса и сохранения собственности в России. Нарботки, сделанные в Нижнем и утвержденные местным законодательным органом, потом не только были учтены в российском законодательстве, но частично применялись в Украине, Молдавии и других бывших республиках СССР.

Я продолжал сотрудничать с Василием Якимовичем и после окончания этих проектов. Меня главным образом интересовали три взаимосвязанных направления его исследований: анализ новой аграрной структуры, сравнение эффективности малых и крупных сельхозпроизводителей (он их называл «малым и крупным агробизнесом») и исследование финансовых результатов российских агрохолдингов.

В отличие от некоторых российских ученых и общественных деятелей, он всегда поддерживал развитие «малого агробизнеса», в котором ощущал недооцененный потенциал роста производства, сельской занятости и сельских доходов, считал их чрезвычайно важными для такой большой страны, как Россия. Исследования агрохолдингов требовали дотошной подготовительной работы по выделению новой организационной формы, не учитываемой статистическими органами, и привели к составлению, в первый раз, полного реестра российских агрохолдингов. Узун не скрывал свои сомнения по поводу долгосрочной стабильности агрохолдингов и был особенно обеспокоен последствиями банкротства таких сверхкрупных монополий и его влияния на занятость и благополучие сельского населения в местном и региональном разрезах.

Работы Василия Якимовича Узун публиковались не только в России, но и в престижных изданиях на Западе. Его идеи доступны на английском языке широкому кругу исследователей, интересующихся сельскохозяйственными структурами и системами, вопросами сельских доходов и сельской занятости и, конечно, перспективами сельского развития.

Желаю Василию Якимовичу крепкого здоровья и долгой, продуктивной жизни.

Anniversary of V. V. Uzun

Zvi Lerman, Sir Henry d'Avigdor Goldsmid Professor Emeritus of Agricultural Economics, Department of Environmental Economics and Management, Robert H. Smith Faculty of Agriculture, Food and Environment, Hebrew University of Jerusalem (Israel), P.O. Box 12, Rehovot, 76100, Jerusalem, Israel. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

Ц. Лерман

К 80-летию юбилею Василия Якимовича Узун

Крестьяноведение

2022. Том 7. № 1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.04.2022. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ